М. А. АЛДАНОВЪ

ОГОНЬ И ДЫМЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ»
ПАРИЖЪ
1922

:: Imprimerie ::
«Presse Franco-Russe»
O. Zeluk, Directeur.
:: Типографія ::
«Франко-Русск. Печать»
216, Bd Raspail, Paris

Настоящая книга составлена изъ этюдовъ, написанныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Слѣдуя недавно поданному съ разныхъ сторонъ примѣру, я выпускаю эти этюды отдѣльнымъ томомъ. Статьи, которыя мы писали въ изгнаніи, могутъ быть хороши или дурны, скучны или интересны. Но каждый изъ насъ несетъ за нихъ отвѣтственность. Между тѣмъ только въ формѣ книгъ онѣ имѣютъ шансы дойти до читателей оставшихся въ Россіи.

Число кающихся эмигрантовъ ростетъ. Они говорятъ намъ, что отношеніе къ «бѣжавшимъ» писателямъ будетъ особенно суровое, связанное сь общимъ предубѣжденіемъ. Я этого не думаю. Великій русскій писатель-эмигрантъ завѣщалъ намъ нѣсколько страницъ, гдѣ хорошо объясняются причины «бѣгства» изъ странъ, въ которыхъ попрано человѣческое достоинство и нѣтъ мѣста свободной рѣчи. Надо ли повторять огненныя слова А. И. Герцена?

АВТОРЪ.

ОГОНЬ И ДЫМЪ.

Вареоломеевскій годъ. — Одинъ изъ очевидцевъ ночи 23 августа 1572 года безхитростно разсказываетъ на старинномъ французскомъ языкѣ: «Въ эту ночь смерть и кровь понеслись по улицамъ нашего добраго города. Я видѣлъ знатныхъ господъ, которые съ яростью проносились мимо меня, крича: «Tuez, tuez, le roi l'ordonne!» Не знаю, въ чемъ дѣло, но они, вѣроятно, правы; только смотрѣлъ я на все это въ глубокомъ изумленіи (à merveille estonné). Наконецъ, я рѣшился выйти, — огонь уже догоралъ, но шелъ по Парижу густой черный дымъ».

Когда лѣтъ шесть тому назадъ*) намъ попадались въ руки письма или воспоминанія современниковъ Вареоломеевской ночи, чуждой и непонятной представлялась намъ мрачная психологія людей 16-го вѣка. Вотъ хотя бы что доносилъ съ восторгомъ Филиппу II его

*) Писано въ декабрѣ 1919 г.

парижскій посолъ Цунига подъ первымъ впечатлѣніемъ кроваваго зрѣлища:

«Въ то время какъ я пишу, они (католики) убиваютъ ихъ всѣхъ, срываютъ съ нихъ одежды и влачатъ ихъ по улицамъ; они грабятъ дома и не даютъ пощады даже дѣтямъ. Да благословенъ будетъ Господь, который привлекъ французскихъ принцевъ къ своему святому дѣлу! Да внушитъ онъ сердцамъ ихъ продолжать такъ, какъ они начали!»

Самъ король испанскій, по словамъ современниковъ, получивъ извѣстіе о Варѳоломеевской ночи, разсмѣялся отъ радости въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ велѣлъ пропѣть Te Deum въ монастырѣ св. Іеронима и немедленно отвѣтилъ Цунигѣ: «Ваше извѣстіе было одной изъ величайшихъ радостей, когда либо выпадавшихъ на мою долю. Сейчасъ-же выразите королевѣ-матери удовлетвореніе, которое вызываетъ во мнѣ дѣйствіе, столь угодное Богу и Христу; оно будетъ передъ потомствомъ величайшей славой короля, моего брата».

Не менѣе довольна была и королева-мать. Она изъявила свое удовольствіе въ формѣ сжатой и логичной. «Гораздо лучше, чтобы это случилось съ н и м и, чѣмъ съ нами». И Катерина Медичи прибавляла иронически

на рифмованномъ французско-латинскомъ языкѣ: «Beatus qui non fuerit in me scandalizatus».

Впрочемъ, почти никто особенно скандализованъ и не былъ. Извѣстный памфлетъ Отмана (De furoribus gallicis), который сдѣлалъ изъ Варѳоломеевской ночи весьма радикальные — пожалуй, и для нашего времени — политическіе выводы, составляетъ исключеніе. Католическое общественное мнѣніе отнеслось къ событію даже нѣсколько благодушно. Веселый Брантомъ упомянулъ о немъ въ своемъ обычномъ тонѣ балагура (оправдывая репутацію, сдѣланную ему позднѣйшимъ критикомъ: «этотъ человѣкъ ни разу въ жизни не поинтересовался вопросомъ, что такое добро и зло»).

Были однако и исключенія въ станѣ торжествующихъ побѣдителей. Тотъ же Брантомъ разсказываетъ о благочестивой Елизаветѣ, королевѣ французской, женѣ озвѣрѣвшаго Карла IX: «Elle s'étoit allée coucher de bonne heure la veille de la saint-Barthélemy. Ne s'étant réveillée qu'au matin, on lui dit à son réveil le beau mystère qui se jouait. «Hélas! dit-elle soudain, le Roy mon mari le scait-il?» — «Oui, Madame, répondit-on, c'est lui-même qui le fait faire». «O! mon Dieu! s'écria-t-elle, qu'est cecy? et quels conseillers sont ceux qui luy ont donné tel advis?... Mon

Dieu!... J'ay grand peur que cette offense ne lui soit pas pardonnée».

Теперь, на порогѣ двадцатыхъ годовъ двадцатаго вѣка, мы читаемъ разсказъ Брантома иначе. Цѣлые годы живемъ мы въ умственной и моральной атмосферѣ Варѳоломеевской ночи. Психологія испанскаго посла намъ гораздо ближе и понятнѣе, нежели психологія французской королевы. Послѣднее пятилѣтіе представляетъ собой поразительный рецидивъ исторіи. Пулеметъ замѣнилъ пищаль, вотъ и весь прогрессъ съ 16-го вѣка. А вѣдь были ученые, спорившіе съ Вико по вопросу о возможности историческихъ ricorsi.

Огонь, бурлившій пять лѣтъ, кажется, понемногу догораетъ. Но идетъ по всей Европѣ густой черный дымъ. Мѣстами сверкаетъ и пожаръ: одно изъ этихъ м ѣ с т ъ — шестая часть земли. Варѳоломеевскій годъ кончился. Варѳоломеевскій годъ начинается.

В ъ К о б л е н ц ѣ. — Въ Кобленцѣ въ пору Великой Революціи скопились самые знатные и самые реакціонные изъ французскихъ эмигрантовъ. Мелкое дворянство разселилось въ дешевой Лозаннѣ; болѣе либеральные роялисты уѣхали на жительство въ Лондонъ. Эмигранты Кобленцскаго двора

сходились между собою въ политическихъ взглядахъ. Единодушно признавали необходимымъ возстановить старый самодержавный порядокъ и вернуть законнымъ владѣльцамъ родовыя помѣстья, наложивъ штрафы и пени на дерзкихъ захватчиковъ-вассаловъ. Составляли длинные списки людей, подлежащихъ смертной казни; первымъ номеромъ въ этихъ спискахъ шелъ Лафайетъ, котораго ненавидѣли гораздо болѣе, чѣмъ Марата. Крайнихъ якобинцевъ скорѣе даже уважали за крѣпкія слова и за идею твердой власти. Спорили больше о томъ, кому командовать карательной экспедиціей: принцу Конде или маршалу де-Брой; перваго считали недостаточно твердымъ, а у второго сынъ служилъ въ революціонной арміи. Un de Broglie!...

Жили эмигранты со дня на день, ожидая конца случившейся съ ними непріятной исторіи. Уже былъ израсходованъ послѣдній милліонъ ссуды, присланной Екатериной Второй. Штатъ двора сократился. Время праздниковъ и баловъ миновало. Передавали зловѣщіе слухи о начавшейся тяжелой нуждѣ. Герцогиня де-Гишъ поступила въ сидѣлки; маркизу де-Гильомъ кормилъ на свой счетъ ея старый лакей; графъ де-Майи сталъ наборщикомъ; виконтъ де-Куанье открылъ сапожную мастерскую. Вполголоса называли имена знат-

ныхъ дамъ, которыхъ нужда заставила опуститься еще ниже. Сплетня и злорадство останавливались передъ этими несчастьями.

Весной 1792 года стали появляться долгожданныя радостныя извѣстія. Европа, наконецъ, рѣшила возстановить прежнюю Францію. Одному изъ эмигрантовъ это сказалъ на пріемѣ графъ Кобенцль; другой недавно завтракалъ у Питта; третій получилъ письмо отъ фаворита Екатерины.

Къ лѣту въ Кобленцѣ появился прусскій король и его армія подъ командой герцога Брауншвейгскаго. Говорили, что скоро пріѣдетъ на подмогу изъ Московіи генералъ *Суваровъ*, тотъ самый, который кричитъ пѣтухомъ. Съ нимъ должны прискакать миріады —«des sotnias, vous dis-je»—степныхъ казаковъ. Этихъ не заразишь якобинской пропагандой.

Въ день, когда нѣмецкія войска проходили по улицамъ Кобленца, множество эмигрантовъ собралось въ кофейнѣ Трехъ Коронъ. Пили вино и строили веселые планы.

Только одинъ изъ роялистовъ, бывшій депутатъ Казалесъ, на радостномъ праздникѣ близкой побѣды сохранялъ угрюмый видъ. Казалеса недолюбливали въ эмиграціи; его считали либераломъ, чуть даже не конституціоналистомъ. Молодой графъ Ласъ-Казъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Неужели, сударь, васъ не радуетъ видъ этихъ доблестныхъ нѣмецкихъ войскъ, которыя идутъ выручать нашу дорогую Францію?

— Молодой человѣкъ, — отвѣтилъ мрачно Казалесъ, — мнѣ трудно отвѣтить на вашъ вопросъ. Конечно, я люблю нашихъ вѣрныхъ союзниковъ-нѣмцевъ. Но по совѣсти не скрою отъ васъ, что я отъ всей души желаю этимъ доблестнымъ воинамъ, отъ перваго до послѣдняго человѣка, потонуть въ серебряныхъ водахъ Рейна. Хорошо бы и мнѣ отправиться туда вслѣдъ за ними. Горе тому, кто зоветъ въ свою страну чужеземцевъ! Мы знаемъ, для чего мы ихъ зовемъ. Но кто знаетъ, для чего они къ намъ идутъ?

Ласъ-Казъ отошелъ съ досадой. Къ Казалесу подсѣлъ Ривароль, краса салоновъ и король собесѣдниковъ.

Никто не зналъ толкомъ, почему этотъ знаменитый писатель очутился въ лагерѣ роялистовъ. Единственный изъ всѣхъ французовъ, онъ громилъ революцію еще до взятія Бастиліи. Тѣмъ не менѣе аристократы не считали его своимъ. Говорили, будто отецъ писателя содержалъ трактиръ на югѣ Франціи. Самъ Ривароль, титуловавшій себя графомъ, ясно давалъ понять, что почти одинаково презираетъ парижскихъ революціонеровъ и роялистовъ Кобленца. Чеканныя слова его

передавались по всѣмъ салонамъ Европы; однако, никогда не было извѣстно, говоритъ ли онъ серьезно или издѣвается надъ наивными людьми.

— Мосье де-Казалесъ, — сказалъ Ривароль, — быть можетъ, вы отчасти правы. Но... разумъ слагается изъ истинъ, которыя нужно высказывать, и изъ истинъ, о которыхъ нужно молчать. Во всякомъ случаѣ вы правы на 24 часа раньше, чѣмъ слѣдуетъ. А это гораздо хуже, чѣмъ быть вовсе не правымъ.

— Графъ, — отвѣтилъ Казалесъ, съ нѣкоторой насмѣшкой произнося титулъ писателя, — говорятъ, что послѣ смерти Вольтера вы — самый умный человѣкъ во Франціи. Такъ не можете ли вы сказать мнѣ, чѣмъ все это кончится?

— Революція? — переспросилъ Ривароль, учтиво кланяясь собесѣднику. — Я думаю, что съ якобинцами справится только якобинецъ. Но этотъ якобинецъ будетъ, вѣроятно, французскій генералъ. Революція всегда кончается саблей. Если король не найдетъ своей арміи, армія найдетъ своего короля.

— Короля изъ якобинцевъ?

— Короля изъ отставныхъ якобинцевъ. Что дѣлать? Я самъ чувствую отвращеніе къ пожарнымъ, которые выходятъ изъ поджигателей; но именно изъ поджигателей выходятъ самые лучшіе пожарные.

— Такъ для чего же мы ведемъ во Францію сто тысячъ нѣмецкихъ солдатъ?

Ривароль пожалъ плечами.

— Для того, чтобы якобинскій генералъ могъ себѣ составить громкое имя. Именно отъ этихъ нѣмцевъ онъ и спасетъ наше дорогое отечество.

— Я буду еще циничнѣе васъ, сударь, — раздраженно сказалъ Казалесъ. — Вообразите *худшее:* что, если мы побѣдимъ? Сто тысячъ нѣмецкихъ солдатъ — аргументъ весьма серьезный.

— Поэтому отъ него не нужно отказываться. Подобный исходъ будетъ, разумѣется, не худшій, а лучшій: тогда мы просто перемѣнимъ цвѣтъ знаменъ якобинской арміи и съ ея помощью покажемъ нѣмцамъ на дверь.

— Перемѣнимъ цвѣтъ чужихъ знаменъ! Это не такъ легко.

— И не такъ трудно. Вѣдь все дѣло въ кучкѣ вожаковъ. Когда Нептунъ хотѣлъ заговорить бурю, онъ обращался не къ волнамъ, а къ вѣтрамъ.

— Вы заговорите якобинскихъ вождей?

— Однихъ заговоримъ. Другихъ повѣсимъ. А большинство, разумѣется, подкупимъ. Слава Богу, много мерзавцевъ служитъ Великой Французской Революціи. Самъ покойный Ми-

рабо ради денегъ былъ способенъ на что угодно... даже на хорошій поступокъ.

— Мосье де-Ривароль, — сказалъ Казалесъ, — васъ въ литературѣ считаютъ пессимистомъ. Въ политикѣ вы, оказывается, крайній, хотя и своеобразный, оптимистъ. Нѣмцы ли побѣдятъ якобинцевъ, якобинцы ли побѣдятъ нѣмцевъ, — по вашему, и то и другое будетъ превосходно?

— Погибнетъ нѣсколько милліоновъ людей. Если вы это называете оптимизмомъ... Но якобинцы во всякомъ случаѣ сломятъ себѣ шею, чему я буду чрезвычайно радъ, ибо ужъ очень плохо пишутъ по французски эти болтливые господа. Однимъ словомъ, меня не пугаютъ ни нѣмецкіе солдаты, ни нашъ добрый герцогъ Брауншвейгскій, ни тотъ полоумный генералъ на *овъ*, котораго, говорятъ, собирается прислать намъ на помощь сѣверная Семирамида, предлагающая, кстати, Европѣ принять православіе для спасенія отъ революціоннаго духа... Впрочемъ, если вы знаете лучшій способъ выйти изъ нынѣшняго положенія, то я немедленно къ вамъ присоединяюсь.

Казалесъ вынулъ изъ кармана бумагу.

— Мнѣ очень хочется посрамить васъ, любезный оптимистъ и циникъ. Въ моихъ рукахъ находится копія секретнаго документа чрезвычайной важности. Это депеша вѣнскаго

министра, графа Кобенцля, на котораго возлагаете столь радужныя надежды всѣ вы, сторонники вмѣшательства Европы. Послушайте, что пишетъ нашъ вѣрный союзникъ:

«Отнюдь не должно считать непосредственной цѣлью военной операціи возстановленіе порядка во Франціи. Напротивъ, въ нашихъ интересахъ содѣйствовать продленію раздоровъ и гражданской войны въ этой странѣ. Государственное спокойствіе есть великое благо и за него Франція должна намъ уступить нѣсколько своихъ провинцій».

Ривароль улыбнулся.

— Конечно, — сказалъ онъ, — графъ Кобенцль считалъ себя Маккіавелли, когда сочинялъ эту коварную бумажку. Но, право, еще неизвѣстно, кто кого перехитритъ. Повѣрьте, не видать Кобенцлю французскихъ провинцій. Зато не пришлось бы ему увидѣть, какъ сто тысячъ нашихъ солдатъ отдадутъ Вѣнѣ визитъ. Ибо не случайно существуетъ полторы тысячи лѣтъ великая Франція. И даже среди политическихъ дѣятелей должно рано или поздно отыскаться нѣсколько умныхъ людей. Поэтому, прежде чѣмъ топиться въ серебряныхъ водахъ Рейна, выпьемъ лучше, мосье де-Казалесъ, бутылку золотого рейнскаго вина.

---

19 Флореаля. — Были послѣдніе дни кроваваго владычества Робеспьера.

Голодъ, грозный спутникъ революцій, царилъ надъ полумертвой столицей. Каждый день къ воротамъ Консьержери подъѣзжали за осужденными фургоны парижскаго палача.

19 флореаля II года у выхода изъ страшной тюрьмы стояла толпа. Въ этотъ день была назначена очень популярная казнь.

Революціонный трибуналъ только что осудилъ на смерть откупщиковъ, столь ненавистныхъ народу. Ихъ обвиняли въ утайкѣ денегъ, въ сношеніяхъ съ эмигрантами и въ отравленіи населенія: всѣ они были милліонеры.

Радостный гулъ голодной толпы, ропотъ ненависти, брани и насмѣшекъ, привѣтствовалъ осужденныхъ богачей.

Они шли къ фургонамъ, не обнаруживая особаго волненія: въ ту пору люди умирали болѣе или менѣе равнодушно.

— Хороши мои наслѣднички,— вполголоса сказалъ, поглядывая на толпу, откупщикъ-виверъ, Папильонъ д'Антеродъ, у котораго только что въ пользу революціонной націи было конфисковано огромное богатство.

Откупщики, въ большинствѣ очень старые люди, были бѣдно одѣты и имѣли видъ изнуренный. Не желая раздражать присяжныхъ, въ надеждѣ на снисхожденіе суда, они съ

момента ареста надѣли простое платье и заказывали себѣ на сторонѣ нищенскіе обѣды по сорокъ солей.

Четвертымъ въ хвостѣ двадцати восьми осужденныхъ шелъ человѣкъ, навлекшій на себя особую злобу толпы. Онъ, повидимому, принадлежалъ къ высшему обществу и сохранилъ свой обычный костюмъ. Но, кромѣ платья, что-то еще, въ лицѣ его, въ глазахъ, устремленныхъ кверху, выдѣляло этого человѣка изъ числа другихъ осужденныхъ.

Когда онъ подходилъ къ воротамъ, изъ толпы шагнулъ впередъ простолюдинъ, въ лохмотьяхъ и изможденный.

— Кровопійца, вампиръ! — прокричалъ онъ хриплымъ голосомъ. — Подавись по дорогѣ народной кровью!

Четвертый откупщикъ повернулъ голову. Выраженіе ужаса мелькнуло на его лицѣ. Онъ на мгновеніе остановился, поднялъ руку, точно защищаясь, и быстрѣе зашагалъ къ фургону...

Какой-то лавочникъ въ толпѣ, узнавъ въ лицо четвертаго откупщика, съ радостнымъ недоумѣніемъ сообщалъ о немъ подробности:

— Онъ живетъ на дачѣ, на бульварѣ Мадленъ, недалеко отъ моей торговли... Сказывали, ученый человѣкъ, алхимикъ, что ли... Кто же

могъ знать, что это такой негодяй, — говорилъ лавочникъ, оправдываясь въ знакомствѣ.

— Если ученый человѣкъ моритъ голодомъ и отравляетъ народъ, то ему мало гильотины, — сказалъ простолюдинъ въ лохмотьяхъ, глядя вслѣдъ фургону.

— Да онъ, вѣроятно, и колдунъ, — добавила стоящая рядомъ старуха. — Всѣ они, алхимики, колдуны.

Надъ суевѣріемъ старушки посмѣялись: гражданкѣ слѣдовало бы знать, что колдуновъ больше нѣтъ; послѣдняго сожгли еще при тиранахъ.

Лавочникъ старался вспомнить имя четвертаго откупщика: «Вуазенъ... нѣтъ, Дюбуазо... Ахъ, да, Лавуазье»...

* * *

— Палачу было достаточно минуты, чтобы отрубить эту голову. Природѣ понадобится столѣтіе, чтобы создать другую такую-же.

Голосъ Лагранжа дрогнулъ.

...— Судомъ невѣждъ, судомъ разбойниковъ на казнь отправленъ великій Лавуазье...

— Я не хотѣлъ революціи. Вы съ Монжемъ ее хотѣли, — угрюмо отвѣтилъ Лапласъ.

Въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ подъ вечеръ 19 флореаля сидѣли два знаменитыхъ мыслителя, разговоръ на мгновеніе замолкъ.

— Я достаточно зналъ лучшаго изъ королей, Фридриха, чтобы сочувствовать республиканской идеѣ, — сказалъ тихо Лагранжъ. — Но я не хотѣлъ той революціи, которая посылаетъ на эшафотъ геніальнѣйшаго ученаго въ мірѣ.

— Жаль, что произошла именно эта революція, а не та, какой вы хотѣли, Лагранжъ.

— Ахъ, да бросьте вы иронизировать... Я боленъ, меня бьетъ лихорадка...

Лагранжъ взялъ со стола бумагу и сталъ ее читать прерывающимся голосомъ. Это было предсмертное письмо Лавуазье. Спокойно, какъ истинный мудрецъ, онъ прощался съ жизнью и съ друзьями.

— Откупщикъ!... Вотъ преступленіе, — сказалъ Лагранжъ устало. — Откуда этимъ невѣждамъ знать, для чего деньги были нужны Лавуазье. Какихъ суммъ стоили ему безсмертные опыты, установившіе законъ сохраненія вещества! На одни изслѣдованія по агрономической химіи Лавуазье потратилъ 120 тысячъ ливровъ. Вотъ куда шло богатство этого откупщика...

— «Откупщика, заговорщика, дворянина и врага народа», такъ сказано въ приговорѣ.

— «Врагъ народа»... Идіоты! Лавуазье былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей вѣка. Во время голода въ Блуа, онъ на свой счетъ кормилъ населеніе города. Едва ли не первый

во Франціи, онъ высказался за эмансипацію евреевъ. А его проектъ по народному образованію! А книга по политической экономіи, нынѣ прерванная смертью!.. Никто не сдѣлалъ для народа больше, чѣмъ сдѣлалъ для него Лавуазье.

— Вотъ его и отблагодарилъ народъ, высшій судья, единственный суверенъ и источникъ всякой мудрости, какъ говорилъ вашъ глубокомысленный другъ Жанъ-Жакъ, котораго *тираны*, къ сожалѣнію, позабыли посадить въ сумасшедшій домъ.

Лапласъ разсказалъ подробности процесса. Лавуазье просилъ отсрочить казнь на четыре недѣли, чтобы дать ему возможность занести на бумагу нѣсколько мыслей исключительной важности. Предсѣдатель суда отказалъ, замѣтивъ, что республикѣ не нужно ученыхъ.

— Кто этотъ болванъ?—спросилъ Лагранжъ, пожавъ плечами.

— Коффиналь. При послѣднемъ *тиранѣ* онъ былъ прокуроромъ Шатлэ, — предупредительно сообщилъ Лапласъ. — Со своей стороны я бы добавилъ, что и ученымъ не нужна республика. Правда, имъ не нужна и монархія... Если моей «Системѣ міра» суждено выдержать рядъ изданій, то я намѣренъ къ каждому новому изданію давать новое предисловіе, а въ каждомъ новомъ

предисловіи посвящать книгу новымъ владыкамъ Франціи. Могу съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ сказать, что всѣ владыки Франціи, прошлые, настоящіе и будущіе, въ моихъ идеяхъ поймутъ приблизительно одинаково. Но, можетъ быть, при этомъ условіи я не попаду на эшафотъ. Вѣдь маленькое memento mori мнѣ уже объявлено.

Онъ вынулъ изъ кармана памфлетъ «Les charlatans modernes», въ которомъ Маратъ, считавшій себя геніальнымъ физикомъ, опровергалъ научныя теоріи «корифея шарлатановъ» Лавуазье, а кстати требовалъ для него висѣлицы.

— Возможно, что именно эта книжка стоила жизни нашему другу. Но такъ какъ въ числѣ шарлатановъ значусь и я, то мнѣ слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ. Я очень берегу свою репутацію добраго санкюлота. Надѣюсь, мудрое правительство единой и нераздѣльной Франціи назначитъ мнѣ, за довершеніе дѣла Ньютона, десять тысячъ ливровъ жалованья — ровно половину того, что получаетъ парижскій палачъ.

Беззвучно смѣясь, онъ прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ брошюры.

— Лагранжъ, какой ударъ наукѣ нанесъ кинжалъ Шарлотты Корде...

Въ это время на улицѣ послышалась кар-

маньола. Они подошли къ окну. Мимо дома проходила, безъ большого, впрочемъ, воодушевленія, толпа людей. Впереди на окровавленныхъ пикахъ несли чьи-то головы.

Лапласъ, внимательно смотрѣвшій на процессію, вдругъ разсмѣялся своимъ тяжелымъ, почти беззвучнымъ смѣхомъ.

— Знаете ли вы, Лагранжъ, кто этотъ санкюлотъ впереди? Вонъ тотъ съ пышной сѣдой шевелюрой, похожій на провинціальнаго нотаріуса... Это гражданинъ де-Садъ, бывшій маркизъ, теперь секретарь Секціи Пикъ. Что? Ну, да, тотъ самый, авторъ «Жюстины» и «Философіи въ будуарѣ». Его недавно выпустили изъ Шарантона. Можетъ быть, онъ скоро замѣнитъ Робеспьера, какъ вы думаете? Я посвящу ему тогда свою книгу.

Лагранжъ въ изнеможеніи опустился въ кресло.

— Такъ вотъ та революція, о которой мечтали лучшіе люди поколѣнія! Вотъ то, чему служить насъ призывалъ Вольтеръ! Пантеонъ отведенъ останкамъ Марата, въ общую яму сейчасъ бросаютъ обезглавленное тѣло Лавуазье. Тупой невѣжественный адвокатъ, котораго провозгласили богомъ, измывается надъ несчастной страной, звѣри ходятъ свободно по улицамъ Парижа... Казненъ Бальи, отравился Кондорсе, зарѣзался Шам-

форъ!.. Цезарь, новый Цезарь, приди, спаси отъ гибели тысячелѣтнюю культуру Франціи!..

Наступила тишина. Лапласъ перелистывалъ книги на столѣ.

— «Ужинъ въ Бокэрѣ», діалогъ. Что это такое?

— Очередной якобинскій памфлетъ. Беззастѣнчивое служеніе богу успѣха.

— Кто авторъ?

— Какой-то молодой человѣкъ. Его зовутъ Наполеонъ Буонапарте.

— Наполеонъ? Развѣ есть такое имя? Впрочемъ, помню, я лѣтъ восемь тому назадъ экзаменовалъ на выпускѣ парижской военной школы мальчика, который назывался какъ-то въ этомъ родѣ. Онъ прекрасно отвѣчалъ и вдобавокъ былъ совершенно увѣренъ, что понимаетъ математику гораздо лучше меня. Интересный былъ мальчикъ, но, повидимому, не слишкомъ воинственнаго духа. Помнится, онъ потомъ хотѣлъ открыть мебельную лавку. Теперь пишетъ памфлеты? Мирныя занятія для нашего времени... Изъ королевскихъ военныхъ школъ не выходили вояки...

— Вы ошибаетесь. Авторъ этой брошюры — офицеръ и недавно отличился при взятіи Тулона. Онъ — протеже Монжа.

— Который, вѣроятно, и далъ вамъ эту дрянь?

— Да. Буонапарте написалъ еще другую диссертацію — о вредѣ честолюбія. А знаете ли вы, что говоритъ въ бесѣдахъ съ вѣрными людьми этотъ якобинскій памфлетистъ: «Брюзжать противъ революціи легко, понять ее труднѣе, овладѣть ею очень трудно. Революція — это навозъ, на которомъ выростаетъ пышное растеніе».

— Понимать въ революціи нечего: не велика, слава Богу, мудрость. А вотъ овладѣть ею давно пора. Только каковъ будетъ интегралъ отъ тридцати милліоновъ пигмеевъ? Что до пышнаго растенія... Мы съ вами не мальчики, Лагранжъ. Повѣрьте, ничего, рѣшительно ничего не выростаетъ на этомъ скверномъ навозѣ. Чѣмъ дальше отъ революціи и отъ политики вообще, тѣмъ лучше... Для мужчинъ парламентская трибуна то же самое, что для женщинъ — галлереи Палэ-Рояля: послѣ политики, проституція самое грязное занятіе въ мірѣ. Движеніе спутниковъ Юпитера въ тысячу разъ важнѣе и интереснѣе всѣхъ революцій вмѣстѣ взятыхъ, включая нынѣшнюю, великую, послѣднюю и окончательную...

Такъ говорилъ санкюлотъ Лапласъ, будущій министръ Консульства, графъ Имперіи и маркизъ Реставраціи.

О возвращеніяхъ исторіи. — Въ 1725 г. Джованни Вико въ своей знаменитой книгѣ «Prinzipi di una scienza nuova» поставилъ вопросъ о сущности мірового прогресса. — Исторія, — доказывалъ итальянскій философъ, — есть вѣчное возобновленіе. Въ ней регулярно и безпрестанно чередуются три періода: періодъ божественный, періодъ героическій и періодъ человѣческій. Вико очень подробно описывалъ свойства каждаго изъ этихъ періодовъ, попутно касался всевозможныхъ другихъ вопросовъ, хотѣлъ все понять, все углубить, все разъяснить (эта слабость была присуща большинству писателей того времени), и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, не понялъ, не углубилъ и не разъяснилъ почти ничего. Отъ его путанной и довольно посредственной книги, въ сущности, только и осталось, что эффектная мысль о вѣчныхъ возвращеніяхъ исторіи. Зато эта мысль въ свѣтѣ нынѣшнихъ событій — miseris temporibus ac perditis moribus — представляетъ особый интересъ. Любимые отличительные критеріи Вико — боги и мифы (первый періодъ), герои и варварство (второй), цивилизація (третій) — какъ будто нѣсколько перемѣшались. Неизвѣстно, гдѣ теперь кончается варварство и гдѣ начинается цивилизація; насчетъ боговъ и героевъ мнѣнія сильно

расходятся; а мифовъ такъ много, что умъ за разумъ заходитъ: все, собственно, оказалось въ наши дни мифомъ, начиная отъ «освободительной войны» и кончая «диктатурой пролетаріата». Даже и языкъ теперь сталъ какой-то мифическій: пишется, напримѣръ, «самоопредѣленіе народовъ», а читается «бакинскій керосинъ».

Вспоминаю одинъ свой разговоръ съ нынѣ покойнымъ Г. А. Лопатинымъ, начавшійся по слѣдующему поводу. Говоря съ обычнымъ блескомъ и юморомъ о политическихъ новостяхъ дня, Г. А. сослался на слова, сказанныя ему «Александромъ Ивановичемъ».

— Какой это Александръ Ивановичъ? — спросилъ я, называя фамиліи двухъ политическихъ дѣятелей, бывшихъ въ разное время военными министрами Временнаго Правительства.

— Да нѣтъ; не Гучковъ и не Верховскій, — нетерпѣливо отвѣтилъ старикъ. — Герценъ. А. И. Герценъ.

Лопатинъ былъ живой легендой и всѣ это знали. Тѣмъ не менѣе ссылка — въ 1918 году — на личную бесѣду съ Герценомъ производила своеобразное впечатлѣніе, котораго я не скрылъ отъ своего собесѣдника.

— Это что! — сказалъ, разсмѣявшись, Германъ Александровичъ, — я вамъ не то еще

скажу. Меня въ дѣтствѣ воспитывала няня, умершая у насъ въ домѣ стодесятилѣтней старухой. Такъ вотъ эта добрая женщина въ молодости своей лично знала Пугачева, который даже какъ-то подарилъ ей пятакъ. Сдѣлайте выводъ: мы съ вами разговариваемъ о коммунистической республикѣ Ленина, а у меня были общіе друзья съ Пугачевымъ.

Отвѣтъ напрашивался самъ собой. Я сказалъ Герману Александровичу, что, еслибъ нянѣ его суждено было дожить до нашихъ дней, она, пожалуй, не чувствовала бы особенно рѣзкой перемѣны: въ коммунистической новизнѣ ей могла бы послышаться пугачевская старина.

Но Лопатинъ, всей душой ненавидѣвшій большевиковъ, съ моимъ замѣчаніемъ не согласился. Этотъ необыкновенный человѣкъ, который провелъ 30 лѣтъ жизни въ тюрьмахъ, пережилъ крушеніе трехъ революцій, состоялъ товарищемъ по работѣ Дегаева, былъ судьей по дѣлу Азефа, и это все для того — пошлетъ же Господь! — чтобы на старости лѣтъ дожить до совѣтскаго строя, — твердо вѣрилъ въ неуклонность прогресса вообще и русскаго освободительнаго движенія въ частности.

— Исторія не можетъ идти назадъ, — говорилъ онъ. — Куда ей назадъ идти-то: въ первобытные лѣса, что-ли? Такъ ихъ давно англичанинъ вырубилъ.

Доводы Лопатина сводились къ тому, что прогрессъ точнаго знанія исключаетъ возможность историческихъ возвращеній.

Споръ на эту тему, разумѣется, былъ бы довольно безплоденъ. Невозможность соціальнаго регресса есть догматъ вѣры. Подъ него, какъ подъ всякій догматъ вѣры, можно подвести извѣстный логическій фундаментъ; особенно это какъ будто легко, если взять перспективу вѣковъ или еще лучше тысячелѣтій, что для соціолога, разумѣется, никакой трудности не представляетъ. Правда, кромѣ соціологическихъ теоремъ и историческихъ обобщеній, есть также живые люди, которые гибнутъ на колахъ волчьихъ ямъ и на зубьяхъ проволочныхъ загражденій, на Лузитаніи, потопленной нѣмецкой подводной лодкой, и на нѣмецкой подводной лодкѣ, попавшей въ англійскую сѣть, въ чрезвычайкахъ и контръ-развѣдкахъ, подъ пулями китайцевъ и при «попыткахъ къ побѣгу»*). Но на со-

*) Эта формула «убитъ при попыткѣ къ побѣгу» была, если не ошибаюсь, изобрѣтена Департаментомъ Полиціи въ 1906 году. Но кто бы могъ тогда подумать, что ее ждетъ міровое распространеніе? «При попыткѣ къ побѣгу» погибли тысячи людей отъ руки русскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ большевиковъ. «При попыткѣ къ побѣгу» убиты были также Карлъ Либкнехтъ, Роза Люксембургъ и др. Надо думать, что формула Департамента Полиціи выйдетъ изъ употребленія еще не скоро.

ціологическихъ теоремахъ все это не отражается, какъ работа Сансоновой гильотины не отражалась на таблицахъ Лаланда.

Для теоремы о невозможности соціальнаго регресса страшно развѣ только одно: это наша полная свобода въ выборѣ исторической перспективы. Что сравнивать? Съ чѣмъ сравнивать? Наше время со средними вѣками? Почему однако не сравнивать средніе вѣка съ порой расцвѣта эллинской культуры?

Соціальныя проблемы, теперь волнующія людей, занимали умы аѳинянъ болѣе двухъ тысячелѣтій тому назадъ. Знаменитая рѣчь, въ которой Periклъ надъ могилами воиновъ, павшихъ въ началѣ Пелопонесской войны, описываетъ сущность и задачи демократическаго режима (Ѳукидидъ, II, §§ 35-46), можетъ смѣло остаться, безъ измѣненія единаго слова, идеаломъ программной рѣчи для современныхъ политическихъ дѣятелей. Не только по логикѣ и ясности соціальныхъ построеній, но по проникающему ее духу терпимости, по благородству тона въ отношеніи къ врагамъ, она неизмѣримо выше всего того, что въ эту войну лепетали на разныхъ языкахъ современные Периклы. Точно также, въ области отвлеченной мысли, древніе эллины вплотную подошли къ современнымъ научнымъ проблемамъ. Эвклидъ былъ на волоскѣ отъ открытія

не-Эвклидовой геометріи. Когда читаешь четвертую книгу «Физики» Аристотеля, трудно отдѣлаться отъ мысли, — вотъ-вотъ, еще одно небольшое усиліе и этотъ могучій умъ дойдетъ до нѣкоторыхъ идей, только вчера брошенныхъ въ науку геніемъ Альберта Эйнштейна.

Потомъ все рухнуло. Пошли процессы колдуновъ (послѣдній въ 1823 году), костры, Инкубы и Суккубы, семь дьявольскихъ искусствъ, демонологія, онироскопія, сорокъ видовъ черной магіи, чудесная трава Андромеда, камень Геліотропъ, мѣняющій свѣтъ солнца, Malleus Maleficarum величайшаго авторитета эпохи Шпренгера, который такъ же усердно разоблачалъ и изводилъ вѣдьмъ, какъ Ленинъ изводитъ и разоблачаетъ капиталистовъ. Была, конечно, своя средневѣковая культура. Ее теперь модно переоцѣнивать, но эта мода пройдетъ. Факты останутся.

Исторія пошла назадъ — точно на зло всѣмъ своимъ теоретикамъ. Въ связи съ тѣмъ, что происходитъ теперь, это наводитъ на печальныя мысли.

Всѣ карты спутались. Вмѣсто 14-ти пункттовъ, — одинъ гуманнѣе другого, — пунктовъ, на которые молились простодушные люди всѣхъ странъ, — восторжествовалъ пятнадца-

тый пунктъ: горе побѣжденнымъ. Не Вильсонъ а Бреннъ оказался философомъ великой освободительной войны. А изъ великой освободительной революціи простодушные люди могутъ теперь сдѣлать выводъ, что самые крайніе революціонеры ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ самыхъ крайнихъ черносотенцевъ. Гамзей Гамзеевичъ сталъ коммунистомъ и засѣдаетъ въ красномъ Кремлѣ. Самые передовые люди въ западной Европѣ любуются въ настоящее время Гамзей Гамзеевичемъ.

Правда, Ленинъ убѣжденъ, что ему принадлежитъ будущее. Но совершенно то же самое думалъ пять столѣтій тому назадъ Томазо де-Торквемада. Онъ считалъ Ordonnanzas de los Inquisidores глубоко прогрессивнымъ произведеніемъ философско-политической мысли. Онъ тоже былъ интернаціоналистъ и тоже увѣрялъ, будто стремится къ установленію на землѣ мира, спокойствія и всеобщаго счастья. Да и людей-то онъ казнилъ не такъ много: по наиболѣе враждебному подсчету, всего 8000 человѣкъ за всѣ 11 лѣтъ своего правленія. Эта цифра теперь кажется просто до смѣшного малой: большевики за одинъ мѣсяцъ отправляютъ на тотъ свѣтъ больше.

Очень можетъ быть, что и въ нынѣшнихъ событіяхъ — по крайней мѣрѣ въ области моральной — слѣдуетъ видѣть «в о з в р а-

щенiе» Вико, разумѣется временное, но весьма зловѣщее.

Въ этотъ вѣкъ крови и желѣза, въ этотъ вѣкъ Лениныхъ и Людендорфовъ, гуманные люди принесли свои гуманныя идеи. Жизнь жестоко надъ ними посмѣялась. Тѣмъ хуже для гуманныхъ людей, тѣмъ хуже, конечно, и для жизни. На пресловутомъ прыжкѣ «изъ царства необходимости въ царство свободы» многимъ выпало на долю сломать себѣ шею.

Алкивiады. — Когда аѳиняне перестали говорить о великолѣпной собакѣ Алкивiада, онъ отрубилъ ей хвостъ. Собственно, это было не совсѣмъ такъ (по крайней мѣрѣ, если вѣрить первоисточникамъ). Но именно въ такомъ видѣ вышеприведенный эпизодъ сталъ цитироваться историками и моралистами въ качествѣ примѣра ненасытнаго человѣческаго тщеславiя. Отрубить хвостъ собакѣ, которая стоила 70 минъ! Между тѣмъ, въ сущности, позднѣйшiе, политическiе подвиги Алкивiада обошлись Аѳинамъ гораздо дороже: способъ рекламы, избранный греческимъ героемъ въ юности, былъ на самомъ дѣлѣ довольно безобидный: отъ него никому не было ни тепло, ни холодно, кромѣ, разумѣется, собаки. Удивительнѣе

всего въ этой исторіи было то, что къ подобной рекламѣ прибѣгнулъ человѣкъ, которому щедрая природа отпустила всѣ рѣшительно дары: красоту, умъ, краснорѣчіе, энергію, храбрость, образованіе...

Помнится, задолго до нынѣшней революціи, даровитый, оригинальный русскій публицистъ г. Муретовъ пророчески цитировалъ стихи:

Намъ пращуры работу дали,
Создавши Русь своимъ горбомъ:
Они Россію собирали,
А мы Россію разберемъ.

Предсказаніе поэта оправдалось — разумѣется, лишь на нѣкоторое время. Россія соберется опять, это совершенно несомнѣнно. Но почему же «мы» Россію разобрали? И кто это «мы», разобравшіе Россію? Вотъ вопросы, которыми займется большая исторія и для разрѣшенія которыхъ она выдвинетъ очень много измовъ: централизмъ, большевизмъ, сепаратизмъ и т. д. Но для очевидцевъ это, вѣроятно, будетъ недостаточно убѣдительно. Кто изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы подумать, что въ Россіи повсюду (вплоть до Ярославской губерніи, гдѣ тоже объявился свой сепаратизмъ) существовали такія огромныя центробѣжныя силы? Если

однако вопросами этими заинтересуется и такъ называемая малая исторія, la petite histoire, она вѣроятно, объяснитъ случившееся просто тѣмъ, что въ Россіи прозябало многое-множество маленькихъ и крошечныхъ Алкиβіадовъ, которые не знали, какой собакѣ отрубить хвостъ.

Пишущій эти строки изъ всѣхъ сепаратизмовъ видѣлъ своими глазами только одинъ — украинскую самостійность. Газеты, выходящія на мовѣ (судя по словамъ знатоковъ, на очень плохой мовѣ), называли этотъ сепаратизмъ явленіемъ огромнаго историческаго значенія. Но и противники самостійности считались съ ней, какъ съ фактомъ, требующимъ «весьма осторожнаго и вдумчиваго отношенія». Любопытно то, что передъ этимъ фактомъ сепаратизма остановились съ почтительнымъ испугомъ даже большевики, люди, какъ извѣстно, не слишкомъ церемонящіеся съ подлинной исторіей: они основали украинскую совѣтскую республику, — правда, совѣтскую но все же украинскую. Совершенно иначе воспринимала «фактъ огромнаго историческаго значенія» молва, предшественница малой исторіи: она резонно указывала, что, если бы не было самостійности, то кто бы зналъи кто бы щедро оплачивалъ деньгами и почетомъ премьера Голубовича и «генерала» Петлюру?

Комедія украинской самостійности теперь, повидимому, снята съ репертуара. Но въ другихъ мѣстахъ сезонъ политическаго фарса продолжается. Къ намъ часто приходятъ вѣсти о кабинетахъ, совѣщаніяхъ, конференціяхъ, засѣдающихъ въ столицахъ такъ называемыхъ «чушь-республикъ». Иногда Рейтеръ уныло дѣлаетъ попытку сообщить фамиліи главныхъ дѣятелей этихъ кабинетовъ — и всякій разъ почему-то кажется, что фамиліи имъ переврaны: такъ намъ трудно привыкнуть къ мысли, что премьерами, президентами, министрами могутъ быть люди рѣшительно никому на свѣтѣ неизвѣстные. А между тѣмъ, именно, въ этой совершенной неизвѣстности весь raison d'être подобныхъ правительствъ.

Впрочемъ, побѣдителей не судятъ, даже если они побѣдители на часъ. Фарсъ пока продолжается и, повидимому, съ нѣкоторымъ успѣхомъ: въ академическихъ кругахъ говорятъ, напримѣръ, о приглашеніи на междусоюзническій научный конгрессъ представителей «чушь-республикъ». Пожелаемъ, чтобы эстонская физика, мордвинская химія и латышская математика были достойно представлены на конгрессѣ междусоюзнической науки.

«Пройдутъ года» — и конечно, многое перемѣ-

нится. Мы узнаемъ, вѣроятно (уже есть кое-какіе прецеденты), что 99 % сепаратистовъ были сепаратистами только временно, по дальновиднымъ тактическимъ соображеніямъ, а въ глубинѣ души неизмѣнно держали курсъ на «единую и недѣлимую»... Малая исторія составитъ въ алфавитномъ порядкѣ списокъ темныхъ людей, бывшихъ министрами, президентами и послами. Это будетъ съ ея точки зрѣнія необходимое и достаточное объясненіе всему случившемуся.

Въ психологическомъ отношеніи здѣсь передъ нами картина, сходная съ той, какую являетъ собой большевизмъ: сколько негодяевъ горитъ нынѣ желаніемъ возродить несовершенное человѣчество! сколько Алкивіадовъ желаетъ найти примѣненіе своимъ политическимъ и другимъ талантамъ!..

Такъ дѣло обстоитъ не только у насъ. Никогда во всемъ мірѣ рекламная демагогія и демагогическая реклама не имѣли такого успѣха, какъ теперь. Валитъ густой дымъ отъ гаснущаго огня. Послѣ сенсацій, которыми насъ ежедневно оглушали въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, курсъ славы совершенно измѣнился — не только количественно, но и качественно. Въ старину (шесть лѣтъ тому назадъ была старина) писатель, желавшій обновить на своемъ челѣ приглядѣвшіеся или

потрепанные лавры, въ лучшемъ случаѣ писалъ сенсаціонную статью, въ худшемъ — учинялъ скандалъ въ публичномъ мѣстѣ. Теперь ему необходимо по крайней мѣрѣ взять Фіуме.

Развѣ не было бы всѣмъ спокойнѣе, еслибъ современные Алкивіады завели себѣ собакъ?

Трагедія-фарсъ (О польско-совѣтской войнѣ). — Существуетъ теорія (обыкновенно приписываемая Гегелю), по которой всякое явленіе повторяется въ исторіи дважды: одинъ разъ — какъ трагедія, другой разъ — какъ фарсъ. Еслибъ эта теорія была вѣрна, то за страшной драмой міровой войны должна была бы послѣдовать комическая на нее пародія. Я не хочу сказать, что оно такъ въ дѣйствительности и случилось. Но до извѣстной степени подобный взглядъ находитъ подтвержденіе въ нынѣшнихъ событіяхъ.

Все въ этой польско-совѣтской войнѣ было хорошо, самобытно и своеобразно, начиная съ самаго ея возникновенія. Директоръ банка Грабскій далъ Аннибалову клятву освободить единокровный Кіевъ отъ вѣкового московскаго ига. Радекъ и Дзержинскій, какъ одинъ человѣкъ, поднялись на защиту святой Руси отъ ляховъ. Генералъ Брусиловъ не стерпѣлъ

обиды, нанесенной коммунистическому идеалу. Таково было начало; продолженіе было лучше.

Въ стратегическомъ отношеніи — рѣшаюсь утверждать это, не будучи стратегомъ — ни одна кампанія Наполеона не являла такой стремительности, такой быстроты натиска, такой молніеносности наступленія, какъ первый походъ—поляковъ на Кіевъ, — какъ второй походъ—большевиковъ на Варшаву — и какъ третій походъ — поляковъ на Брестъ-Литовскъ. Знаменитѣйшіе прорывы міровой войны по размѣру пройденнаго пути и по быстротѣ его прохожденія ни въ какое сравненіе съ этими походами не идутъ и идти не могутъ. По дорогѣ между Кіевомъ и Варшавой, какъ извѣстно, расположенъ цѣлый рядъ Верденовъ; но они брались обѣими сторонами со сказочной быстротой, далеко за собой оставляющей штурмы Льежа, Антверпена и Мобежа. Польско-совѣтскіе Наполеоны показали, что неприступныя крѣпости можно брать и безъ сорокадвухсантиметровыхъ мортиръ и даже вообще безъ артиллеріи. Такъ, Осовецъ, который въ 1915 году продержался нѣсколько мѣсяцевъ противъ арміи Гинденбурга и Люден-дорфа, въ 1920 году переходилъ изъ рукъ въ руки за промежутокъ времени, отдѣляющій утренній номеръ Matin отъ вечерняго номера Temps. Всего изумительнѣе въ этихъ невидан-

ныхъ въ исторіи чудесахъ военнаго искусства было то, что военный корреспондентъ англійской газеты (помнится, Times'а) невозмутимо назвалъ «крайне малымъ коэффиціентомъ кровопролитія.»

Этотъ необычайный стратегическій темпъ событій, въ связи со столь же необычайной измѣнчивостью военнаго счастья, создалъ еще болѣе необычайныя осложненія при веденіи мирныхъ переговоровъ. Такъ, 22 августа въ Минскѣ Данишевскій на засѣданіи мирной делегаціи хладнокровно предъявилъ полякамъ всѣ каменевскіе пункты: польская буржуазія разоружается, польская буржуазія гарантируетъ, польская буржуазія обязуется. А на слѣдующій день представители польской буржуазіи столь же хладнокровно заговорили съ москалями о границахъ 1772 года.

Не менѣе своеобразна была и творимая легенда этой войны. Мы всѣ помнимъ 1914-ый годъ. Помнимъ, какъ казакъ Кузьма Крючковъ въ одинъ день насадилъ на пику двѣнадцать австрійцевъ. Помнимъ, какъ три французскихъ *пуалю* взяли въ плѣнъ сто пятьдесятъ *бошей-уланъ* (въ представленіи парижскихъ газетъ вся германская армія тогда почему-то состояла изъ гусаръ смерти и изъ уланъ). Помнимъ, какъ *чудо-богатыри*, врываясь *на плечахъ непріятеля* въ польскую де-

ревню, отпаивали теплымъ молочкомъ грудныхъ младенцевъ, которымъ *вылощенные прусскіе лейтенанты въ монокляхъ* и коварныя нѣмецкія сестры милосердія *), уходя, какъ водится, выкололи глаза... «Où sont les neiges d'antan»? Гдѣ «Биржевка»? Гдѣ военный обозрѣватель Михайловскій? Гдѣ военный бытописатель Окуневъ? Гдѣ военный лирикъ Григорій Петровъ?

Въ эту войну не было ничего подобнаго. Наскоро, уныло, точно исполняя необходимый, принятый у большихъ, обрядъ, обѣ стороны по радіотелеграфу обвинили другъ друга въ звѣрствахъ, кратко пожаловались «цивилизованному міру» и успокоились, справедливо разсудивъ, что цивилизированному міру звѣрства нѣсколько надоѣли: даже не издали по данному вопросу никакой «книги»; одно это было явнымъ нарушеніемъ порядка. Что касается геройскихъ подвиговъ, то изъ нихъ цивилизованный міръ былъ оповѣщенъ только объ одномъ, — именно о тѣхъ чудесахъ храбрости, которыя проявила польская *мирная делегація*, перешедшая черезъ три горящихъ моста ровно за одну минуту до того, какъ всѣ

*) Всѣ нѣмки, какъ извѣстно, отличались въ 1914 году крайней степенью коварства. Исключеніе составляла бельгійская королева, которая была ангелъ, «un ange du ciel».

они обрушились въ воду. Это тоже было своеобразно. Кузьма Крючковъ, заколовшій двѣнадцать австрійцевъ, выражалъ стиль 1914 г. Но Кузьма Крючковъ въ роли делегата, посланнаго просить о мирѣ, это, повидимому, послѣднее слово военной моды.

Само собой разумѣется, что комическую ноту усиливалъ на польской сторонѣ выступавшій въ качествѣ «нашего вѣрнаго и доблестнаго союзника» *генералъ* Петлюра. До извѣстной степени его компенсировалъ у большевиковъ 25-лѣтній главковерхъ *князь* Тухачевскій. По словамъ Л. Н. Толстого, по Тульской губерніи въ 80-хъ годахъ ходилъ сумасшедшій мужикъ, называвшій себя свѣтлѣйшимъ военнымъ княземъ Блохинымъ. Коммунистическій князь-главковерхъ Тухачевскій ему, вѣроятно, приходится родней. Недуренъ былъ также тотъ большевистскій генералъ, который, занявъ Сольдау, поклялся — честью краснаго мундира — не уходить изъ города, пока онъ не будетъ возвращенъ Германіи, — и ушелъ на слѣдующій день.

Комическій элементъ сталъ исчезать изъ всей этой исторіи, когда въ Варшаву пріѣхалъ Веганъ и съ нимъ шестьсотъ французскихъ офицеровъ. Обозленный генералъ, привыкшій къ другой войнѣ, повидимому, обратился къ польской арміи съ тѣми самыми словами, съ которыми его соотечественникъ, экспан-

сивный капитанъ русской службы Маржеретъ обращается у Пушкина къ бѣгущему воинству царя Бориса: «Куда, куда? Allons... *Пашель* назадъ! Mordieu, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir». И весьма возможно, что словамъ этимъ нынѣ — въ станѣ разбитой большевистской арміи — угрюмо вторитъ по Пушкину: «Es ist Schande» — нѣмецкій капитанъ русской службы Вальтеръ Розенъ, одинъ изъ тѣхъ германскихъ офицеровъ, которыхъ жажда мщенія союзникамъ гонитъ теперь куда угодно: къ Троцкому въ большевики, въ младосирійцы къ эмиру Файсалю, въ турецкіе націоналисты къ Мустафѣ-Кемаль-Пашѣ.

Да, именно: es ist Schande... Вѣдь передъ нами не только фарсъ, но и трагедія. Даже при самомъ маломъ «коэффиціентѣ кровопролитія», война есть война, т. е. вещь страшная и жестокая. Ужасомъ безумія вѣетъ отъ этихъ двухъ несчастныхъ армій, стремительно бѣгущихъ одна отъ другой, то на востокъ, то на западъ, и такъ явно горящихъ желаніемъ сдаться въ плѣнъ другъ другу. Польскую побѣду подъ Варшавой сравнивали съ битвой при Марнѣ. При чемъ тутъ Марна? Послѣ Марны нѣмцы отступили на шестьдесятъ километровъ, — въ полномъ порядкѣ, не потерявъ ни артиллеріи, ни знаменъ, — и на новыхъ позиціяхъ продержались четыре года. Совѣтская же

армія обращена въ паническое бѣгство *подъ стѣнами непріятельской столицы*, чему, я думаю, нѣтъ прецедентовъ въ міровой исторіи.

Какіе выводы слѣдуютъ изъ всей этой, чужой намъ, войны? Много выводовъ. Оказалось, во первыхъ, что дважды два все-таки четыре, а не пять и не стеариновая свѣчка. Сила невѣжества проявила себя недолговѣчной. Воплощенная въ образѣ генерала Вегана буржуазная математика, капиталистическая стратегія и эксплоататорская тактика, однимъ словомъ, все то, что преподается во французской Академіи Генеральнаго Штаба, постояли за себя въ борьбѣ съ военнымъ геніемъ Троцкаго, съ боевымъ опытомъ Тухачевскаго и со стратегическими познаніями Буденнаго. Оказалось, что митинговымъ ораторомъ не слѣдуетъ становиться военными министрами, что мальчишкамъ-подпоручикамъ не надо составлять плановъ наступленія, и что малограмотные вахмистры не должны командовать арміями. Власть тьмы провалилась въ области искусства войны; можетъ быть, скоро мы достигнемъ сходнаго результата и въ политикѣ.

Оказалось также, что польскій крестьянинъ можетъ жить и спать спокойно, не распространяясь «отъ моря до моря». Тотъ, кто знаетъ хоть немного поляковъ, ихъ исторію, ихъ искусство, ихъ прекрасную литературу, всецѣло проникнутую древними рыцарскими иде-

алами, не можетъ усомниться въ храбрости польскаго народа. Безпримѣрный военный крахъ, проявившійся въ бѣгствѣ отъ Кіева до Варшавы и чуть-чуть не вылившійся, при благосклонномъ содѣйствіи Ллойдъ Джорджа, въ полную капитуляцію передъ большевиками, показалъ только то, что польскій народъ не желаетъ никакой войны вообще, и всего менѣе склоненъ къ войнѣ завоевательной.

То же самое относится къ народу русскому, храбрость котораго еще менѣе оспорима. Крѣпостной мужикъ коммунистической Россіи, повидимому, не слишкомъ горитъ желаніемъ проливать кровь во имя идей Третьяго Интернаціонала, да еще подъ руководствомъ тѣхъ людей, которымъ, какъ Пушкинскому старцу Варлааму, «что Литва, что Русь ли, что гудокъ, что гусли».

Оказалось также, что судьбы людей, народовъ и правительствъ чрезвычайно измѣнчивы. «Never say die» (никогда не говори пропало), — утверждаютъ англичане. Генералъ Веганъ, котораго не запугали даже сообщенія газеты «L'Humanité» о четырехмилліонной совѣтской арміи, блестяще это показалъ подъ стѣнами Варшавы. Его примѣръ имѣетъ значеніе и для Россіи. Въ гражданской войнѣ тоже побѣждаетъ тотъ, у кого крѣпче нервы.

О правителяхъ. — Однажды въ Версали король Людовикъ XV неожиданно вошелъ въ комнату маркизы Помпадуръ. Сидѣвшій у фаворитки, въ числѣ другихъ лицъ ея свиты, докторъ Кене вскочилъ и изобразилъ на лицѣ крайнюю растерянность. Послѣ ухода монарха одна изъ придворныхъ дамъ, госпожа Оссэ, лукаво спросила перепугавшагося врача:

— Смѣю ли, сударь, узнать причину столь непонятнаго волненія?

— Какъ же мнѣ было не волноваться? — отвѣчалъ Кене. — Всякій разъ, когда я вижу короля, я думаю: вотъ человѣкъ, который можетъ приказать, чтобы мнѣ отрубили голову.

— Помилуйте! — воскликнула госпожа Оссэ. — *Король такъ добръ!..*

Мишлэ, разсказывающій этотъ анекдотъ, остроумно и справедливо замѣчаетъ, что госпожа Оссэ въ своемъ восклицаніи совершенно точно опредѣлила причину Французской Революціи: при старомъ строѣ единственная гарантія того, что человѣку не отрубятъ головы, заключалась въ крайней добротѣ короля.

Мнѣ этотъ эпизодъ вспомнился отчасти въ связи съ нашумѣвшей статьей, въ которой Максимъ Горькій трогательно описываетъ «почти женскую нѣжность къ людямъ» Ленина, его славный, хорошій смѣхъ и тайныя душев-

ныя страданія, причиняемыя совѣтскимъ терроромъ этому кроткому человѣку. Жалость къ несчастненькимъ, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ традицій русской литературы; объ этомъ и объ âme slave вообще сказано, слава Богу, въ Европѣ достаточно глупыхъ словъ. Противъ жалости, разумѣется, ничего возразить нельзя; но до сихъ поръ полагалось, если ужъ жалѣть, то по крайней мѣрѣ жалѣть кого слѣдуетъ. Максимъ Горькій здѣсь оказался новаторомъ. Совѣтскій терроръ несомнѣнно даетъ богатый матерьялъ для проявленія жалости. Горькій ее и проявляетъ: ему мучительно, прямо до слезъ жалко — ему жалко Ленина! Ленинъ такъ усталъ, истребляя контръ-революціонеровъ и саботажниковъ. «Я знаю глаза, въ которыхъ жгучая боль запечатлѣлась навсегда, на всю жизнь. Всякое убійство мнѣ органически противно, но *эти люди — мученики*, и совѣсть никогда не позволитъ мнѣ осудить ихъ»*). Мученики террора, оказывается, — Ленинъ, быть можетъ, также (Горькій говоритъ во множественномъ числѣ) Дзержинскій и Лацисъ. Ахъ, несчастненькіе!

О статьѣ Горькаго достаточно говорилось, хотя нѣкоторыя ея достоинства еще не вполнѣ

---

*) Цитирую статью г. Горькаго по ея французскому переводу.

оцѣнены. Въ чисто художественномъ отношеніи образъ человѣка со славнымъ добродушнымъ смѣхомъ и съ глазами, въ которыхъ навсегда запечатлѣлась жгучая боль, врядъ ли можно отнести къ числу шедевровъ. Коммунистическій Челкашъ не удался талантливому писателю. Я говорю обо всемъ этомъ только въ связи съ идеями, вытекающими изъ анекдота Мишлэ. При совѣтскомъ строѣ единственный конституціонный гарантіей является доброта руководителей Чрезвычайки. Не сомнѣваясь ни въ искренности большевистскихъ симпатій Максима Горькаго, ни въ его личной порядочности, я вынужденъ заключить, что онъ двадцать пять лѣтъ боролся съ самодержавіемъ, совершенно не понимая, во имя чего ведется эта борьба.

Часто приходится слышать разсказы о прекрасныхъ душевныхъ свойствахъ разныхъ другихъ правителей. Эти разсказы бываютъ иногда ближе къ истинѣ и тѣмъ не менѣе они также вызываютъ нѣкоторое недоумѣніе. Душевныя свойства правителей имѣютъ въ большинствѣ случаевъ ограниченное значеніе. Ихъ доброе сердце и личная честность, какъ и ихъ жестокость, сами по себѣ — ни къ чему. Это Артемій Филипповичъ Земляника лечилъ своихъ больныхъ не столько медикаментами, сколько честностью и усердіемъ. Но вѣдь на

то его больные и выздоравливали — какъ мухи.

Наполеонъ выражалъ какъ-то неудовольствіе по поводу политики своего брата, котораго онъ посадилъ королемъ въ Вестфалію. Ему робко въ отвѣтъ указали на доброту вестфальскаго короля.

— Что толку въ его добротѣ? — сердито закричалъ императоръ. — Когда о монархѣ говорятъ, что онъ добръ, значитъ онъ ни къ чорту не годится!

Наполеонъ отнюдь не хотѣлъ этимъ сказать, будто правитель долженъ быть золъ или жестокъ; здѣсь, какъ и всегда, онъ былъ по ту сторону доброты и злобы. Впослѣдствіи на островѣ св. Елены развѣнчанный императоръ сравнивалъ себя съ Робеспьеромъ: цѣль у нихъ, по его словамъ, была одна и та же; оба стремились овладѣть революціей и успокоить Францію. Но свое политическое превосходство надъ революціоннымъ диктаторомъ Наполеонъ видѣлъ въ выборѣ пути: казнями и терроромъ нельзя было положить конецъ государственному развалу. Надо было угадать, чего хочетъ народъ, произвести отборъ и дать странѣ необходимое. Въ этомъ императоръ видѣлъ свою главную заслугу передъ Франціей и къ этому, по его мнѣнію, сводилось трудное искусство власти. Править противъ

воли народныхъ массъ, особенно въ періодъ революціи, можно лишь очень недолго. Со всей своей энергіей, со всей своей дальновидностью, со своимъ совершеннымъ презрѣніемъ къ людямъ, могущественный императоръ Наполеонъ склонялся передъ политическими настроеніями бретонскаго крестьянина и передъ соціальными идеями парижскаго консьержа.

У насъ тоже высшей рѣшающей инстанціей кроваваго спора будетъ, рано или поздно, мужикъ. Демократическая интеллигенція знаетъ, чего она хочетъ: какъ хлѣбъ, какъ воздухъ, ей нужны политическая свобода, свобода слова, все то, что обычно объединяютъ подъ названіемъ принциповъ демократіи. Но если противъ народа долго править нельзя, то противъ демократической интеллигенціи править, къ сожалѣнію, можно гораздо легче. Всякій режимъ, всякая власть, даже самая скверная, находитъ *свою* интеллигенцію, которая дѣлаетъ ея дѣло. Меньшиковъ былъ умный и талантливый интеллигентъ. Профессоръ Гредескулъ свою задачу выполняетъ усердно и, повидимому, не безъ успѣха, хотя пишетъ онъ похуже Меньшикова. Безъ лѣвой интеллигенціи правители, не понимающіе духа времени, обходиться могутъ довольно долго, и я бы не вѣрилъ въ будущее демократіи въ Россіи, еслибъ не думалъ, что именно демократическій

режимъ всего легче и всего охотнѣе дастъ народу то, что ему необходимо: миръ, землю и порядокъ. Но такъ какъ и миръ, и землю, и порядокъ народъ можетъ получить не только отъ демократіи, то грядущее все же достаточно темнс.

У насъ съ первыхъ дней революціи много людей держало экзаменъ на Наполеона; до сихъ поръ всѣ проваливались неизмѣнно и быстро. Въ интересахъ этихъ людей было ознакомится съ кладеземъ политической мудрости, который до насъ донесла огромная Наполеоновская литература. Самому лучшему генералу трудно быть умнѣе Наполеона. «Революція есть идея, нашедшая для себя штыки», говорилъ французскій императоръ. То же самое можно сказать и о «контръ-революціи» — въ лучшемъ смыслѣ послѣдняго слова. Глупая идея не найдетъ штыковъ. Штыки ждутъ хитрой идеи.

Здѣсь лежитъ великій соблазнъ для правителей; здѣсь скрывается и грозная опасность для всѣхъ насъ, ибо не всякая хитрая идея будетъ намъ пріемлема и пріятна.

Давъ или хоть обѣщавъ народу то, что ему необходимо, его можно подвинуть и на добро, и на зло; быть можетъ, на зло даже легче, чѣмъ на добро. С. И. Муравьевъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей, не сумѣлъ увлечь за собой

крестьянъ въ 1825 г. Атаманъ Махно это дѣлаетъ очень легко и просто. И не въ томъ, конечно, разгадка, что крестьяне измѣнились за сто лѣтъ; на низахъ культуры календарь и теперь, къ несчастью, показываетъ семнадцатый вѣкъ. И ужъ, вѣрно, дѣло не въ геніальности Махно и даже не въ томъ, что для народа Муравьевъ былъ баринъ, а нынѣшній украинскій атаманъ свой братъ: Махно интеллигентъ или полуинтеллигентъ; главнымъ же совѣтникомъ у него — вродѣ государственнаго канцлера — состоитъ, говорятъ, литераторъ анархистъ Гроссманъ, человѣкъ, во всякомъ случаѣ, вполнѣ чуждый малороссійскимъ крестьянамъ. Дѣло очевидно въ характерѣ лозунговъ.

Въ сказкѣ Пушкина работникъ Балда служилъ за четверыхъ скупому хозяину, питался вареной полбой и задушевно мечталъ только объ одномъ: какъ бы дать буржую-эксплоататору три щелчка по головѣ. Финалъ сказки извѣстенъ: «Съ перваго щелчка — прыгнулъ попъ до потолка, со второго щелчка — лишился попъ языка, а съ третьяго щелчка — вышибло умъ у старика». Нѣчто подобное случается въ періоды революцій. За годы лишеній, страданій, голода толпа очень охотно расплачивается щелчками — и притомъ съ кѣмъ угодно, почти не разбирая. Большевики

въ Россіи натравливаютъ ее на буржуазію, спартакисты въ Германіи — на офицеровъ, адмиралъ Хортый въ Венгріи — на евреевъ, Махно — съ эклектизмомъ, дѣлающимъ честь его уму — и на буржуазію, и на офицеровъ, и на евреевъ (по крайней мѣрѣ, такъ онъ дѣйствовалъ еще недавно; жакерія, повидимому, тоже можетъ или, по крайней мѣрѣ, хочетъ эволюціонировать). На щелчкахъ можно, какъ показываютъ событія нашихъ дней, основать режимъ, длящійся мѣсяцы, а то и годы. Въ результатѣ очень плохо приходится хозяину; но и Балда остается даже безъ прежней вареной полбы.

Мосье Трике и Россія.—Происходила забастовка парижскихъ газетъ. Пишущій эти строки ежедневно просматривалъ коллективную правую La Presse de Paris, коллективную лѣвую La Feuille Commune и испытывалъ такое чувство, будто ему чего-то не хватаетъ. А казалось бы, все есть. Нѣтъ худа безъ добра, — говоритъ пословица — и говоритъ, кстати, врядъ ли вѣрно: есть худо безъ всякаго добра и нѣтъ худа безъ другого худа. Но въ данномъ случаѣ пословица оправдывалась: благодаря забастовкѣ наборщиковъ, можно было очень быстро, съ затратой четы-

рехъ су, ознакомиться со всѣми откровеніями политической жизни и мысли на всѣхъ широтахъ, долготахъ и полюсахъ. Я никогда не былъ такъ хорошо освѣдомленъ, какъ во время газетной забастовки. Чего-то однако не хватало. Чего же? Телеграммы есть, послѣднія извѣстія есть, передовыхъ сколько угодно... Да, не хватало протеста Анри Барбюсса.

Этотъ писатель — безспорно талантливый — принадлежитъ къ особой категоріи такъ называемыхъ nouveaux riches. На войнѣ нажились не только коммерсанты, торговавшіе снарядами, консервами, обувью, сукномъ и т. п. Нажились на ней и нѣкоторые писатели. Первые пріобрѣли деньги, вторые славу. Кто зналъ до войны Анри Барбюсса? Теперь авторъ обличительнаго «Огня» — знаменитость. Онъ велъ себя на войнѣ и писалъ о ней съ достоинствомъ. Но, къ сожалѣнію, слава, быстро пріобрѣтенная протестомъ, положила странный отпечатокъ на послѣдующую дѣятельность Анри Барбюсса. Она облеклась въ форму какого-то непрерывнаго града протестовъ. Барбюссъ протестуетъ противъ интригъ русскихъ реакціонеровъ! Барбюссъ разоблачаетъ les affreux soudards du tsarisme! Барбюссъ протестуетъ противъ интервенціи союзниковъ въ Россіи! Барбюссъ требуетъ очищенія Фіуме (послѣднее было

впрочемъ стильно: grand match sensationnel: Henri Barbusse contre Gabriel d'Annunzio!! *). Затѣмъ была основана лига бывшихъ воиновъ, во главѣ которой естественно сталъ Барбюссъ, очевидно по довѣренности полутора милліоновъ погибшихъ французскихъ солдатъ и шести милліоновъ оставшихся въ живыхъ. Потомъ создалась группа La Clarté, носящая — по чистой случайности — названіе одного изъ романовъ Барбюсса, причемъ послѣдній, разумѣется, оказался главой и этой группы. Затѣмъ появилось сообщеніе (вдобавокъ невѣрное), что Ленинъ въ восторгѣ отъ генія Барбюсса (въ томъ, что Барбюссъ въ восторгѣ отъ генія Ленина, сомнѣваться не приходится и безъ всякаго сообщенія: авторъ «Le Feu» состоитъ литературнымъ директоромъ (directeur littéraire) газеты Лонге (Le Populaire).

Во многомъ изъ того, что теперь пишетъ Барбюссъ, нѣтъ ничего дурного. Но, къ сожалѣнію, большая часть его декларацій и протестовъ облекается въ нѣсколько назойливую, рекламную форму: Buvez tous le Grand Marnier! Chocolat Poulain, goûtez et comparez! Это тѣмъ болѣе досадно, что нашу-

*) Единственное, противъ чего никогда не протестовалъ Барбюссъ, былъ красный большевистскій терроръ.

мѣвшій романъ Барбюсса «Le Feu», напротивъ, поражалъ тонко и съ большимъ вкусомъ выдержанной незамѣтностью разсказчика въ массѣ простыхъ темныхъ солдатъ.

Указанное обстоятельство, впрочемъ, не такъ существенно. Гораздо печальнѣе то, что главнымъ предметомъ своей протестующей и декларативной дѣятельности Анри Барбюссъ почему-то избралъ Россію и русскія дѣла, о которыхъ онъ, естественно, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

Классическая русская литература знаетъ типъ, увѣковѣченный Пушкинымъ, Тургеневымъ и Щедринымъ: это l'outchitel. Человѣкъ, у себя на родинѣ занимавшійся совершенно другимъ ремесломъ, попадалъ въ Россію, — по своей-ли прихоти, въ обозѣ-ли Наполеона, иной-ли волею судебъ, — и становился педагогомъ. Типъ былъ не дурной и никакихъ плохихъ воспоминаній по себѣ въ Россіи не оставилъ, какъ не оставило таковыхъ и вообще все французское вліяніе (если не считать выходки Чацкаго противъ «французика изъ Бордо», выходки, подтверждавшей мнѣніе Пушкина о недалекомъ умѣ Грибоѣдовскаго героя). Теперь, къ сожалѣнію, появились въ Европѣ les outchitels другого свойства: люди, судящіе о русской политической трагедіи и

наставляющіе ея дѣйствующихъ лицъ съ совершенной компетентностью monsieur Трике.

Я, разумѣется, весьма далекъ отъ мысли, что о дѣлахъ каждой страны могутъ имѣть сужденіе только ея граждане. Русскимъ, пользующимся въ настоящее время гостепріимствомъ Западной Европы, интересующимся ея дѣлами, такое заявленіе всего менѣе бы подобало. Но, конечно, и независимо отъ этого должно признать, что для всякой страны мнѣніе иностранцевъ въ высшей степени важно и цѣнно; боязнь этого мнѣнія — признакъ политической и умственной слабости. Въ частности, французское общественное мнѣніе особенно должно быть дорого русскимъ, вслѣдствіе высокой умственной культуры и мірового обаянія Франціи. Но именно поэтому отъ иностранцевъ, желающихъ быть руководителями общественнаго мнѣнія по русскимъ дѣламъ, позволительно требовать извѣстнаго минимума знакомства съ Россіей, ея исторіей, языкомъ, литературой и политической жизнью. Люди, вполнѣ въ этомъ отношеніи компетентные, въ Европѣ есть, и во Франціи ихъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ союзнаго лагеря. Къ сожалѣнію, именно они-то высказываются по русскимъ дѣламъ мало и рѣдко. А судятъ — и весьма авторитетно — люди гораздо менѣе компетентные.

Много, напримѣръ, во Франціи, въ Англіи, въ Италіи большевиковъ и такъ называемыхъ большевиствующихъ. Но что же они знаютъ о своемъ собственномъ ученіи? Творецъ и главный теоретикъ большевизма, Ленинъ, написалъ на своемъ вѣку нѣсколько тысячъ печатныхъ страницъ; изъ нихъ переведено на французскій языкъ около шестидесяти (на другіе языки, вѣроятно, еще меньше*). По существу, собственно жаль, что переведены и эти шестьдесятъ страницъ безудержной, развращающей демагогіи. Но съ точки зрѣнія французскаго большевика, вопросъ ставится, конечно, иначе. Что бы мы сказали о Кантіанцѣ, который никогда не читалъ Канта? Врядъ ли нужно пояснять, что я никакъ не сравниваю московскаго теоретика съ кенигсбергскимъ. Однако, большевикъ, не имѣющій представленія о доктринахъ Ленина, все же представляетъ собой нѣчто парадоксальное.

Если бы Барбюссъ въ свое время изучилъ русскій языкъ и политическую литературу, если бы онъ теперь съѣздилъ въ Москву и пожилъ бы — ну, хоть полгода —

---

*) Съ тѣхъ поръ, какъ писалась эта статья, на французскомъ языкѣ вышли нѣкоторыя работы Ленина. Мнѣ приходилось слышать, что читаютъ ихъ мало. Философская книга Ленина, къ сожалѣнію, ни на какой языкъ не переведена.

жизнью Всероссійской Федеративной Совѣтской Республики, его протесты несомнѣнно много выиграли бы въ силѣ и авторитетности. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь сначала — goûtez и только потомъ — comparez.

Но, можетъ быть, тогда онъ не заявлялъ бы протестовъ или они были бы направлены не въ ту сторону. Анри Барбюссъ написалъ «Огонь»; можетъ быть, онъ написалъ бы и «Дымъ». И ужъ навѣрное онъ не зачислялъ бы съ такой легкостью въ реакціонеры и во враги русскаго народа людей, которые болѣли горемъ Россіи и боролись за ея свободу въ то время, когда народные комиссары въ парижскихъ кафе коротали часы съ Сашкой Косымъ, Іеронимъ Ясинскій творилъ погромныя произведенія, а самъ Барбюссъ ходилъ на уроки въ гимназію.

На альпійскихъ вершинахъ. — Въ числѣ большевиствующихъ называютъ также знаменитаго автора «Жанъ-Кристофа».

Я не знаю, на твердыхъ ли началахъ покоится эта репутація Ром. Роллана *).

*) Пишущій эти строки въ свое время получилъ письмо отъ Ром. Роллана, въ которомъ знаменитый писатель, хотя и съ оговорками, но довольно опредѣленно высказывалъ свои симпатіи къ Совѣтской власти. Съ тѣхъ поръ эти симпатіи подверглись очень значительному охлажденію.

Насколько мнѣ извѣстно, о русскомъ большевизмѣ онъ пока не высказался въ совершенно опредѣленной формѣ. Ничего новаго не принесла и только что вышедшая его политическая книга: «Les Précurseurs». Сердцу Ром. Роллана, повидимому, гораздо ближе нѣмецкіе спартакисты. Книгу свою онъ посвятилъ пяти «мученикамъ новой вѣры: человѣческаго интернаціонала, — жертвамъ свирѣпой глупости и убійственной лжи, освободителямъ людей, которые ихъ убили». Многое можно было бы, конечно, сказать объ этомъ посвященіи; можно было бы, напримѣръ, замѣтить, что Жоресъ имѣлъ весьма мало общихъ взглядовъ съ Розой Люксембургъ, а Карлъ Либкнехтъ далеко не во всемъ сходился съ Куртомъ Эйснеромъ. Между погибшими людьми, имена которыхъ соединены Р. Ролланомъ въ посвященіи книги, проходила баррикада. Но во всякомъ случаѣ въ числѣ избранныхъ именъ, слава Богу, нѣтъ ни Володарскаго, ни Урицкаго. Не будемъ однако отъ себя скрывать, что въ статьяхъ французскаго писателя, появлявшихся къ тому же въ газетахъ толка Le Populaire, можно безъ большой натяжки усмотрѣть и нѣкоторый «большевизмъ».

Война произвела странное дѣйствіе на Ром. Роллана. Онъ писалъ о ней въ тонѣ неподдѣль-

наго благородства; въ этомъ тонѣ написаны и статьи, составляющія его новую книгу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднее время Р. Ролланъ пріобрѣлъ склонность бросаться на шею первому встрѣчному, лишь бы первый встрѣчный былъ противникомъ военной идеологіи 1914 года.

Эта склонность порою приводитъ къ явленіямъ весьма любопытнымъ. Такъ 9 ноября 1918 года Ром. Ролланъ бросился на шею президенту Вильсону: «Господинъ президентъ, — писалъ онъ, — вы пользуетесь міровымъ авторитетомъ... Наслѣдникъ Вашингтона и Авраама Линкольна, возьмите въ свои руки дѣло не одной какой-либо партіи, не одной какой-либо націи, но всѣхъ! Созовите представителей народовъ на Конгрессъ Человѣчества! Предсѣдательствуйте на немъ со всѣмъ авторитетомъ, который даетъ вамъ будущее огромной Америки! Говорите, говорите всѣмъ! Міръ жаждетъ услышать голосъ*), который перешагнулъ бы черезъ границы, раздѣляющія націи и классы. Будьте арбитромъ свободныхъ народовъ!»

Но уже нѣсколькими днями позже (4 декабря) энтузіазмъ Роллана сильно остылъ:

*) «Le monde a faim d'une voix», — стиль Ром. Роллана ничего не выигралъ отъ его новыхъ увлеченій.

«Я не вильсоніанецъ, — писалъ онъ Лонге, — я слишкомъ хорошо вижу, что посланіе президента, столь же ловкое, сколь великодушное (non moins habile que généreux), стремится (добросовѣстно) осуществить въ мірѣ идею буржуазной республики франко-американскаго типа. Этотъ консервативный идеалъ меня больше не удовлетворяетъ». Тѣмъ не менѣе Р. Ролланъ считалъ тогда совершенно необходимыма всецѣло поддерживать президента Вильсона: «Этотъ выдающійся буржуа, — писалъ онъ, — воплощаетъ самое чистое, самое безкорыстное, самое человѣческое изъ того, что есть въ сознаніи его класса».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ іюнѣ 1919 г., Ром. Ролланъ, однако, уже совершенно разочаровался въ президентѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ писателя: «Моральное отреченіе Вильсона, который оставилъ свои собственные принципы, не имѣя искренности признать это, означаетъ крушеніе великаго буржуазнаго идеализма, поддерживавшаго, несмотря на всѣ ошибки, въ теченіи полутора столѣтій престижъ и силу правящаго класса. Послѣдствія этого опыта неисчислимы».

Эволюція, продѣланная французскимъ писателемъ, въ высшей степени любопытна и было бы, конечно, несправедливо относить ее исключительно на счетъ измѣнчивости

взглядовъ самого Ром. Роллана. Но этотъ опытъ могъ его научить не бросаться на шею людямъ, которые извѣстны міру только по газетѣ (все равно по какой: Le Matin или Le Populaire). Я говорю: могъ научить. Однако не научилъ: ибо Р. Ролланъ немедленно бросился на шею Спартаку.

Можетъ быть, вслѣдъ за Спартакомъ придетъ Ленинъ. Но, можетъ быть, выявится и что-либо другое. Пока знаменитый романистъ все какъ-то ходитъ вокругъ да около большевистской революціи. 1 мая 1917 года (т. е. задолго до большевиковъ) онъ восторженно писалъ «Россіи свободной и освобождающей»: «Пусть революція ваша будетъ революціей великаго народа, — здороваго, братскаго, человѣческаго, избѣгающаго крайностей, въ которыя впала наша! Главное, сохраните единство! Пусть пойдетъ вамъ на пользу нашъ примѣръ! Вспомните о Французскомъ Конвентѣ, который, какъ Сатурнъ, пожиралъ своихъ дѣтей! Будьте терпимѣе, чѣмъ были когда-то мы!» Казалось бы, нельзя сказать, что большевики послѣдовали этимъ мудрымъ совѣтамъ. Ром. Ролланъ продолжаетъ, однако, и въ 1918 г. неопредѣленно писать о «новыхъ вѣяніяхъ, которыя во всѣхъ областяхъ мысли идутъ изъ Россіи». Въ какихъ именно областяхъ и какія вѣянія, онъ не объясняетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

въ той же книгѣ вскользь упоминается о «чудовищной вѣрѣ идеалистовъ гильотины», — якобинцевъ 1793 г. «La pensée russe est l'avant-garde de la pensée du monde», пишетъ Р. Ролланъ въ августѣ 1919 года. Это, конечно, очень пріятно слышать, но было бы все таки полезно знать точно, кто именно представляетъ въ настоящее время русскую мысль.

Ром. Ролланъ — очень большой писатель и очень большой человѣкъ. Онъ совершенно чуждъ рекламѣ, тѣмъ болѣе саморекламѣ; такимъ онъ былъ всегда. Но онъ живетъ въ Швейцаріи, высоко надъ уровнемъ моря — и надъ уровнемъ земли. Онъ «любитъ людей» оттуда, откуда ихъ видно плохо. Прежде въ долинѣ, гдѣ шумѣла «Ярмарка на площади», онъ любилъ ихъ меньше. Въ Швейцарскихъ горахъ хорошо писать о философіи Эмпедокла или о похожденіяхъ французскаго крестьянина, имѣющихъ давность въ нѣсколько столѣтій. И дѣйствительно Empédocle d'Agrigente — прекрасный философскій этюдъ, а Colas Breugnon — художественное произведеніе, которое останется во французской литературѣ. Но о нѣкоторыхъ новѣйшихъ политическихъ выступленіяхъ знаменитаго писателя намъ, его искреннимъ и давнишнимъ почитателямъ, приходится сильно пожалѣть.

Ром. Ролланъ напрасно назвалъ «Les Pré-

curseurs» продолженіемъ «Au-dessus de la Mêlée»: тогда онъ былъ «выше свалки», теперь онъ въ ней самой — только какъ-то чуть сбоку. Не дай ему Богъ оказаться au-dessous de la Mêlée. Ибо ниже свалки тотъ, кто, живя въ Швейцаріи или въ Парижѣ, гордо бряцаетъ окровавленнымъ топоромъ Ленина. Этого пока, къ счастью, не случилось съ Ром. Ролланомъ. Но съ высоты снѣговыхъ горъ онъ прежде лучше видѣлъ огонь, чѣмъ теперь различаетъ дымъ. За Альпами ему не видно Чрезвычайки.

Вопросительные знаки. — Еще другое знаменитое имя занесено въ списокъ лицъ, неблагонадежныхъ по большевизму.

Во время предвыборной агитаціи я какъ-то зашелъ на митингъ, почетнымъ предсѣдателемъ котораго былъ капитанъ Садуль. Могу засвидѣтельствовать, что ни о чемъ другомъ, кромѣ русскихъ дѣлъ, тамъ не говорилось: вся электоральная кампанія въ Парижѣ сводилась къ спору о Россіи; очевидно, у прекрасной Франціи нѣтъ своихъ заботъ. На этомъ митингѣ разные молодые человѣки, которые, повидимому, для народнаго блага считали совершенно необходимымъ пройти въ парламентъ, несли всевозможную ерунду о Россіи,

о доблестныхъ большевикахъ, о возвышенной Constitution des Soviets. Публика сочувственно внимала... Внезапно одинъ изъ молодыхъ человѣковъ произнесъ два имени: nos glorieux camarades: Jean Longuet... Anatole France... Залъ разразился бѣшенными апплодисментами.

Итакъ между редакторомъ Le Populaire*), и авторомъ «Les Dieux ont soif» поставленъ въ нѣкоторомъ родѣ знакъ равенства. Это недурно.

И то сказать, каждый номеръ газеты Le Populaire украшенъ эпиграфомъ изъ Анатоля Франса: L'union des travailleurs fera la paix du monde. Не знаю, изъ какого именно произведенія короля французскихъ писателей заимствованъ означенный эпиграфъ; не знаю также, почему для извлеченія этой мысли, не блещущей чрезмѣрной оригинальностью, нужно было обращаться къ утонченнѣйшему изъ скептиковъ. Но очевидно, что митинговый молодой человѣкъ, съ формальной стороны, если и вралъ, то все-таки зналъ мѣру.

Въ послѣднемъ своемъ романѣ «Le petit Pierre» прославленный романистъ разсказываетъ, что въ дѣтствѣ, изучая правописаніе, онъ никакъ не могъ понять назначенія вопро-

*) Тогда Le Populaire былъ органомъ, весьма близкимъ по взглядамъ къ большевизму.

сительныхъ знаковъ и постоянно ихъ пропускалъ въ диктовкѣ, чѣмъ очень огорчалъ свою добрую мать. «Я сильно перемѣнился съ тѣхъ поръ, — неожиданно добавляетъ Анатоль Франсъ, — теперь я ставлю вопросительные знаки. Я готовъ даже ставить ихъ послѣ всего того, что говорю, пишу, думаю. Моя матушка теперь, вѣроятно, нашла бы, что я ставлю ихъ слишкомъ много».

Это замѣчаніе нѣсколько успокаиваетъ насъ насчетъ большевизма Анатоля Франса. Для Жана Лонге, напримѣръ, никакихъ вопросительныхъ знаковъ въ природѣ не существуетъ: всѣ вопросы были разрѣшены его дѣдомъ. Повидимому, «nos glorieux camarades» все таки не совсѣмъ подходятъ другъ къ другу.

Въ началѣ войны Анатоль Франсъ, когда-то разсматривавшій міровыя явленія съ точки зрѣнія Сиріуса, собирался пойти добровольцемъ и даже ходилъ куда-то на военно-медицинскій осмотръ. Ничего, кромѣ всеобщаго изумленія, изъ этого, конечно, не вышло: можно было a priori предположить, что французскія власти не пошлютъ въ окопы такого добровольца. Забракованный Анатоль Франсъ остался дома. Съ тѣхъ поръ у него было еще нѣсколько политическихъ выступленій, которыя были бы тоже не совсѣмъ понятны, если не принимать въ разсчетъ теорію

вопросительныхъ знаковъ. Послѣднее изъ нихъ запротоколировано какъ «большевизмъ»; только и всего.

Жаль, конечно, что Анатоль Франсъ до сихъ поръ «интегрально принимаетъ большевистскую революцію»; но трагически къ этому относиться не слѣдуетъ. Мнѣ недавно разсказывали, какъ, въ гостяхъ у знаменитаго писателя, одинъ парижскій большевикъ сталъ развивать свои сокрушительныя теоріи. Авторъ «Таисъ» слушалъ съ той самой одобрительной усмѣшкой, съ которой онъ вотъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ слушаетъ все что угодно. Къ сожалѣнію, парижскій большевикъ изъясняется не только при помощи словъ, но и посредствомъ жестовъ: широкимъ движеніемъ руки, вѣроятно соотвѣтствовавшимъ очень смѣлому замыслу въ области международной революціи, онъ внезапно опрокинулъ и разбилъ одну изъ старинныхъ статуэтокъ коллекціи Анатоля Франса. Хозяина отъ огорченья едва не постигъ ударъ. Можетъ быть, это и анекдотъ. Но онъ сильно насъ успокаиваетъ относительно разрушительныхъ тенденцій интегральнаго коммуниста, Анатоля Франса. Ибо статуэтка была, навѣрное, буржуазная.

Намъ, читателямъ, на Анатоля Франса пенять, конечно, не приходится. Пусть по прежнему гранитъ онъ свою алмазную фразу и

пусть ставитъ къ ней вопросительные знаки: въ немъ сверкаетъ и съ нимъ отъ насъ уйдетъ Когиноръ въ оправѣ тысячелѣтней культуры. Пусть же возможно дольше издѣвается надъ нами этотъ старый волшебникъ *).

Группа «Clarté» и ея вдохновители. — Во Франціи появился новый органъ коммунистической мысли: газета «Clarté» издававшаяся философско-политической группой того же названія, объявила себя большевистской и въ своемъ послѣднемъ номерѣ напечатала статью Ленина.

Газета пріобрѣла такимъ образомъ новаго и цѣннаго сотрудника. Зато она лишилась

---

*) Я читалъ корректуры настоящихъ страницъ, когда во французскихъ газетахъ появились подробныя описанія поѣздки Анатоля Франса изъ Парижа въ Стокгольмъ — за Нобелевской преміей. Въ каждой столицѣ знаменитаго писателя встрѣчали на вокзалѣ французскіе послы и устраивали въ его честь рауты; онъ обѣдалъ у Нобеля, представлялся шведскому королю, который вручилъ ему полумилліоннаго премію, дружески шутилъ съ наслѣдникомъ престола и чрезвычайно ухаживалъ на банкетѣ за принцессой Маргаритой Бурбонской. Корреспондентамъ же газетъ Анатоль Франсъ категорически заявлялъ, что принадлежитъ къ коммунистической партіи: интервьюеру «Politiken» онъ кромѣ того добавилъ «J'adore Lénine».

другого, стараго. Въ составъ группы «Clarté» входилъ Нобелевскій лауреатъ, знаменитый психофизіологъ Шарль Рише, онъ же Шарль Эфейръ, талантливый поэтъ и сотрудникъ Сюлли-Прюдома, авторъ «Смерти Сократа» и «Цирцеи», не менѣе выдающійся соціологъ-публицистъ. Этому аристократу мысли не понравилось обращеніе газеты въ коммунистическую вѣру, — и онъ прислалъ письмо въ редакцію съ заявленіемъ о своемъ уходѣ изъ группы «Clarté». Письмо было, повидимому, составлено въ очень энергичныхъ выраженіяхъ. По крайней мѣрѣ, газета его не напечатала; она помѣстила вскользь, въ передовой статьѣ г. Вайяна-Кутюрье, лишь одну фразу изъ письма Рише, въ которой знаменитый ученый заявляетъ, что «большевистская система отвратительна, а люди, поддерживающіе ее *тамъ*, еще болѣе отвратительны». («Тамъ», т. е. въ Россіи, очевидно, добавлено изъ вѣжливости).

Письмо Рише и новая позиція руководителей «Clarté» вызвали, по словамъ самой газеты, сильное волненіе въ университетскихъ секціяхъ группы. Въ редакцію стали прибывать заявленія объ уходѣ отъ ряда другихъ ученыхъ, — въ числѣ французскихъ профессоровъ есть множество людей весьма лѣваго образа мыслей. Ушелъ извѣстный экономистъ

Шарль Жидъ, ушли другіе. Редакція, очевидно, нѣсколько смутилась — и помѣстила отвѣтъ юнаго Вайяна-Кутюрье на *непомѣщенныя* ею письма знаменитостей науки. Отвѣтъ оказался весьма забавнымъ. Съ одной стороны юноша утѣшилъ стариковъ: по его словамъ, формальный коммунистическій паспортъ будетъ впредь требоваться лишь отъ руководителей «Clarté»; въ составъ же самой группы Вайянъ-Кутюрье согласенъ допускать не только коммунистовъ, но и анархистовъ, и даже лицъ, не состоящихъ ни въ какой партіи, если только они являются убѣжденными сторонниками интернаціональной революціи. При этомъ онъ замѣчаетъ, что редакціонный комитетъ надѣется въ концѣ концовъ склонить всѣхъ сотрудниковъ къ вступленію въ партію коммунистовъ.

Съ другой стороны, Вайянъ-Кутюрье касается вопроса о будущемъ террорѣ и о будущей диктатурѣ во Франціи. Этотъ вопросъ былъ, повидимому, также поднятъ лицами, ушедшими изъ группы «Clarté». — Да, конечно, — замѣчаетъ руководитель газеты, — терроръ и диктатура необходимы. Но, повѣрьте, намъ самимъ они будутъ стоить большого горя: «Надо вспомнить о Маратѣ, который, будучи врачемъ, не былъ въ состояніи присутствовать при нѣкоторыхъ операціяхъ и

который, тѣмъ не менѣе, донося на измѣнниковъ въ Революціонный Трибуналъ, черпалъ въ любви къ общему благу силу сопротивленія своему чувству человѣчности. Маратъ страдалъ и это дѣлаетъ ему больше всего чести передъ исторіей».

Для полноты картины слѣдуетъ добавить, что Вайянъ-Кутюрье, разставаясь съ Шарлемъ Рише, обѣщаетъ все-таки, несмотря ни на что, сохранить къ нему дружескія чувства.

Признаюсь, все доставило мнѣ удовольствіе въ этой статьѣ: и забавный, вполнѣ искренній тонъ молодого коммунистическаго Репетилова, который ласково журитъ Шарля Рише, похлопывая его по плечу; и утѣшительное обѣщаніе страдать морально тогда, когда французскія чрезвычайки будутъ, по доносамъ чувствительныхъ людей, производить «необходимыя разрушенія»; и ссылка на свѣтлый образъ сумасшедшаго Марата, требовавшаго въ свое время 260.000 головъ, ровно 260.000— ни единой меньше. Если послѣ всего этого Рише не возьметъ назадъ своей отставки, значитъ, на него поистинѣ трудно угодить...

Шарль Рише изъ группы «Clarté» ушелъ; Шарль Жидъ тоже ушелъ. Но Шарль Раппопортъ, слава Богу, остался. Кромѣ того, повторяю, появились новые сотрудники. И Ленинъ, и Троцкій, и Зиновьевъ, и Буха-

ринъ, заполняющіе статьями свои парижскіе официозы «Коммунистическій Бюллетень» и «Коммунистическое, Обозрѣніе» примутъ, вѣроятно, близкое участіе также въ «Clarté».

Много пишутъ совѣтскіе вожди. Признаюсь, я даже не понимаю, какимъ образомъ они находятъ для этого время. И Ленинъ, и Троцкій, оба выпустили по толстому тому противъ «ренегата» Карла Каутскаго. Кромѣ того, Троцкій написалъ исторію прихода большевиковъ къ власти, а Ленинъ — книгу подъ названіемъ «Дѣтская болѣзнь коммунизма», только что вышедшую во французскомъ переводѣ.

Троцкій въ молодости писалъ чрезвычайно плохо; писалъ такъ, какъ пишутъ авторы прокламацій въ южныхъ провинціальныхъ городкахъ, — съ «проклятьями», съ восклицательными знаками, съ мавромъ, который сдѣлалъ свое дѣло, съ унтеръ-офицерской вдовой, которая сама себя высѣкла, со всевозможными «sic» и «sapienti sat». Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Нѣкоторые его фельетоны въ газетахъ, которыя въ 1918 году правительство закрыло за буржуазное направленіе, — въ «Днѣ» и въ «Кіевской Мысли» (трудно себѣ представить Ленина сотрудникомъ этихъ періодическихъ изданій), — были очень хороши. Констатирую, что теперь Троц-

кій опять сталъ писать скверно. Оба его новыхъ труда съ чисто литературной стороны не выдерживаютъ никакой критики. У этого выдающагося журналиста для *книгъ*, повидимому, не хватаетъ ни знаній, ни таланта.

Писанія Ленина, какъ всегда, производятъ странное впечатлѣніе. Это, конечно, тоже не литература, или, по крайней мѣрѣ, не то, что я привыкъ считать литературой. Они чрезвычайно скучны. Но если сдѣлать надъ собой усиліе и прочесть ихъ до конца, то нельзя не почувствовать, какую громадную силу разрушенія представляетъ собой этотъ роковой человѣкъ.

Да, онъ раскольникъ. Или вѣрнѣе, въ немъ есть и раскольникъ. Въ душѣ Ленина живетъ подлинная жгучая ненависть къ старому міру. Онъ ненавидитъ и презираетъ всѣ проявленія буржуазной цивилизаціи... Одинъ давній эмигрантъ разсказывалъ мнѣ, какъ въ былыя времена онъ посѣщалъ европейскіе музеи съ нынѣшнимъ диктаторомъ Москвы. Ленинъ ходилъ по заламъ и со смѣхомъ ненависти показывалъ на картины, отыскивая въ нихъ новыя доказательства полной развращенности капиталистической культуры...

Но если-бъ этотъ человѣкъ былъ только раскольникъ, онъ не былъ бы такъ страшенъ. Въ Ленинѣ ограниченный фанатикъ уживается

съ политическимъ тактикомъ перваго ранга. Во всемъ томъ, что касается *методовъ*, онъ совершеннѣйшій и циничнѣйшій оппортунистъ. Недаромъ онъ такъ восхищается Ллойдъ-Джорджемъ. Въ своей книгѣ «Дѣтская болѣзнь коммунизма» вождь большевиковъ выражаетъ самое искреннее восхищеніе передъ умомъ, тонкостью и политическимъ смысломъ англійскаго премьера. Онъ даже увѣряетъ, будто Ллойдъ-Джорджъ многому выучился у марксистовъ (читай: у него самого), — и съ своей стороны изъявляетъ полную готовность учиться политикѣ у Ллойдъ-Джорджа (что, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ему считать и называть главу англійскаго правительства бандитомъ)... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ лицѣ Ленина исторія произвела одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ гражданской войны, ея законовъ и психологіи. Чего стоятъ одни придуманные имъ методы развращенія деревни! Только ими и можно объяснить то чудо, что коммунистическій режимъ держится три года въ странѣ со стомилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, вооруженнымъ почти поголовно.

Кромѣ Ленина и Троцкаго въ «Clarté» будетъ участвовать Бухаринъ. Я давно и съ большимъ интересомъ слѣжу за литературно-политической карьерой товарища Бухарина.

Не скрою и того, что возлагаю на него нѣкоторыя надежды (не меньшія, чѣмъ на ген. Буденнаго). Этотъ лѣвѣйшій изъ лѣвыхъ коммунистовъ, совершенно искренно считающій Ленина едва ли не такимъ же буржуемъ, какъ насъ, грѣшныхъ, поистинѣ настоящій кладъ — и не только въ психологическомъ отношеніи. Ставя себѣ вопросъ знаменитаго французскаго писателя, я отвѣчаю: въ другое время, въ иной исторической обстановкѣ, Ленинъ былъ бы идеальнымъ главою раскольничьяго скита или первоклассным теоретикомъ инквизиціи. Троцкій сопровождалъ бы въ новыя земли Пизарро или состоялъ-бы отравителемъ при дворѣ турецкаго султана. Зиновьевъ могъ бы сдѣлаться богатѣйшимъ содержателемъ ссудной кассы. Но Бухаринъ, безъ русской революціи, навѣрное, при всякихъ условіяхъ окончилъ бы свои дни въ сумасшедшемъ домѣ.

П и с а т е л и и р е в о л ю ц і я. — Мудрый Спиноза училъ не смѣяться и не плакать, а размышлять надъ событіями жизни и наблюдать въ нихъ человѣческую природу. Но когда съ другомъ мудреца, добродѣтельнымъ республиканцемъ де-Виттомъ, случилась бѣда, которая иногда постигаетъ народо-

любцевъ — его растерзалъ народъ, — Спиноза въ бѣшенствѣ и отчаяніи хотѣлъ выйти на площадь и назвать «людей толпы» — «послѣдними изъ негодяевъ». Къ счастью для философіи, хозяинъ квартиры, гдѣ жилъ отшельникъ, чуть не силой помѣшалъ ему осуществить это безполезное и небезопасное намѣренье.

Не должно вѣрить безстрастію мудрыхъ философовъ...

Гюставъ Флоберъ былъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что ему удалось осуществить идеалъ абсолютно-объективнаго искусства, просто и спокойно коллекціонирующаго человѣческую глупость. Главнымъ проявленіемъ послѣдней Флоберъ считалъ политику, и неизмѣнно называлъ ее занятіемъ, созданнымъ для швейцаровъ. Однажды, вернувшись съ литературнаго обѣда въ ресторанѣ Маньи, гдѣ велись политическіе разговоры, Флоберъ возмущенно записалъ, что провелъ два часа въ обществѣ пяти тупыхъ консьержей. А консьержи эти, кстати сказать, были Теофиль Готье, Ренанъ, Сенъ-Бевъ и братья Гонкуры. Должно, однако, констатировать, что въ оцѣнкѣ различныхъ видовъ политики, Флоберъ проявлялъ нѣкоторый субъективизмъ. Такъ, когда при немъ заходила рѣчь о всеобщемъ избирательномъ правѣ, которое онъ считалъ

«позоромъ человѣческаго разума», знаменитый романистъ приходилъ въ состояніе бѣшенства, нерѣдко кончавшееся у него эпилептическимъ припадкомъ. О томъ, какъ автору «Сантиментальнаго воспитанія» понравилась революція 1848 года, и говорить врядъ ли нужно.

Не должно вѣрить безстрастію объективныхъ художниковъ...

Я взялъ, въ качествѣ примѣра, философа и писателя, для которыхъ безстрастное отношеніе къ жизни считается особенно характернымъ. Революціи обладаютъ особой способностью выводить людей — и въ частности художниковъ — изъ состоянія «объективизма». Разумѣется, и революціи, и художники бываютъ разные, — единой формулы здѣсь не установишь. Кое-что можно, однако, вынести за общія скобки.

Художникамъ и философамъ революціи обыкновенно нравятся издали (въ пространствѣ или особенно во времени). Одни восхищаются ею авансомъ, до момента ея наступленія, — такихъ довольно много. Другіе восхищаются ею ретроспективно, — таковъ былъ Гете. Несмотря на знаменитую свою фразу на полѣ битвы при Вальми («здѣсь сегодня начинается новая эпоха въ исторіи человѣчества»), авторъ «Фауста» долгое время искрен-

но ненавидѣлъ французскую революцію. Онъ боролся съ нею съ оружіемъ въ рукахъ, писалъ на нее плохіе памфлеты и былъ явнымъ сторонникомъ интервенціи европейскихъ монарховъ. Но гораздо позже, когда революція давно кончилась, Гете призналъ, что въ ней было, въ сущности, очень много хорошаго.

И даже Шиллеръ, отнюдь не объективный писатель, энтузіастъ свободы, гражданинъ французской республики, получившій это почетное званіе отъ революціонеровъ, которые, разумѣется, въ глаза не видали его произведеній, но что-то слышали о нѣмецкомъ публицистѣ Жиллѣ*), писавшемъ подъ девизомъ in tyrannos, — даже Шиллеръ высказывалъ о Революціи рѣзко отрицательныя сужденія — когда власть принадлежала революціонерамъ.

Въ явленіи, о которомъ выше шла рѣчь, нѣтъ ничего удивительнаго. Революція почти всегда сопровождается такимъ страшнымъ и отвратительнымъ процессомъ частью сознательнаго, частью стихійнаго разрушенія историческихъ, культурныхъ и моральныхъ

---

*) Въ «Монитерѣ» 1792 г., гдѣ было напечатано постановленіе о дарованіи Шиллеру французскаго гражданства, онъ названъ Жиллерсомъ; Роланъ *исправилъ ошибку* въ препроводительномъ письмѣ и назвалъ автора «Разбойниковъ» «славнымъ германскимъ публицистомъ Жиллемъ».

цѣнностей, — не говоря уже о людяхъ, -- что трудно a priori предположить безоговорочное увлеченіе ея картинами въ художникѣ, т. е. въ человѣкѣ, обладающемъ отъ природы повышенной чувствительностью. Есть, правда, и исключенія. Анатоль Франсъ, какъ мы недавно узнали, «принимаетъ интегрально всю коммунистическую революцію». Но онъ принимаетъ ее интегрально изъ Парижа. Духъ его живетъ, правда, въ Кремлѣ, но тѣло неизмѣнно остается на Виллѣ - Саидъ... Въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, революція приближается къ войнѣ. Большинство военныхъ поэтовъ и художниковъ-баталистовъ никогда не видѣло поля сраженія. Мейссонье изучалъ войну на маневрахъ въ Сенъ-Жерменѣ. Морисъ Барресъ — «бѣлобилетчикъ». Жуковскій, авторъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», былъ, по природѣ своей и по профессіи, человѣкъ чрезвычайно штатскій. Достоевскій, очень неудачно предсказывавшій войны и иногда еще болѣе неудачно къ нимъ призывавшій, ни въ какомъ сраженіи никогда не участвовалъ. И самъ Пушкинъ въ ту пору, когда онъ такъ звукоподражательно описывалъ Полтавскій бой, имѣлъ о битвахъ самое смутное и отдаленное представленіе. Напротивъ того, живописцы и писатели, участвовавшіе въ войнахъ или, по крайней мѣрѣ,

видѣвшіе ихъ вблизи, Стендаль, Лермонтовъ, Левъ Толстой, Гаршинъ, Верещагинъ, были настроены иначе, — хотя нѣкоторые изъ нихъ порою и поддавались чарамъ той нелѣпой ирраціональной красоты, которая въ сценахъ войны все-таки есть, а въ сценахъ революціи почти отсутствуетъ.

Такимъ образомъ, повторяю, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ писателяхъ, видѣвшихъ вблизи картины 1918-21 г. г., очень сильны тенденціи, «интегрально отвергающія революцію». За этимъ,однако, слѣдуетъ или, по крайней мѣрѣ, должно слѣдовать *но*, и даже очень большое *но*. Человѣчество живетъ нервами, наслѣдственными инстинктами, безсознательными и полусознательными движеніями души (не говоря о сознательныхъ соображеніяхъ личнаго интереса). Тѣмъ не менѣе, голову никакъ не слѣдуетъ считать совершенно безполезнымъ органомъ въ человѣческомъ тѣлѣ. И если послѣднее семилѣтіе сильно притупило во всѣхъ насъ способность болѣе или менѣе безпристрастнаго логическаго анализа, то рано или поздно эта способность къ намъ, вѣроятно, вернется. Мы тогда, быть можетъ, придемъ къ мысли, что отвергать революцію en bloc такъ же нелѣпо, какъ принимать ее en bloc. Ибо въ революціяхъ, кромѣ стихійныхъ процессовъ, есть еще и

нѣкоторыя «нормы». И между этими нормами надо будетъ сдѣлать извѣстный выборъ.

Такой выборъ сдѣлалъ на старости лѣтъ Гете, который самъ призналъ, что антиреволюціонныя произведенія 90-хъ годовъ ничего не прибавили къ его славѣ. Гете пришелъ къ заключенію — теперь это довольно банальная мысль, содержащая въ себѣ и нѣкоторое преувеличеніе, — будто во всякой революціи всегда виновато только правительство, а народъ никогда и ни въ чемъ не виноватъ. Гете призналъ, кромѣ того — и это главное, — что надъ революціей надо продѣлать нѣкоторую логическую операцію разложенія, сводящуюся къ отдѣленію чистаго золота отъ грязной руды. Къ такимъ же мыслямъ пришелъ въ концѣ концовъ и Шиллеръ, по крайней мѣрѣ, если считать «Вильгельмъ Телль» его послѣднимъ словомъ.

Можно съ нѣкоторымъ правомъ утверждать, что къ сходнымъ взглядамъ начинаютъ приходить теперь — справа и слѣва — виднѣйшіе представители западно-европейской мысли. Періодъ одурѣлаго восторга передъ «интегральной русской революціей», кажется, понемногу проходитъ. Онъ прошелъ у Ресселя, прошелъ у Шарля Рише. Проходитъ, повидимому, и у Ром. Роллана. По крайней мѣрѣ, есть на это намеки въ его послѣднемъ романѣ «Кле-

рамбо», хотя тамъ Ленинъ и называется почему-то «геніальнымъ дровосѣкомъ». Можетъ быть, Ром. Ролланъ скоро признаетъ, что дровосѣки вообще не слишкомъ нужны современной европейской культурѣ: сѣять бы не мѣшало, а рубить почти нечего: и такъ мало осталось невырубленнаго—отъ раздолья 1914 г.

«Russia in the Shadows». — Еще объ Уэллсѣ? Это становится скучно.

Такъ скажетъ читатель и будетъ отчасти правъ. Долю вины перелагаю съ себя на барона Б. Э. Нольде, который нѣсколько дней тому назадъ высказалъ новое сужденіе о нашумѣвшихъ очеркахъ англійскаго писателя. Если не ошибаюсь, Б. Э. Нольде — первый изъ критиковъ Уэллса, ознакомившійся съ его русскими впечатлѣніями въ полномъ ихъ объемѣ, ибо книга, въ которой они собраны, только что вышла въ свѣтъ. Я ее пріобрѣлъ, прочитавъ въ № 205 «Послѣднихъ Новостей» чрезвычайно интересную, какъ всегда, статью талантливаго публициста. Прежде, по выдержкамъ, которыя приводились въ печати, мнѣ казалось, что и читать книгу Уэллса не стоитъ. Это было невѣрно; въ ней есть нѣсколько цѣнныхъ мыслей и рядъ интересныхъ страницъ. Тѣмъ не менѣе съ мнѣніемъ Б. Э. Нольде позволю себѣ не согласиться.

«Книга Уэллься, — говоритъ русскій критикъ, — написана не только съ огромнымъ талантомъ, но съ безспорной внутренней добросовѣстностью». Уэллься, несомнѣнно, чрезвычайно даровитый человѣкъ и въ его добросовѣстности я нимало не сомнѣваюсь. Но, каюсь, огромнаго таланта въ его новомъ произведеніи я не вижу и не думаю, чтобы оно вплело свѣжіе и прочные лавры въ пестрый литературный вѣнокъ этого впечатлительнаго, неровнаго, хотя и очень блестящаго, писателя.

Разумѣется, Уэллься не большевикъ, и «Россія во мракѣ» нисколько не большевистская книга. Обычное, неправильное представленіе видитъ въ совѣтской власти правительство неразборчивое, нечестное, но чрезвычайно хитрое. Уэллься для оригинальности держится противоположнаго и столь же невѣрнаго взгляда: Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, по его мнѣнію, — правительство вполнѣ честное и добродѣтельное, но чрезвычайно ограниченное. Собственно говоря, этотъ взглядъ для большевиковъ гораздо обиднѣе ходячаго о нихъ представленія. И тѣмъ не менѣе большевистская печать на Западѣ съ восторгомъ приняла книгу Уэллься. «Мудрый Эдипъ, разрѣши», — говорили въ такихъ случаяхъ передовики провинціальныхъ газетъ.

Мудрому Эдипу впрочемъ было бы нетрудно

разрѣшить данный вопросъ — хотя бы простымъ подсчетомъ числа страницъ въ книгѣ Уэлльса, гдѣ онъ большевиковъ хвалитъ, и числа строчекъ, гдѣ онъ ихъ ругаетъ. Я этой статистикой заниматься не стану. Можно и нужно отмѣтить, что поѣздка Уэлльса по Россіи была обставлена на чисто американскій ладъ (прежніе иностранные гости, отъ Флетчера до Кюстина, Гакстгаузена и Леруа-Болье, путешествовали совершенно иначе).

Фактическія ошибки въ книгѣ «Россія во мракѣ», разумѣется, попадаются. Герой одного изъ старыхъ романовъ Уэлльса любилъ говорить о музыкантахъ, но вмѣсто слова «Падеревскій» у него неизмѣнно выходило «Падреескій». Такіе подозрительные «Падреескіе» проскальзываютъ въ новомъ политическомъ романѣ англійскаго писателя. Но на нихъ останавливаться не стоитъ, тѣмъ болѣе, что рядъ бытовыхъ сцѣнъ изъ русской жизни написанъ имъ вѣрно и ярко. Старая латинская поговорка запрещаетъ также спорить о вкусахъ. Уэлльсу, напримѣръ, въ Россіи больше всего понравился большевикъ Зоринъ, къ которому онъ чувствуетъ «истинную дружбу», а меньше всего — «абсурдный» соборъ Василія Блаженнаго. Я видалъ г. Зорина, видалъ также церковь Василія Блаженнаго, и, нисколько не споря о вкусахъ, не могу раздѣлить

восторга Б. Э. Нольде предъ огромнымъ талантомъ наблюденія, проявившимся въ послѣдней книгѣ Уэлльса. И ужъ никакъ не считаю возможнымъ согласиться съ его весьма категорическимъ и общимъ сужденіемъ о русской эмиграціи: «Уэлльсъ» — замѣчаетъ баронъ Нольде, — пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «Русскіе эмигранты въ Англіи политически ничтожны (въ подлинникѣ значительно сильнѣе: «politically contemptible», М. А.). Они перепѣваютъ безконечныя исторіи «о большевистскихъ звѣрствахъ»; поджоги помѣщичьихъ усадьбъ крестьянами, грабежи и убійства утратившихъ подчиненіе солдатъ въ городахъ, преступленія на отдаленныхъ улицахъ — они выдаютъ все это за акты большевистскаго правительства. Спросите ихъ, какое правительство они хотятъ на ихъ мѣсто, и вы получите пустыя общія мѣста — обычно приспособленныя къ тому, что собесѣдникъ считаетъ вашимъ спеціальнымъ политическимъ вкусомъ. Или они утомляютъ васъ восхваленіемъ очередного сверхъ-дѣятеля: Деникина или Врангеля, который все устроитъ — Богъ знаетъ какъ. Они не заслуживаютъ ничего лучшаго, чѣмъ царь, и они даже неспособны рѣшить, какого царя они хотятъ». — «Эти слова жестоки», — добавляетъ Б. Э. Нольде, — «и во

многомъ совершенно несправедливы; но развѣ въ нихъ нѣтъ существенной доли правды?».

Эти слова прежде всего ни въ какой мѣрѣ не новы: мы ихъ, слава Богу, второй годъ ежедневно читаемъ на столбцахъ газеты «L'Humanité». Они вѣрны въ примѣненіи къ одной — не слишкомъ вліятельной — части русской эмиграціи; подаются же они Уэлльсомъ, такъ же какъ Кашеномъ, въ формѣ чрезвычайно широкаго и смѣлаго обобщенія. Это о насъ fabula narratur — и очень скверная fabula, и даже не mutato nomine: всѣ мы не знаемъ, чего хотимъ, не заслуживаемъ ничего лучшаго, чѣмъ царь, и, чтобы скрыть собственное убожество, разсказываемъ безконечныя исторіи о какихъ-то большевистскихъ звѣрствахъ. (Уэлльсъ ставитъ, разумѣется, послѣднія два слова въ кавычки).

По тону своему, отрывокъ, приведенный бар. Б. Э. Нольде, нѣсколько выдѣляется изъ книги англійскаго путешественника. Она вообще поражаетъ эпическимъ спокойствіемъ стиля. Уэлльсъ почти обо всемъ говоритъ совершенно одинаково: о томъ, что Петербургъ умираетъ съ голоду и, вѣроятно, скоро вымретъ, и о томъ, что госпожа Шаляпина не знаетъ, какой фасонъ платья принятъ теперь на Западѣ («послѣдніе, полученные ею модные журналы, — замѣчаетъ сочувственно Уэлльсъ,

— были отъ начала 1918 г. — вслѣдствіе блокады»). Хладнокровіе совершенно покидаетъ писателя лишь въ оцѣнкѣ одной изъ сторонъ совѣтской жизни. Именно его чрезвычайно раздражаетъ Карлъ Марксъ и особенно борода послѣдняго, нынѣ красующаяся чуть ли не во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и участкахъ большевистской державы. Бородѣ Карла Маркса отведены Уэлльсомъ двѣ — забавныя и остроумныя — страницы: онъ утверждаетъ, что такая борода, явно мѣшающая работѣ, не могла вырости у человѣка сама собой; владѣлецъ, очевидно, непрестанно и съ любовью культивировалъ бороду съ тѣмъ, чтобы патріархально раскинуть ее на весь міръ. Уэлльсъ выражаетъ даже страстное желаніе побрить знаменитаго соціалиста. Но, кромѣ бороды Карла Маркса, англійскій писатель не нашелъ въ Совѣтской Россіи никакого другого повода для выраженія своего возмущенія. Къ Россіи не-совѣтской онъ значительно строже. Такъ на стр. 83 Уэлльсъ съ большимъ негодованіемъ говоритъ о возможности у насъ въ будущемъ разбойничьяго монархическаго правительства, которое неизбѣжно приведетъ страну къ бѣлому террору. А на стр. 68 онъ очень спокойно разсказываетъ, какъ въ квартирѣ Максима Горькаго дружелюбно слушалъ философско-политическую бе-

сѣду «Бакаева, главы петербургской чрезвычайной комиссіи»... Мы за послѣдніе годы видали всякіе виды. Но болѣе зловѣщаго симптома паденія моральной культуры, чѣмъ эта дружеская бесѣда двухъ знаменитыхъ писателей съ шефомъ Чрезвычайки, я что-то, признаюсь, не запомню.

Уэлльсъ не всегда отличался такой терпимостью «налѣво». Было время, когда онъ величалъ англійскихъ соціалистовъ карманщиками (pickpockets). Въ какомъ видѣ выведенъ, подъ прозрачнымъ псевдонимомъ, Сидней Уэббъ въ книгѣ Уэлльса «Новый Маккіавелли», объ этомъ, пожалуй, лучше не вспоминать. Невольно себя спрашиваешь, откуда взялось у рѣзкаго и непочтительнаго по темпераменту писателя, посѣтившаго и описавшаго наудачу нѣсколько камеръ совѣтскаго ада, столь своеобразное отношеніе къ хозяевамъ и устроителямъ послѣдняго.

Года два тому назадъ А. А. Титовъ и пишущій эти строки имѣли въ Лондонѣ разговоръ съ Уэлльсомъ. Авторъ «Бритлинга» въ то время чрезвычайно интересовался ходомъ гражданской войны въ Россіи; онъ притащилъ географическую карту, по которой А. А. Титовъ подробно описалъ ему линію прохожденія фронта. Но тогда Уэлльсъ былъ занятъ русскими событіями главнымъ образомъ съ воен-

ной точки зрѣнія. Нервно бѣгая по комнатѣ, онъ развивалъ свои стратегическія соображенія: по его мнѣнію, рѣшающую роль въ войнѣ генерала «Динайкина» съ большевиками должны были сыграть аэропланы, — и Уэлльсъ чрезвычайно подробно и наставительно это намъ объяснялъ, хотя могъ знать, что мы люди штатскіе, ни къ «Динайкину», ни къ большевикамъ непричастные и въ дѣлѣ воздушной войны мало освѣдомленные. Мы слушали стратегическія указанія Уэлльса съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ толстовскіе мужики внимали совѣтамъ Вово Звѣздинцева — сѣять возможно больше мяты. «Двистительно... всякій плантъ можно сѣять... можно сѣять и мяту»... Можно употреблять и аэропланы.

Впрочемъ, военныя указанія англійскій романистъ давалъ не только намъ. Изъ недавней книги о немъ одного изъ его самыхъ горячихъ поклонниковъ (Гюйо) мы узнаемъ, что во время Великой Войны Уэлльсъ «обмѣнялся нѣсколькими идеями относительно веденія операцій съ генералами Жоффромъ и Кастельно, которые *выслушали его мысли съ удовольствіемъ*», — по выраженію поклонника, гдѣ чистосердечіе граничитъ съ коварствомъ. Намъ, стало быть, самъ Богъ велѣлъ сдѣлать то же самое. Мы, однако, попытались

перевести разговоръ на темы философско-политическія. Уэлльсъ со свойственнымъ ему неподдѣльнымъ юморомъ объявилъ, что его политическіе взгляды зависятъ главнымъ образомъ отъ состоянія его печени (отсюда можно сдѣлать выводъ, что во время русской поѣздки Уэлльса его печень была въ самомъ лучшемъ состояніи); но тѣмъ не менѣе онъ высказался — и очень остроумно.

— Мы сейчасъ въ Англіи, — сказалъ онъ, — переживаемъ полосу крайней реакціи. Ею руководитъ, разумѣется, Ллойдъ-Джорджъ. Но черезъ годъ или два у насъ начнется полоса крайняго радикализма. Руководить имъ будетъ, разумѣется, тоже Ллойдъ-Джорджъ.

Я потому цитирую это (отчасти уже оправдавшееся) замѣчаніе блестящаго писателя — изъ ряда другихъ, не менѣе остроумныхъ, — что, быть можетъ, въ немъ высказанъ существенный мотивъ его нынѣшнихъ настроеній въ вопросѣ о большевистской власти. Мы очень недовольны русской политикой Ллойдъ-Джорджа. Пожалуй, у насъ больше основаній быть недовольными его англійской политикой. Ибо чувства, которыя «колдунъ» (такъ въ Англіи называютъ нынѣшняго премьера) внушаетъ большинству передовыхъ англичанъ, таковы, что многіе изъ послѣднихъ готовы чувствовать симпатію даже къ больше-

викамъ. Казалось бы, чѣмъ мы виноваты, что ими правитъ Ллойдъ-Джорджъ?

Помню, незадолго до разговора съ Уэлльсомъ, мы съ тѣмъ же А. А. Титовымъ и Я. О. Гавронскимъ были въ гостяхъ у одного англійскаго политическаго дѣятеля, — лѣваго направленія и весьма энергичнаго темперамента. Этотъ человѣкъ занимается политикой лѣтъ сорокъ, по рожденію принадлежитъ къ правящимъ группамъ Англіи и знаетъ всѣхъ ея политическихъ дѣятелей, можно сказать, наизусть. Нисколько не стѣсняясь въ выраженіяхъ, несмотря на присутствіе иностранцевъ, онъ далъ такую сочную характеристику Ллойдъ-Джорджа, что ее, пожалуй, въ печати огласить было бы неудобно; заодно коснулся и ближайшихъ сотрудниковъ премьера.

— Подобныхъ политическихъ дѣятелей, — сказалъ онъ, — у насъ не было съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Англія. Во всемъ этомъ кабинетѣ только и есть одинъ порядочный человѣкъ — Бальфуръ. Онъ — лѣнтяй и скептикъ, какъ всѣ Сесили. But he is a gentleman, — онъ джентльменъ. А остальные...

Дальше опять слѣдовали сочныя выраженія.

A l t e r a p a r s. — «Ллойдъ-Джорджъ — типъ изъ Теккерея», — недавно писалъ одинъ публицистъ, возбужденный нашумѣв-

шей рѣчью премьера объ эволюціи русскихъ большевиковъ. Да публицистъ-то, кажется, Теккерея не знаетъ. У знаменитаго англійскаго писателя такихъ типовъ не было. Но для будущихъ Теккереевъ Ллойдъ-Джорджъ, вѣроятно, представитъ большой интересъ. Имъ въ первую очередь придется выяснить вопросъ, въ чемъ была сила этого государственнаго человѣка начала 20 столѣтія.

Біографы Ллойдъ-Джорджа утверждаютъ, что успѣхомъ онъ обязанъ, прежде всего, своему большому ораторскому таланту и блестящему остроумію. Это возможно, хотя относительно остроумія въ современной Англіи, повидимому, существуетъ представленіе, намъ не совсѣмъ понятное. Такъ, вышеупомянутая рѣчь премьера, независимо отъ ея содержанія, по своей формѣ и юмору была почти всей англійской прессой отнесена къ числу шедевровъ. Успѣхъ ея въ парламентѣ оказался тоже необычайнымъ. Признаюсь, однако, что я усиленно, но безуспѣшно старался улыбнуться въ тѣхъ мѣстахъ этой рѣчи, гдѣ газетный отчетъ свидѣтельствовалъ о «бурномъ смѣхѣ»: «Ленинъ разсчитывалъ прежде на теоріи Карла Маркса. Но Россіи нужно починить локомотивы. Теоріями Карла Маркса нельзя чинить локомотивовъ!» (Бурный смѣхъ). Остальныя остроты въ томъ же

родѣ. Вотъ что считается теперь остроуміемъ въ странѣ Свифта и Оскара Уайльда. То обстоятельство, что о Марксѣ и Ленинѣ разсуждаетъ человѣкъ, не читавшій ни Маркса, ни Ленина, уже давно ни въ комъ удивленія не вызываетъ.

Нѣтъ, повидимому, не въ юморѣ и не въ ораторскомъ талантѣ — или, по крайней мѣрѣ, не въ нихъ однихъ — заключаются сила и обаяніе этого страннаго человѣка. Кейнсъ въ третьей главѣ своего знаменитаго труда, заключающей художественное описаніе (съ натуры) быта и психологіи парижской конференціи мира, говоритъ о «безошибочной, почти медіумической чувствительности Ллойдъ-Джорджа къ окружающей средѣ», объ его «шести или семи лишнихъ чувствахъ, недоступныхъ обыкновеннымъ людямъ». По словамъ Кейнса, англійскій премьеръ какимъ-то «телепатическимъ инстинктомъ» угадываетъ характеръ, мысли, желанія, ощущенія своихъ собесѣдниковъ, и мгновенно, почти безсознательно находитъ самый вѣрный путь къ ихъ слабостямъ и тщеславію... Я не берусь судить о Кейнсѣ, какъ экономистѣ. Но несомнѣнно, что авторъ «Экономическихъ послѣдствій мира» — тонкій цѣнитель и знатокъ людей, которому впору писать не политическія книги, а художественныя произведенія. Нель-

зя забыть его описанія конференціи: образъ «медіума» Ллойдъ-Джорджа; фигуру медленно и тяжело думающаго президента Вильсона; ихъ разговоры и споры, въ которыхъ оба собесѣдника забывали днемъ то, что говорили утромъ, и соперничали другъ съ другомъ въ невѣжествѣ (или, какъ мягче выражается Кейнсъ, въ «неосвѣдомленности»). Изъ этихъ бесѣдъ, по словамъ Кейнса, медленно думающій президентъ неизмѣнно выходилъ и не могъ не выходить побѣжденнымъ. А на обоихъ спорщиковъ, съ высоты своей огромной умственной культуры и своего совершеннаго презрѣнія къ людямъ, изрѣдка вставляя циничныя замѣчанія, смотрѣлъ Клемансо, ни во что не вѣрящій авторъ «Завѣсы счастья». «Въ своихъ неизмѣнныхъ сѣрыхъ перчаткахъ, со своей сухой душой и съ полнымъ отсутствіемъ надеждъ, очень старый и очень утомленный, онъ глядѣлъ на эти сцены съ видомъ циничнымъ и почти дьявольскимъ»... Все это, повторяю, незабываемо.

Во всякомъ случаѣ, Ллойдъ-Джорджъ есть лицо символическое. Послѣ ухода со сцены Клемансо, онъ, безспорно, является самой крупной фигурой среди политическихъ дѣятелей Европы. И невольно себя спрашиваешь: кого же, какихъ людей выдвинулъ старый міръ въ противовѣсъ слѣпой, грозной, невѣ-

жественной силѣ, надвигающейся на него съ Востока.

Я не говорю о соціально-политическомъ багажѣ западнаго міра. Въ этой области, сравненія съ восточной стихіей ему бояться нечего: вязнущія на устахъ слова — демократическій строй, всеобщее избирательное право, гражданскія свободы — какъ ни вытерлись, какъ ни облиняли всѣ эти понятія за свою вѣковую исторію—все же представляютъ собой высшія цѣнности, придуманныя въ нѣсколько тысячъ лѣтъ политической мыслью человѣчества. И врядъ ли имъ суждено пасть въ борьбѣ съ тощей идеей совѣтовъ, пущенной въ обращеніе аферистомъ (Парвусомъ) и практически осуществленной разбойниками.

Я не говорю и объ экономическомъ, бытовомъ укладѣ западнаго міра съ его контрастами, противорѣчіями и несправедливостями. Пусть нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ голодаютъ сейчасъ въ Англіи безъ работы. Пусть въ магазинахъ на rue de la Paix продается ожерелье цѣной въ 12 милліоновъ франковъ. Пусть покупатели такихъ ожерелій, нажившіе на войнѣ по нѣсколько сотъ милліоновъ, великодушно жертвуютъ гроши на разныя гуманитарныя цѣли и пріобрѣтаютъ славу благодѣтелей человѣчества. Однако жизнь говоритъ сама за себя, и тѣ, кому удалось

бѣжать изъ совѣтской Россіи въ капиталистическую Европу, хорошо знаютъ безъ разъясненій, какой соціально-экономическій бытъ прочнѣе и устойчивѣе, гдѣ сильнѣе лишенія, гдѣ больше рабства, гдѣ хуже эксплоатація. Западу и здѣсь не приходится бояться сравненій.

Трудно было бы, однако, утверждать то же самое относительно психологіи иныхъ правителей. Ленинъ, какъ человѣкъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Ллойдъ-Джорджа. Я бы скорѣе затруднился указать, въ какомъ отношеніи Ллойдъ-Джорджъ, какъ человѣкъ, выше Ленина.

Подобныя психологическія параллели имѣютъ, разумѣется, лишь очень ограниченное значеніе. Къ счастью, политическій бытъ Англіи таковъ, что, будь во главѣ британскаго правительства человѣкъ съ душевными свойствами даже не Ленина, а хотя бы Дзержинскаго или Лациса, англичанамъ отъ этого, въ сущности, ни тепло, ни холодно: чрезвычайки у нихъ не заведешь, Ресселя въ тюрьму не посадишь, и «Times» не прикроешь. Тѣмъ не менѣе, будущимъ Теккереямъ подобныя психологическія сопоставленія, вѣроятно, покажутся заманчивыми.

Можно было бы даже говорить не только о будущихъ, но и о настоящихъ Теккереяхъ.

Англійскимъ государственнымъ людямъ въ послѣднее время не везетъ на бытописателей. То г-жа Марготъ Асквитъ выпустила нашумѣвшіе мемуары — и безъ ножа зарѣзала ими своего мужа; то совсѣмъ недавно издалъ свои «Дневники» (My Diaries) извѣстный поэтъ, путешественникъ и политическій дѣятель, Вильфридъ Скэвенъ Блентъ.

Авторъ «Дневниковъ» — человѣкъ весьма интересный. Ему теперь 81 годъ. По рожденію онъ принадлежитъ къ высшей аристократіи и молодость отдалъ дипломатической карьерѣ. Онъ близко зналъ на своемъ вѣку чуть ли не всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ людей Англіи за послѣднее полустолѣтіе, отъ Г. Спенсера до О. Уайльда, отъ Гладстона до Черчилля. Особенно же близко онъ зналъ и знаетъ ея политическихъ дѣятелей. Онъ даже знаетъ ихъ такъ близко, что они ему совершенно опротивѣли. На этого талантливаго и независимаго человѣка нашла весьма опасная манія. Онъ рѣшилъ разсказать своимъ знаменитымъ друзьямъ все то, что онъ о нихъ думаетъ. Мало того, онъ постановилъ заодно довести до ихъ свѣдѣнія -- и, разумѣется, до свѣдѣнія публики—то, что они думаютъ другъ о другѣ. Такъ, напримѣръ, публика не безъ удовольствія узнаетъ, что Уинстонъ Черчилль въ интимныхъ бесѣдахъ съ Блентомъ

проводилъ яркую и сочную параллель между Асквитомъ и Бальфуромъ, которая въ сокращенiи сводилась къ тому, что Асквитъ—добрый дуракъ, а Бальфуръ — умный и злой циникъ. Надо думать, что и Асквитъ, и Бальфуръ и самъ Черчилль прочли все это съ гораздо меньшимъ удовольствiемъ, чѣмъ публика. Отъ себя замѣчу, что характеристика, данная Черчиллемъ Бальфуру, очень художественна: Бальфуру все — все равно, — замѣтилъ Бленту знаменитый министръ Ллойдъ-Джорджа: «Онъ знаетъ, что когда-то былъ ледяной перiодъ и что когда-нибудь опять будетъ ледяной перiодъ...» Лучше этого никто ничего не сказалъ о блестящемъ авторѣ «Defence of Philosophical Doubt».

Само собою разумѣется, Блентъ не остановился на характеристикѣ людей. Развивая послѣдовательно свои политическiя воззрѣнiя, онъ пришелъ къ той, нѣсколько неожиданной для англичанина, мысли, что «лицемѣрную и отвратительную» британскую имперiю необходимо разрушить, вернувшись къ маленькой, но свободной и честной Англiи; ибо, какъ замѣчаетъ авторъ «Дневниковъ», нельзя одновременно истреблять негровъ въ Южной Африкѣ и громить на митингѣ султана за истребленiе армянъ. Съ этимъ взглядомъ Блента согласился и Г. Спенсеръ, и оба они сошлись на томъ,

что «пока какая-нибудь непріятельская армія не высадится на англійскіе берега, до тѣхъ поръ мы не придемъ къ лучшимъ чувствамъ». Въ совершенномъ согласіи съ этимъ взглядомъ, Блентъ 20 лѣтъ тому назадъ горячо привѣтствовалъ побѣду буровъ надъ англичанами, какъ «первый гвоздь, вбитый въ гробъ британской имперіи». Когда же началась міровая война, неустрашимый философъ, очень, впрочемъ, недолюбливающій нѣмцевъ, немедленно заявилъ, что единственной причиной катастрофы являются съ обѣихъ сторонъ коммерческія соображенія конкуренціи; хорошія же слова говорятся для отвода глазъ народу. «Что таковы были,— добавляетъ Блентъ, — дѣйствительныя причины войны и что альтруизмъ былъ тутъ ни при чемъ, — объ этомъ я впослѣдствіи получилъ свѣдѣнія (acquired a certain knowledge) и отъ одного изъ главныхъ ея виновниковъ».

— «Большевикъ!» — скажетъ иной читатель, пожимая плечами. Нѣтъ, Блентъ не большевикъ. Онъ даже не демократъ. Авторъ «Дневниковъ» самъ называетъ себя аристократомъ въ средѣ демократіи. — «Я совершенно одинокъ, — пишетъ онъ на склонѣ своихъ дней, — и горе овладѣваетъ мной въ этомъ мрачномъ мірѣ. Мнѣ ясно, какъ мало я сдѣлалъ, какъ мало повліялъ на мысль моего поколѣнія, несмотря на правильность моихъ идей, въ

которой я попрежнему убѣжденъ, несмотря на нѣкоторое искусство и мужество, проявленное мною въ ихъ защитѣ. У меня почти нѣтъ послѣдователей въ Европѣ и ни одного въ Англіи. Послѣ моей смерти некому будетъ продолжать мое дѣло». Такъ большевики не пишутъ.

Сопоставляя столь разныя книги: бытъ Блента и г-жи Асквитъ, политическую информацію Кейнса и Нормана Энджеля, любуясь символической фигурой Ллойдъ Джорджа, можно, пожалуй, прійти къ очень печальнымъ мыслямъ относительно altera pars. Отъ этихъ мыслей, впрочемъ, легко отдѣлаться. Достаточно прочесть любой номеръ «Правды» — и все въ Западной Европѣ покажется раемъ. Однако, жаль, что вожди европейскаго міра, политическіе герои нашего времени, сами себя не уважаютъ... Скверное время — скверные герои.

Третій Римъ и Третій Интернаціоналъ. — Одни знатные иностранцы большевизма не знаютъ, другіе имъ и не интересуются. Вправѣ ли мы однако предъявлять чрезмѣрныя требованія къ иностранцамъ? Мы и сами изъ большевизма знаемъ почти исключительно его практику. Для практическихъ выводовъ этого, впрочемъ, совершенно

достаточно. Но историкъ, вѣроятно, изслѣдуетъ и большевистскую теорію (которую сами гг. большевики знаютъ плохо), и генезисъ этой теоріи (котораго они вовсе не знаютъ).

Историкъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ полагается дѣйствовать историку. Онъ начнетъ съ того, что отвергнетъ ходячее мнѣніе. — Неизвѣстно откуда пришли темные люди, частью фанатики, частью авантюристы, большей частью мошенники, совершенно чуждые Россіи, видящіе въ ней въ лучшемъ случаѣ хорошее опытное поле, въ худшемъ случаѣ прудъ мутной воды, гдѣ удобно ловить рыбу,— пришли, овладѣли властью и погубили Россію. —Въ этомъ ходячеемъ мнѣніи очень много вѣрнаго. Но для историка оно все же окажется нѣсколько примитивнымъ. Онъ установитъ интимную связь большевизма съ Марксомъ, съ Бакунинымъ, съ Сорелемъ, со многими другими: вѣдь Ленинъ объялъ необъятное. Затѣмъ онъ, вѣроятно, попытается пристегнуть большевизмъ къ одной изъ русскихъ философско-политическихъ традицій. И здѣсь передъ нимъ откроется широкое поле.

Большевики своей традиціи почти не создали, если не считать традиціей идейный грабежъ и идейные погромы. Но пристегнуть ихъ, въ исторіи вообще и особенно въ русской исторіи, можно къ очень многому. Здѣсь

умѣстно помянуть Ткачева, Нечаева и Аввакума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многихъ другихъ. Можетъ быть, самое лучшее опредѣленіе большевизма было дано полвѣка тому назадъ Герценомъ, предсказывавшимъ великое будущее въ Россіи тому, кто сумѣетъ объединить въ себѣ царя и Стеньку Разина. Это опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ Ленину, но оно относится главнымъ образомъ опять таки къ большевистской практикѣ. Стенька Разинъ, конечно, фигура въ русской жизни весьма знаменательная *). Но въ теоретики онъ не годится

*) Достаточно напомнить, какое мѣсто она занимаетъ въ волжскомъ эпосѣ, имѣющемъ впрочемъ чисто интеллигентское происхожденіе. Кто изъ русскихъ людей, обладающихъ минимумомъ голоса и слуха, не распѣвалъ поэтической пѣсни «Изъ за острова на стрежень», пѣсни, въ которой грозный атаманъ съ такой *удалью* швыряетъ въ рѣку свою красавицу-княжну. Содержаніе этой пѣсни у насъ въ послѣдніе два года не разъ — и почти буквально — претворялось въ дѣйствительность. Но *въ жизни* эта *удаль* у русской интеллигенціи восторга не вызывала. Иностранцы, съ незапамятныхъ временъ говорящіе объ анархической и антисоціальной природѣ гражданъ Россіи, могли бы въ подобномъ эпосѣ найти кое-какіе аргументы въ пользу своего (вообще говоря, довольно поверхностнаго) утвержденія: ибо французы не распѣваютъ удалыхъ пѣсенъ о звѣрствахъ Картуша, а въ англо-саксонскомъ Робинъ-Гудовскомъ эпосѣ герой не топитъ любимыхъ дѣвушекъ въ рѣкѣ.

даже большевикамъ. Куда же пристегнетъ историкъ большевиковъ въ смыслѣ теоріи? Да скорѣе всего къ ихъ антиподамъ, — къ славянофиламъ.

Послѣднее родство у насъ въ общественное самосознаніе не проникаетъ. Въ силу чисто внѣшнихъ «акциденцій», намъ трудно привыкнуть къ мысли, что Ленинъ и Троцкій, хотя бы отчасти, являются духовными наслѣдниками Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ. Конечно, внѣшніе признаки говорятъ противъ такого сравненія. И соціальная структура большевизма совершенно отлична отъ славянофильской, и Троцкій самъ по себѣ, разумѣется, нисколько не похожъ на Кирѣевскаго. Словесность, мундиръ, обряды у славянофиловъ были другіе. Константинъ Аксаковъ не носилъ красной повязки. Онъ носилъ русскую (по словамъ спеціалистовъ, впрочемъ, персидскую) мурмолку и зипунъ 17 столѣтія, «сшитый французскимъ портнымъ». Славянофилы пили шампанское, разбавляя его квасомъ. Въ Совѣтской Россіи пьютъ денатуратъ, ничѣмъ его не разбавляя. Тогда въ Москвѣ былъ третій Римъ («Москва есть третій Римъ, а четвертому не бывать»). Теперь въ Москвѣ третій Интернаціоналъ (четвертому, конечно, тоже не бывать). Не объ этомъ и рѣчь. За различіемъ акцидентій не должно про-

смотрѣть поразительное мѣстами сходство субстанцій: большевики оказались чрезвычайно злой сатирой на славянофиловъ.

Я имѣлъ уже случай въ другомъ мѣстѣ цитировать слова, которыя всякій нынѣшній читатель могъ бы съ полнымъ правдоподобіемъ приписать Ленину или Троцкому, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ авторомъ ихъ является Ф. М. Достоевскій: «Мы не Европа, которая вся зависитъ отъ биржъ своей буржуазіи и отъ спокойствія своихъ пролетаріевъ, покупаемаго уже послѣдними усиліями тамошнихъ правительствъ и всего лишь на часъ». Если поискать, то такихъ цитатъ можно найти сколько угодно и у перваго, и у второго, и у третьяго поколѣнія славянофиловъ.

Та русская самобытность, та особенная стать, которой восторгался Тютчевъ въ своемъ извѣстномъ четверостишіи, пострадавшемъ отъ не менѣе извѣстной пародіи Владимира Соловьева, врядъ ли могла бы найти болѣе ревностныхъ и своеобразныхъ сторонниковъ, нежели нынѣшніе хозяева Москвы. Ужъ чего самобытнѣе путь, по которому большевики повели Россію. Правда, здѣсь слѣдуетъ сдѣлать теоретическую оговорку: по тому же пути они съ полной готовностью повели бы и всѣ другія страны. Но западно-европейскій міръ, какъ бы то ни было, за ними

пока не идетъ и большевистская самобытность, стало быть, ничего въ самомъ достоинствѣ не теряетъ. Къ тому же нѣкоторый прозелитизмъ по отношенію къ западнымъ странамъ обнаруживали въ свое время и нѣкоторые практики славянофильскаго движенія. А если угодно, то не только практики. Братья Аксаковы, напримѣръ, очень любили говорить объ общечеловѣческомъ характерѣ своего ученія. Константинъ Аксаковъ прямо писалъ: «можетъ быть, міръ не видѣлъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, и именно русская, природа».

Съ другой стороны врядъ ли существовала отъ сотворенія міра страна, въ которой было бы такъ радикально осуществлено «премудрое незнанье иноземцевъ», какъ въ совѣтской Россіи. Въ этой послѣдней въ настоящее время на свободѣ гуляютъ лишь два иноземца — капитанъ Садуль и лейтенантъ Паскаль*): всѣ остальные сидятъ въ тюрьмѣ. Т. е., теоретически опять таки слѣдовало бы сдѣлать оговорку: совѣтская Россія сажаетъ въ тюрьмы только «буржуазныхъ» и «мелко-буржуазныхъ» иноземцевъ; иноземнымъ большевикамъ она, напротивъ, была бы душевно рада, какъ дорогимъ гостямъ. Но — что подѣлаешь съ рокомъ?

---

*) Писано въ декабрѣ 1919 года.

— въ Москву упорно не желаютъ теперь ѣхать вообще никакіе иноземцы. Самые восторженные поклонники совѣтскаго строя, которыхъ судьба забрасываетъ въ Россію, почему-то очень быстро оттуда уѣзжаютъ (какъ, напримѣръ, Артуръ Рансомъ, прожившій въ Москвѣ цѣлыхъ шесть недѣль).

Въ маѣ 1919 г. Ленинъ представилъ большой докладъ московскому соціалистическому конгрессу, который заложилъ основы Третьяго Интернаціонала. Въ этомъ историческомъ документѣ онъ со свойственной ему яростью изобличалъ мерзость современнаго западно-европейскаго строя и краснорѣчиво доказывалъ, что истинная свобода существуетъ только въ совѣтской Россіи. При чтеніи этого документа мнѣ трудно было отдѣлаться отъ мысли, что нѣкоторыя его положенія представляютъ собой настоящій плагіатъ изъ Константина Аксакова. Этотъ неглупый и очень благородный чудакъ николаевской Москвы тоже краснорѣчиво разоблачалъ въ свое время западно-европейскую цивилизацію. «Западъ, — писалъ онъ, — весь проникнутъ ложью внутренной, онъ сталъ отвратительнымъ явленіемъ» (буквально). — «Нѣтъ, свобода не тамъ, — писалъ Аксаковъ.—Она въ Россіи». Подданный Николая I, пять лѣтъ боровшійся за право ношенія бороды и этого

права такъ-таки не добившійся (бороду пришлось сбрить), не менѣе серьезно восхвалялъ свою свободу, чѣмъ Ленинъ — свободу кліентовъ Всероссійской Чрезвычайной Коммиссіи.

Разумѣется, съ формальной стороны и здѣсь возможно возраженіе. Ленинъ изобличаетъ не Западъ вообще, не Западъ «какъ таковой», а Западъ капиталистическій. Но это возраженіе аналогіи положительно не вредитъ. Какъ мы видѣли, и славянофилы — особенно, позднѣйшихъ поколѣній — любили поговорить о биржахъ западно-европейской буржуазіи. Изобличеніемъ господствующихъ классовъ, превознесеніемъ классовъ угнетенныхъ ихъ тоже никакъ нельзя было удивить. Только ихъ языкъ теперь нѣсколько устарѣлъ: вмѣсто слова «капиталисты» они употребляли слово «публика»; вмѣсто «пролетаріатъ» говорили «народъ». Пожалуй, достаточно напомнить одно знаменитое опредѣленіе того же Константина Аксакова; «въ публикѣ — грязь въ золотѣ; въ народѣ — золото въ грязи». Однимъ словомъ, славянофилы были демократы. Какая цѣна была въ жизни ихъ демократизму, другой вопросъ. Л. Н. Толстой со своей холодной усмѣшкой разсказывалъ, что цѣну эту онъ постигъ однажды изъ слѣдующаго небольшого эпизода: онъ шелъ по Арбату, въ

обычномъ крестьянскомъ платьѣ; ему встрѣтился проѣзжавшій на лихачѣ вождь славянофиловъ И. С. Аксаковъ. Толстой поклонился, Аксаковъ бѣгло оглянулъ его и не счелъ нужнымъ отвѣтить: въ старомъ мужикѣ онъ не узналъ графа Толстого. Грязь въ золотѣ не удостоила поклона золота въ грязи. Славянофилы были такіе же демократы, какъ большевики. Мессіанистская вѣра Ленина видитъ въ пролетаріатѣ средоточіе всѣхъ возможныхъ въ природѣ добродѣтелей. И какъ тѣмъ не менѣе усердно разстрѣливаются рабочіе въ совѣтской и пролетарской Россіи.

Можно было бы въ этой аналогіи пойти и дальше. Самая идея взаимоотношеній между властью и обществомъ, нынѣ существующихъ въ Москвѣ, смутно намѣчалась — конечно, не въ буквально томъ же видѣ — еще славянофилами.

Когда вступилъ на престолъ Александръ II, Константинъ Аксаковъ представилъ ему записку, озаглавленную «О внутреннемъ состояніи Россіи» и заключавшую въ себѣ слѣдующіе тезисы:

«I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ пре-

доставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамѣнъ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть безъ вмѣшательства въ нее народа, — можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству, — это мнѣніе (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять или не принять».

Все это почти трогательно въ своей дѣтской наивности. Вѣроятно, ни Александръ II, ни графъ Блудовъ, черезъ котораго была подана записка, ни даже самъ Аксаковъ не относились къ ней вполнѣ серьезно, какъ къ государственному дѣлу. Можно также съ нѣкоторой увѣренностью предположить, что Ленинъ Ак-

саковской записки никогда въ глаза не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе предначертанія ея онъ выполнилъ въ весьма значительной мѣрѣ. Всецѣло согласуясь съ первыми двумя тезисами, онъ забралъ себѣ неограниченную государственную власть. Тезисъ же пятый онъ выполнилъ лишь отчасти. Во Всероссійской Федеративной совѣтской республикѣ народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, не имѣетъ и права «мнѣнія, которое правительство вольно принять или не принять». Но « ограниченія», установленныя Ленинымъ и не имѣющія, кажется, прецедентовъ по безстыдству въ культурной исторіи, касаются только внѣшняго выраженія нравственной свободы. Большевики отдѣлили свободу духа отъ свободы слова. Аксаковъ думалъ, что слову нѣтъ нужды выливаться въ дѣйствіе; Ленинъ призналъ, что духу нѣтъ никакой надобности въ словѣ. Большевики ушли отъ гнилого запада еще дальше на востокъ, чѣмъ славянофилы: индусскіе факиры воспитываютъ нравственный духъ молчаніемъ и умерщвленіемъ плоти; творцы голода и чрезвычаекъ создали для русскаго народа такія условія жизни, при которыхъ онъ не нуждается въ добровольномъ самоистязаніи; каждый житель совѣтской Россіи нынѣ тотъ же индусскій факиръ.

Теперь большевики завоевываютъ южную

Россію. Я читаю заявленія большевистской прессы о красномъ Кіевѣ, о Совѣтскомъ Харьковѣ, о Коммунистической Одессѣ, о братской рукѣ помощи, которую черезъ головы гадовъ буржуазіи, вонзающихъ кинжалъ въ спину революціи, протягиваютъ этимъ краснымъ городамъ красная Москва и красный Петроградъ; читаю также о томъ, какой изъ южныхъ городовъ нужно осчастливить захватомъ въ первую очередь, — и мнѣ вспоминается одна изъ передовыхъ статей Ивана Аксакова: «Моря и Москвы хочетъ доступить Кіевъ, пуще моря Москва нужна Харькову; Кіеву — первый почетъ, да жаль обидѣть и Харькова. Или Русь-Богатырь такъ казной-мошной отощала и ума-разуму истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обоихъ путей, обоихъ морей, желѣзомъ сягнуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣпь въ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?» Вотъ только поставить передъ всѣми географическими наименованіями этой политической былины соотвѣтствующіе эпитеты: красный, совѣтскій, коммунистическій, — и по тону сходство съ «Правдой» будетъ разительное. То же развязное бахвальство и въ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ. Читаешь новости большевистскихъ газетъ: въ Пари-

жѣ засѣдаютъ Совѣты, въ Лондонѣ вспыхнула коммунистическая революція, на Рейнѣ ждутъ не дождутся появленія арміи Троцкаго для совмѣстной борьбы съ имперіалистами всего міра*)... Впрочемъ, отчего бы нѣтъ? Или совѣтская Русь такъ казной-мошной отощала и ума-разуму истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму — закидать буржуазную Европу — ну, не шапками, такъ прокламаціями?

Самобытность — хорошая вещь, поскольку ее не подвергаютъ своеобразнымъ опытамъ reductionis ad absurdum. Отъ дыма той и этой самобытности надо освободиться разъ навсегда. Мы видѣли — своими глазами, безъ цвѣтныхъ стеколъ теоріи — Европу и Россію и до войны, и во время страшнаго испытанія, и послѣ него. Не все въ Европѣ хорошо, объ этомъ что и говорить. Но со всѣмъ тѣмъ дурнымъ, что въ ней есть, у Европы не только намъ, но и Америкѣ, можно и должно многому поучиться: въ результатѣ грозныхъ уроковъ жизни мы начинаемъ доходить до азбуки, до азбуки Потугинскихъ идей. Никогда не мѣшаетъ, конечно, повторять азбуку, хотя это скучно. И не азбука ли при-

---

*) Такова дѣйствительно была информація большевистской печати въ ту пору (декабрь 1919 года).

водитъ насъ къ мысли, что нужно поскорѣе забыть самую возможность противопоставленія двухъ понятій: Европа, Россія.

Въ области внутреннихъ взаимоотношеній «старшаго и меньшаго братьевъ» мы, слава Богу, тоже начинаемъ приходить къ азбукѣ. Намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что и «публика» не сплошная грязь, и народъ не сплошное золото. Жизнь меланхолически поставила здѣсь знакъ равенства: публика стоитъ народа, народъ стоитъ публики. Имъ остается только такъ или иначе протянуть другъ другу руку; и дай Богъ, чтобы это было сдѣлано поскорѣе: иначе будетъ плохо и публикѣ и народу.

Tragœdia Moscovitica.—А въ прошлое заглядывать не мѣшаетъ — даже въ далекое прошлое. Урокъ Великой Смуты, этой «Tragœdia Moscovitica», какъ назвалъ ее современникъ, могъ бы теперь очень пригодиться. Цѣль, въ которой тогда стремились думные люди, сводилась къ слѣдующему: «Общимъ Совѣтомъ Россійское Царство управляти», «всякаго человѣка не осудя истиннымъ судомъ смерти не предати», «дворовъ, лавокъ и животовъ не отымати», «бояръ и гостей, и торговыхъ, и черныхъ людей отъ всякаго насильства оберегати».

Лучше бы мы и теперь не придумали. Нельзя сказать, чтобы за триста лѣтъ Россія сильно приблизилась къ осуществленію этихъ вѣчныхъ безсмысленныхъ мечтаній.

В. О. Ключевскій, вслѣдъ за лекаремъ Авраамомъ Палицынымъ, видѣлъ въ смутѣ «стремленіе общественныхъ низовъ прорваться наверхъ и столкнуть оттуда верховниковъ», дабы послѣдніе «въ прахъ вмѣняемы бываху». Мы это явленіе называемъ теперь большевизмомъ. С. Ф. Платоновъ далъ Смутному Времени нѣсколько иное объясненіе. Несомнѣнно, однако, то, что въ иныхъ конфликтахъ «Великаго Лихолѣтья» мы находимъ довольно точное подобіе многихъ нынѣшнихъ споровъ. Такъ сторонники идеи интервенціи могли бы взять въ нѣкоторыхъ фактахъ Смутнаго Времени *свою* историческую традицію. Не кто иной, какъ М. В. Скопинъ-Шуйскій, народный герой и патріотъ, ѣздилъ къ шведамъ за помощью противъ Тушинскаго Вора и дѣйствительно спасъ Москву при содѣйствіи иноземныхъ войскъ. Были тогда и яростные противники интервенціи — вродѣ Мартова и Чернова, были и такіе политическіе дѣятели, которые «ни вѣщати дерзаху, ни молчати смѣяху». Были, наконецъ, умные люди, понимавшіе, что интервенція интервенціи рознь и всецѣло зависитъ отъ «конъюнктуры» (въ стилистиче-

скомъ отношеніи, это тогда выражалось гораздо лучше): принципіально они иностранной помощи не отвергали, но считали, напримѣръ, богомерзкой идею «вкупѣ съ поляки на Москву ходити». — Да проститъ имъ Б. В. Савинковъ.

Не слишкомъ нова и мысль коалиціи, проектъ Національнаго Единенія, о которомъ мы споримъ вотъ уже двѣ недѣли*). Передъ воцареніемъ Василія Шуйскаго, нѣчто въ этомъ родѣ предлагалъ «Михалка» Татищевъ, человѣкъ весьма неглупый,но злой и лукавый. Его идея имѣла успѣхъ, но впослѣдствіи Татищева «посадили въ воду» (т. е. утопили), или, какъ еще болѣе мягко и образно выражается дьякъ Тимофеевъ, опустили «въ рѣчную быстрину воднаго естества». Правда, это было сдѣлано не за идею коалиціи, и участь «Михалки» никакъ не должна обезкураживать нынѣшнихъ сторонниковъ Національнаго Единенія. Въ осуществленіи своей идеи Татищевъ и его товарищи, какъ теперь Г. Е. Львовъ и М. М. Винаверъ, наткнулись на чрезвычайныя трудности. «Оскудѣша премудрые старцы и изнемогоша чюдные совѣтники». Главная трудность заключалась въ томъ, что каждый бояринъ желалъ стать царемъ. Исключеніе со-

*) Писано въ ноябрѣ 1920 года.

ставлялъ первый изъ бояръ, кн. Ф. П. Мстиславскій, старикъ кроткій, богобоязненный и совершенно лишенный честолюбія. Этотъ странный политическій дѣятель всѣхъ, кто ему предлагалъ почетный санъ, ругалъ нехорошими словами и грозилъ уйти въ монастырь, если его изберутъ въ цари. Но другіе бояре были настроены иначе. Старая московская знать настаивала на томъ, чтобы при переговорахъ принималась въ разсчетъ исключительно порода, а не заслуги. Бояре словно прониклись мыслью своего великаго англійскаго современника, слишкомъ часто нынѣ забываемой: «если съ каждымъ человѣкомъ поступать по его заслугамъ, то кто бы избѣжалъ побоевъ?» Однако и насчетъ «отечества» сговориться было не такъ легко. Знатнѣйшими изъ князей въ потомствѣ Рюрика были безспорно Шуйскіе, впереди Воротынскихъ, Курлятевыхъ, Одоевскихъ, Масальскихъ, Львовыхъ, Барятинскихъ, Кропоткиныхъ и др. Но противъ Рюриковичей выдвигались Гедиминовичи. О старшинствѣ въ роду Гедимина спорили Голицыны и Хованскіе, потомки старшаго Гедиминова сына Наримунта. Однако, правнуки младшаго сына Ольгерда, Трубецкіе, подкапывались подъ старшихъ родичей и высказывали крайне обидныя и, вѣроятно, неосновательныя сужденія отно-

сительно супружеской чести Наримунта Гедиминовича. Сильно интриговалъ въ свою пользу и «Кошкинъ родъ». Такъ называли — по прадѣду Кошкѣ — бояръ Романовыхъ. Но объ этихъ выскочкахъ, не имѣвшихъ титула, «княжата» сначала и слышать не хотѣли. Позже появилась и партія Тушинскаго вора, преимущественно изъ бояръ не титулованныхъ но «съ отечествомъ», какъ Вельяминовы и Плещеевы.

Историки много спорили о томъ, какія политическія идеи и соціальныя силы скрывались за этими, часто столь курьезными, конфликтами. Гораздо интереснѣе — особенно теперь — было бы выяснить, что такое представляло изъ себя движеніе 1612 г., положившее конецъ Великому Лихолѣтью. Эту задачу поставилъ себѣ въ молодости С. Ф. Платоновъ, который говоритъ въ своей магистерской диссертаціи о «Древнихъ сказаніяхъ»: «Мнѣ хотѣлось изучить нижегородское движеніе всесторонне, узнать соціальный составъ населенія средняго Поволжья, узнать, какой сословный слой былъ тамъ господствующимъ и почему. Это, какъ я мечталъ, позволило бы мнѣ указать предводителей народнаго подвига, понять народное движеніе 1611—1612 гг. въ самыхъ его корняхъ. Тогда стало бы ясно, кто именно освободилъ Москву въ 1612 г., и кто

остался побѣдителемъ въ многолѣтнихъ смутахъ». С. Ф. Платонову не удалось разрѣшить поставленную имъ задачу вслѣдствіе отсутствія матеріаловъ. Онъ склонялся къ мысли, что тогда спасли Россію средніе классы населенія. Если это вѣрно, то очевидно обстоятельства сильно измѣнились съ тѣхъ поръ.

Не менѣе интересенъ — по нынѣшнимъ временамъ — вопросъ о личностяхъ вождей народнаго движенія 1611 — 1612 гг., вопросъ, вызвавшій извѣстный споръ И. Е. Забѣлина съ Н. П. Костомаровымъ. Ничего выдающагося въ этихъ вождяхъ во всякомъ случаѣ не было. Гермогенъ былъ «не сладкогласивъ, не быстро разпрозрителенъ и слуховѣрствователенъ». Мининъ и Пожарскій не блистали ни умственными ни моральными качествами, что не помѣшало имъ спасти отъ гибели Россію. Быть можетъ, не надо придавать особаго значенія личнымъ недостаткамъ того или другого политическаго дѣятеля. Не надо также забывать, что Москва была взята не сразу, а послѣ нѣсколькихъ попытокъ, неизмѣнно кончавшихся неудачами.

Финалъ общеизвѣстенъ. Общеизвѣстно и то, что черезъ годъ послѣ освобожденія Москвы, Романовы выдали Пожарскаго головой Борису Салтыкову. За царемъ служба не

пропадаетъ. Не очень слѣдуетъ разсчитывать на чью бы то ни было благодарность и Пожарскимъ нашего времени.

П о д о р о г ѣ д о м о й. — На старой улицѣ Denfert-Rochereau по правой сторонѣ — если идти отъ всѣмъ извѣстнаго памятника, поставленнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ *не былъ* разстрѣлянъ маршалъ Ней — - тянется вѣковой садъ. Онъ расположенъ на границѣ обоихъ полушарій, ибо мимо него, черезъ куполъ Обсерваторіи, проходитъ парижскій меридіанъ разсѣкающій міръ на двѣ части. Улица Denfert-Rochereau прежде называлась улицей Ада, rue d'Enfer, по той причинѣ, что при Робертѣ II на ней обосновались черти, по ночамъ производившіе адскій шумъ. Черти давно съѣхали — не то на Брокенъ, не то на Лысую Гору — и сто лѣтъ назадъ ихъ кварталъ былъ чуть ли не самымъ тихимъ въ Парижѣ. Въ ту пору здѣсь поселился Шатобріанъ, котораго всѣ мы еще недавно почитали однимъ изъ величайшихъ стилистовъ Франціи: все бренно, — на дняхъ компетентный человѣкъ, Анатоль Франсъ, заявилъ, что Шатобріанъ, какъ и Стендаль, писалъ скверно, — и этимъ заявленіемъ вызвалъ большой скандалъ въ кругахъ французскихъ lettrés. Но въ 20-хъ годахъ

19-го вѣка великолѣпный виконтъ находился на вершинѣ славы. Настроенъ онъ былъ, однако, крайне мрачно. Всѣ его обидѣли. Революція заставила его эмигрировать; Наполеонъ воротилъ его, но не вознаградилъ; Людовикъ XVIII вознаградилъ, но недостаточно; Карлъ X предложилъ ему портфель народнаго просвѣщенія, а старику хотѣлось быть министромъ иностранныхъ дѣлъ. Госпожа Шатобріанъ ему надоѣла; госпожѣ Рекамье онъ надоѣлъ. Критика имъ, правда, восторгалась, но она не менѣе восторгалась другими, — какимъ-то мальчишкой Викторомъ Гюго. Вдобавокъ у автора «Мучениковъ» не было денегъ — douleur nonpareille, говорилъ объ этомъ горѣ Рабле,— и онъ, по собственному трагическому выраженію, «заложилъ свою могилу», иными словами, продалъ посмертное изданіе своихъ сочиненій. Здѣсь, на rue d'Enfer, Шатобріанъ писалъ «Mémoires d'Outre-tombe»; отчаянно защищался отъ враговъ, которые на него не нападали, и яростно изобличалъ людей, которые ни въ чемъ не были виноваты. Въ этой книгѣ, врядъ ли не лучшей изъ всего имъ написаннаго, разочарованный старикъ сжегъ все, чему поклонялся, — и не поклонился ничему изъ того, что сжигалъ: угрюмо простился съ монархіей — и впередъ плюнулъ на демократію.

Счастливымъ обладателемъ части историческаго сада, въ которомъ была написана знаменитая книга, является нынѣ проф. В. А. Анри, гостепріимно пріютившій у себя редакцію демократическаго журнала «Грядущая Россія» (журналъ этотъ бренностью превзошелъ славу Шатобріана: онъ не продержался и ста лѣтъ). Авторъ «Загробныхъ мемуаровъ», вѣроятно, не предвидѣлъ возможности такого надругательства надъ своимъ убѣжищемъ. Въ Бурбонахъ онъ разочаровался, но въ Романовыхъ, кажется, вѣрилъ твердо: Александръ I за нимъ ухаживалъ и наградилъ его орденомъ Андрея Первозваннаго... Надо думать, что самое сочетаніе идеи демократіи съ грядущей Россіей врядъ ли бы понравилось старику.

Противъ калитки, выводящей меня изъ сада Шатобріана, открывается входъ въ катакомбы Парижа. Это самое зловѣщее кладбище въ мірѣ — складочное мѣсто всѣхъ другихъ кладбищъ, которыя во французской столицѣ перегружены еще больше, чѣмъ меблированныя квартиры. Со временъ древняго Рима сюда свозятъ телѣгами безымянныя кости давно забытыхъ людей... Баррасъ доказываетъ въ своихъ «Мемуарахъ» — ему и книги въ руки, — будто въ той могилѣ, которая считается могилой Людовика XVI и надъ которой

французскіе роялисты и теперь ежегодно служатъ мессу въ день казни короля, въ дѣйствительности похороненъ Робеспьеръ. Это возможно. Все возможно. Но еще вѣроятнѣе то, что и Робеспьеръ, и Людовикъ рядомъ свалены здѣсь, въ какомъ нибудь углу безконечныхъ парижскихъ катакомбъ.

Надъ катакомбами тоже много интереснаго. Въ этомъ необыкновенномъ городѣ чуть не каждый уголъ такъ или иначе принадлежитъ исторіи. «Много могли бы разсказать эти стѣны», — говорятъ въ подобныхъ случаяхъ судебные хроникеры. Но стѣны разсказывать не желаютъ. Вмѣсто нихъ разсказываютъ книги. Прошлое камней Парижа изучили толкомъ четыре человѣка: Викторьенъ Сарду, маркизъ де Рошгюдъ, Жоржъ Кэнъ и Ленотръ. А я, хоть пятнадцать лѣтъ по указкѣ ученыхъ людей произвожу набѣги на старые кварталы міровой столицы, не знаю десятой доли ихъ загадочныхъ, романтическихъ и большей частью кровавыхъ лѣтописей.

Зато я знаю — частью по воспоминаніямъ, частью по распросамъ — и такіе углы Парижа, о которыхъ ничего не прочтешь ни у Кэна, ни у Рошгюда, ни у Ленотра и которые, пожалуй, тоже принадлежатъ теперь исторіи.

Если-бъ стѣны одного изъ домовъ на улицѣ Baillou, расположенной въ кварталѣ ката-

комбъ, пожелали разговориться, то мы бы услышали, что лѣтъ десять тому назадъ въ нихъ помѣщалось странное учрежденіе. Оно называлось школой. Въ немъ жило шесть или семь русскихъ. Они назывались рабочими. Но назывались они такъ больше для красоты слога. На самомъ дѣлѣ люди эти нигдѣ не работали и скорѣе всего жили здѣсь именно для того, чтобы не работать: ихъ содержали и кормили безплатно. Я въ ту пору мало интересовался указаннымъ учрежденіемъ; но и тогда мнѣ нерѣдко приходилось слышать юмористическіе разсказы о нравахъ его обитателей и о томъ, что въ немъ происходило.

Разъ или два въ недѣлю въ эту школу являлся невысокій, лысый, рыжебровый человѣкъ и, грассируя какъ камеръ-юнкеръ, равнодушно читалъ шести невѣжественнымъ, часто пьяненькимъ, слушателямъ лекціи страннаго свойства. Профессоръ подробно объяснялъ, что онъ будетъ дѣлать съ землею, съ заводами, съ богатствомъ Россіи, когда станетъ ея хозяиномъ. Говорилъ также — эту мысль онъ изложилъ въ ту пору и письменно, — что съ обладателями земель и заводовъ — въ первую очередь съ царемъ и дворянствомъ — ему придется расправиться безпощадно и что такая расправа называется терроромъ. Говорилъ еще, что одной Россіи ему мало и что

онъ намѣренъ по своему передѣлать всѣ пять частей свѣта. Изъ слушателей тѣ, что поумнѣе и потрезвѣе, усмѣхались, другіе хлопали глазами. Если же кто рѣшался *для форсу* возражать, то равнодушный профессоръ внезапно приходилъ въ ярость и выживалъ вольнодумца изъ школы. Поговоривъ съ часъ, онъ уходилъ въ свою конуру на улицѣ Marie-Rose въ домѣ номеръ 4. Настоящее имя этого Фердинанда VII Поприщина было извѣстно немногимъ. Звался онъ въ разную пору различно: товарищъ Карповъ, товарищъ Ильинъ, товарищъ Тулинъ. Теперь онъ имѣетъ въ мірѣ нѣкоторую извѣстность подъ именемъ товарища Ленина.

По пути съ rue d'Enfer въ Пасси трудно отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ могло случиться, что на три года сталъ дѣйствительностью страшный сонъ кроваваго безумца, посланнаго міру въ наказанье за его грѣхи. Много книгъ будетъ объ этомъ написано въ ближайшее тысячелѣтіе... «Жизнь есть сонъ» — для этой темы я встрѣчаю по дорогѣ немало иллюстрац:й.

Вотъ на большомъ бульварѣ въ той самой уютной квартиркѣ, гдѣ, не зная объ ужасномъ своемъ предшественникѣ, живетъ очаровательная молодая чета, непростительно счастливая на развалинахъ залитаго кровью міра,

Азефъ производилъ дѣловитый подсчетъ: сколько террористовъ нужно выдать для висѣлицы департаменту полиціи и сколько высокихъ особъ—подвести подъ бомбы революціонеровъ, чтобы ни съ той, ни съ другой стороны не быть заподозрѣннымъ въ двойной игрѣ...

Прославленный реакціонный премьеръ, у котораго состоялъ на службѣ Азефъ, давно почилъ послѣднимъ сномъ рядомъ съ могилами Искры и Кочубея. За нимъ въ свое время долго охотился знаменитый террористъ, Печоринъ русской революціи. Не такъ давно я имѣлъ случай видѣть, какъ съ этимъ человѣкомъ оживленно бесѣдовалъ близкій другъ, сотрудникъ и родственникъ погибшаго министра-президента. Умѣнье забывать *личное* въ дни національнаго бѣдствія дѣлаетъ честь людямъ. Но — жизнь есть сонъ...

Убилъ премьера, впрочемъ, не этотъ террористъ. Его убилъ загадочный человѣкъ, кіевскій адвокатъ и тайный агентъ Охраны, виверъ по образу жизни и Мефистофель въ душѣ. Съ нимъ я игралъ въ винтъ въ то время, когда оба мы кончали гимназію. Вести же слѣдствіе по его дѣлу, т. е. попросту его вѣшать, пріѣзжалъ мой гимназическій товарищъ, сдѣлавшій блестящую служебную карьеру: въ 1911 г. онъ былъ фактическимъ главой Департамента Полиціи,—«довольно счастливъ

я въ товарищахъ моихъ». Когда по литературному дѣлу былъ присужденъ къ году крѣпости извѣстный историкъ, сотрудникъ «Русскаго Богатства» и «Вѣстника Европы», почему-то желавшій отбывать наказаніе въ Двинской крѣпости (это было возможно лишь при сильной протекціи), старое кіевское знакомство было пущено въ ходъ и Департаментъ любезно оказалъ историку услугу. Узникъ Двинской крѣпости впослѣдствіи сталъ самостійнымъ министромъ при самостійномъ гетманѣ и въ качествѣ главы украинскаго правительства принималъ просителей въ томъ самомъ кабинетѣ генералъ-губернаторскаго дома, въ которомъ Столыпинъ въ роковой для него день читалъ донесенія Богрова объ Еленѣ Ивановнѣ, пріѣхавшей убить царя. Никакой Елены Ивановны въ дѣйствительности не существовало; но Николай II легко могъ быть убитъ въ вечеръ 1 сентября 1911 года. Объ этомъ двѣ правыя газеты — одна кіевская, другая столичная — на слѣдующій день послѣ выстрѣла въ городскомъ театрѣ помѣстили громовыя статьи: Страшно подумать!— — писали онѣ возмущенно. — Что, если бы убійца направилъ свой пистолетъ не на кресло номеръ 5, а на боковую литерную ложу!...—Шестью годами позднѣе редакторъ одной изъ этихъ газетъ счелъ нужнымъ лично

преподнести манифестъ объ отреченіи всѣми покинутому царю, а редакторъ другой по указанному случаю радостно восклицалъ: «И давно пора!» Теперь оба редактора руководятъ монархическимъ движеніемъ на югѣ Россіи. Странные у насъ монархисты...

Въ сторонѣ отъ моей дороги и отъ моего разсказа остаются историческій дворецъ герцогини д'Эстре, занятый русскимъ посольствомъ, старинный отель графовъ д'Опуль, съ разрушающимися барельефами во дворѣ, въ которомъ помѣщается редакція «Послѣднихъ Новостей»... Вотъ Пасси. Теперь это русскій кварталъ. Но у него нѣтъ *русской* исторіи. Когда-то здѣсь жили въ своемъ замкѣ свирѣпые маркизы Булэнвилье. На томъ мѣстѣ, гдѣ было ихъ владѣніе, теперь проживаетъ С. Л. Поляковъ. А на rue Vineuse, гдѣ у грозныхъ феодаловъ круглый годъ стояла висѣлица, Н. Д. Авксентьевъ и его товарищи готовятъ первую книгу журнала «Современныя Записки». Къ замку сеньоровъ Пасси шла улица, которая такъ и называлась: Rue qui conduit à la Seigneurie — названіе безпорно неудобное для телеграфныхъ адресовъ, — нынѣшняя rue Raynouard. Въ восьмидесятыхъ годахъ 18-го вѣка на ней поселился святой отшельникъ, духовникъ Маріи Антуанеты, цѣлый день и цѣлую ночь точившій слезы о грѣхахъ

міра сего. Тамъ, гдѣ стояло прежде его убогое жилище, теперь живетъ А. Н. Толстой, тоже сокрушающійся о мірскихъ грѣхахъ, но не цѣлый день и не цѣлую ночь. А что было когда-то на возвышенной rue du Dôme, на которой новенькое зданіе вмѣщаетъ Русское Общество Лиги Націй и много другихъ полезныхъ учрежденій, этого я и разсказывать не желаю.

В ъ о т е л ѣ н а у л и ц ѣ П у а т ь е. — Газеты совершенно напрасно отнесли къ Латинскому Кварталу небольшую тихую улицу, на которой засѣдало совѣщаніе членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Ибо если есть во французской столицѣ уголокъ, ни въ какомъ отношеніи не похожій на Латинскій Кварталъ и не имѣющій съ нимъ ровно ничего общаго, то это именно rue de Poitiers, расположенная въ центрѣ аристократическаго Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, вотчина Бельзенсовъ, Валентинуа, Вилльневъ-Баржемоновъ и другихъ семей родовой французской знати.

Старинный домъ, въ которомъ совѣщались члены Учредительнаго Собранія, имѣетъ длинную и любопытную исторію. Это зданіе составляло часть знаменитаго отеля Данжо, величественный фасадъ котораго, выходящій

на rue de Lille (№ 67), по возрасту старше не только Таврическаго Дворца, но и Петербурга вообще.

Въ своемъ огромномъ трудѣ о старомъ Парижѣ Рошгюдъ, какъ и другіе изслѣдователи, кратко упоминаетъ, что отель Данжо былъ въ 1792 г. резиденціей Гильотъ де-Мандата. У людей, знакомыхъ съ исторіей Великой Революціи, эти нѣсколько словъ немедленно вызываютъ въ памяти очень мрачную драму, разыгравшуюся 10 августа 1792 г., въ послѣдній день существованія тысячелѣтней французской монархіи.

Маркизъ Гильотъ де-Мандатъ командовалъ въ ту пору парижской національной гвардіей. Онъ былъ роялистъ — и притомъ роялистъ не новѣйшаго, Шульгинскаго, образца. Онъ понималъ, что слабый Людовикъ XVI и его энергичная супруга-нѣмка губятъ безнадежно скомпрометированную династію Бурбоновъ, но тѣмъ не менѣе не считалъ удобнымъ подносить своему монарху для подписи манифестъ объ отреченіи отъ престола. Въ августѣ 1792 года, послѣ появленія манифеста герцога Брауншвейгскаго, когда всѣмъ стало ясно, что тяжба революціи съ монархіей приближается къ развязкѣ, старый маркизъ стянулъ ко дворцу всѣ надежныя воинскія части и обнаружилъ самое недвусмысленное намѣреніе

защищать короля и королеву до послѣдней крайности. Бываютъ разные монархисты.

Бываютъ и разные революціонеры. Когда мнѣ было 18 лѣтъ и я зналъ, какъ водится, изъ Французской Революціи присягу въ Jeu de Paume, взятіе Бастиліи и «Скажите вашему господину», я ни за что не допустилъ бы мысли, что виднѣйшими дѣйствующими лицами въ этой великой исторической трагедіи могли быть люди слабые, ничтожные или безчестные. Теперь я эту мысль допускаю. Бываютъ, повторяю, разные революціонеры. И если Дантонъ и Робеспьеръ явно и смѣло стремились въ 1792 г. къ республиканскому перевороту, то непосредственный начальникъ маркиза Мандата, мэръ Парижа Петіонъ еще не разобрался въ своихъ мысляхъ и никакъ не могъ послѣдовать завѣту древней мудрости — «познай самого себя». Такіе революціонеры попадались и у насъ. Людямъ, не знающимъ, чего они хотятъ, обыкновенно не везетъ въ политикѣ — и Петіонъ плохо кончилъ: не то самъ убилъ себя, скрываясь въ лѣсу отъ эшафота, не то его съѣли волки. Но тогда, лѣтомъ 1792 г., онъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Его именемъ называли новорожденныхъ дѣтей; одинъ публицистъ прямо писалъ, что Христосъ не могъ бы быть лучшимъ мэромъ въ Іерусалимѣ, чѣмъ Петіонъ

въ Парижѣ, — нѣкоторые изъ органовъ печати того времени не уступали «Правдѣ» по тонкости мысли. Неоднократно сравнивали Петіона и съ Аристидомъ, и съ Сократомъ. Теперь историки склонны думать, что Петіонъ былъ просто дуракъ. Вдобавокъ, онъ на свою бѣду обладалъ красивой наружностью, считалъ себя неотразимымъ покорителемъ женскихъ сердецъ, и въ частности былъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на принцессу Елисавету. Это обстоятельство, разумѣется, представляло собой серьезный доводъ въ пользу сохраненія во Франціи монархическаго образа правленія. Но съ другой стороны Петіонъ тогда находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ крайними республиканцами и былъ даже, вмѣстѣ съ Бриссо, шаферомъ прелестной Люсиль, на ея свадьбѣ съ Камилломъ Демуленомъ. Шаферомъ Камилла былъ Робеспьеръ. Если бы на эту свадебную церемонію пришла, какъ въ сказкѣ, злая волшебница, то она могла бы предсказать много интереснаго участникамъ веселаго торжества: они напримѣръ, узнали-бы, что всего черезъ четыре года послѣ свадьбы, по волѣ шафера жениха, погибнутъ страшной смертью и женихъ, и невѣста, и оба шафера невѣсты, и большая часть гостей... Но волшебница на свадьбу не

пришла и ничего этого Петіонъ не зналъ. Если бы въ революціяхъ все можно было знать во время, то и мы жили бы теперь въ Петербургѣ... Однимъ словомъ Петіонъ находился лѣтомъ 1792 г. въ очень затруднительномъ положеніи. И вотъ, однажды, въ минуту вѣры въ монархическій образъ правленія, онъ сгоряча отдалъ Мандату приказъ защищать особу короля отъ нападенія толпы всей силой оружія.

Это былъ чрезвычайно непріятный и компрометирующій приказъ, тѣмъ болѣе, что уже въ первыхъ числахъ августа Петіонъ сталъ вѣрить въ республиканскій образъ правленія. Такимъ образомъ для него, да и для многихъ другихъ, Мандатъ оказывался вдвойнѣ опаснымъ человѣкомъ — и какъ энергичный контръ-революціонеръ, и какъ весьма неудобный свидѣтель. Въ ночь на 10-ое августа маркизъ былъ вызванъ въ Думу, — впрочемъ, не Петіономъ, который совершенно потерялъ голову. Мандатъ какъ будто предчувствовалъ, что ему въ Думу лучше не ходить, и спросилъ совѣта у Редерера. Редереръ, человѣкъ покладистый, былъ послѣдовательно роялистомъ, якобинцемъ, бонапартистомъ, снова роялистомъ, снова бонапартистомъ и опять роялистомъ. Онъ любезно далъ совѣтъ Мандату, — отчего бы и не сходить въъ Думу. Мандатъ

пошелъ — и не вернулся. Произошла вспышка народнаго негодованія; маркиза убили на улицѣ и бросили въ Сену. Смерть его пароализовала контръ-революцію. На слѣдующій день Тюльерійскій дворецъ былъ взятъ толпой, а король отведенъ въ Собраніе, откуда послѣдовалъ въ тюрьму, потомъ на судъ и на эшафотъ. Случайно проходившій мимо дворца въ день 10-го августа блѣдный артиллерійскій офицеръ, остановившійся у дверей мебельной лавки Фовле, съ презрѣніемъ смотрѣлъ своими страшными сѣрыми глазами на это зрѣлище безславно погибающей монархіи, и думалъ, что на мѣстѣ Людовика XVI, онъ сумѣлъ бы за себѣ постоять. Я, разумѣется, никакъ не могъ бы знать, что думалъ 10 августа 1792 г. прохожій артиллерійскій офицеръ, но онъ самъ разсказалъ впослѣдствіи эту сцену. Этотъ офицеръ, погруженный тогда въ тяжелыя матеріальныя заботы — у него были долги, а жалованья онъ получалъ 4½ франка въ день, — былъ артиллерійскій поручикъ Наполеонъ де-Буонапарте. Впрочемъ, онъ нисколько не сожалѣлъ о взятіи Тюльерійскаго Дворца: «Революція, — говорилъ онъ въ ту пору своему пріятелю Лабарьеру, — настоящій кладъ для военнаго человѣка, у котораго есть голова на плечахъ».

О Мандатѣ всѣ забыли на слѣдующій же

день послѣ его кончины. Въ исторической лотереѣ славы на долю маркиза выпалъ безвыигрышный билетъ. Тѣмъ не менѣе, еслибъ я хотѣлъ предложить читателямъ новогодній разсказъ, то непремѣнно описалъ бы, какъ тѣнь стараго роялиста бродитъ по его владѣніямъ угрюмо поглядывая на забравшихся туда русскихъ демократовъ и съ явнымъ неодобреніемъ слушая споры о татарскомъ вопросѣ.

Новогодняго разсказа я не написалъ, но на новогоднемъ банкетѣ, происходившемъ въ старинномъ отелѣ на улицѣ Пуатье, я сообщилъ о жильцѣ 1792 г. Н. В. Чайковскому, Л. М. Брамсону и Н. Д. Авксентьеву, горько пожалѣвъ о томъ, что Иниціативная Группа избрала для засѣданія членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія явно контръ-революціонный по своему прошлому отель. Н. Д. Авксентьевъ упомянулъ о прежнемъ хозяинѣ дома въ своей заключительной рѣчи, при чемъ пожелалъ всѣмъ участникамъ банкета кончить лучше, нежели маркизъ де-Мандатъ. Всецѣло присоединяюсь къ этому пожеланію, не принимая, однако, на себя никакого ручательства: и намъ, вѣроятно, много интереснаго могла бы предсказать злая волшебница. Нравоучительная поговорка — «отъ сумы и тюрьмы не отказывайся» — теперь русскимъ людямъ

совершенно не нужна: мы ужъ давно не отказываемся. Жизнь достаточно насъ удивляла, больше не удивитъ ничто: ни тюрьма, ни сума, ни «топоръ разбойника презрѣнный», ни вспышка народнаго негодованія. Шутки судьбы, умныя и глупыя, намъ хорошо извѣстны во всѣхъ видахъ. Мирабо когда-то потрясъ Францію своимъ трагическимъ восклицаніемъ: «Я зналъ, что отъ Капитолія до Тарпейской скалы только одинъ шагъ!». Насъ бы, вѣроятно, это восклицаніе нисколько не потрясло. За столомъ новогодняго банкета въ отелѣ на улицѣ Пуатье молча, устало сидѣлъ человѣкъ, который, не достигнувъ пятаго десятка, позналъ въ жизни и большую популярность, и большую ненависть, чѣмъ графъ Мирабо. Какимъ еще шуткамъ судьбы могъ бы удивиться этотъ Тимонъ Афинскій русской революціи?

Но если «исторія — нелѣпая сказка, разсказанная дуракомъ», какъ утверждалъ геніальный авторъ «Тимона Афинскаго», то вѣдь вѣрно и то, что у разныхъ главъ этой нескончаемой сказки можетъ быть разный конецъ. Не исключается и счастливый финалъ, въ родѣ happy end классической англійской повѣсти. Н. Д. Авксентьевъ, закрывая банкетъ, выразилъ надежду на близость подобнаго финала: «Въ будущемъ году — въ Москвѣ», —

сказалъ онъ. Предсѣдатель закрывшагося Совѣщанія — прекрасный ораторъ и ему удалось создать въ залѣ настроеніе: наступила минута молчанія. Слово ужъ очень большое и звучитъ оно такъ, какъ пѣсня средневѣковыхъ пилигриммовъ:

Urbs coelestis, urbs beata,
Supra petram collocata,
Urbs in portu satis tuto,
De longinquo te saluto,
Te saluto, te suspiro,
Te affecto, te requiro...

Я не думаю, чтобы мы оказались въ 1921 г. въ Москвѣ. Врядъ ли думаютъ такъ и ораторы-оптимисты, выступавшіе на банкетѣ. Н. Д. Авксентьевъ просилъ не говорить на новогодней встрѣчѣ политическихъ рѣчей. Ему дружно апплодировали. Особенно горячо апплодировалъ Л. М. Брамсонъ, который затѣмъ всталъ и произнесъ большую — очень хорошую —политическую рѣчь. То же самое сдѣлалъ П. Н. Милюковъ, весьма справедливо объяснившій—какъ, пожалуй, можно, и какъ, навѣрное, нельзя попасть въ Москву. Затѣмъ, одинъ изъ ораторовъ эсъ-эровъ заявилъ, что не боится сидѣть за общимъ столомъ съ лидеромъ кадетовъ, — и вызвалъ своей храбростью общій шумный восторгъ. Мужество заразительно:

другой ораторъ эсъ-эръ произнесъ, страшно сказать, слово «коалиція» — и при этомъ не поперхнулся, — быть можетъ, вспомнилъ, что А. Ф. Керенскій былъ въ одномъ кабинетѣ съ А. И. Гучковымъ.

Генералу Деникину приписывали въ свое время слѣдующую фразу: «Я не пойду ни налѣво, ни направо, а прямо въ Москву». Фраза остроумная, но политическаго смысла она не имѣла. Весь вопросъ былъ именно въ томъ, какъ надо идти въ Москву: направо или налѣво. Русскіе люди рѣшаютъ этотъ вопросъ эмпирически. Пробовали направо — въ Москву не пришли. Путь налѣво, конечно, вѣрнѣе. Но во всякомъ случаѣ надо, надо найти общій и вѣрный путь: отнюдь не всѣ дороги ведутъ въ далекій Римъ

ЭРИХЪ ЛЮДЕНДОРФЪ.

O lux Dardaniae, spes
o fidissima Teucrum!
Виргилій.

Передо мной двухтомная книга Эриха Людендорфа, носящая простое названіе: «Воспоминанія о войнѣ (1914—1918 гг.)». Что-то грозное, могучее и тяжелое надвигается съ ней на читателя; это «германскій милитаризмъ», нашедшій воплощеніе въ человѣкѣ.

Никому неизвѣстный полковникъ въ августѣ 1914 г. одинъ на автомобилѣ подъѣзжаетъ къ форту Льежа и приказываетъ гарнизону сдаться. Озадаченный гарнизонъ сдается безъ выстрѣла. Смѣлый полковникъ получаетъ отвѣтственное назначеніе. Черезъ два года онъ становится диктаторомъ четырехъ имперій, съ безграничной властью и безграничной популярностью; а еще черезъ два года онъ вынужденъ бѣжать въ Швецію изъ Германіи, дове-

ценной имъ до разгрома и революціи. Въ этой судьбѣ есть безспорно что-то Шекспировское. И, разумѣется, къ книгѣ шекспировскаго героя подходишь съ нѣкоторымъ интересомъ, даже если этотъ герой — бывшій человѣкъ. Въ данномъ же случаѣ насчетъ послѣдняго обстоятельства существуютъ, какъ извѣстно, сильныя сомнѣнія. По крайней мѣрѣ значительная часть нѣмецкой прессы — да и не одной нѣмецкой — утверждаетъ, будто Людендорфъ — герой не только прошедшаго, но также будущаго времени.

Книга знаменитаго германскаго генерала — не защитительная рѣчь человѣка, потерпѣвшаго жизненное крушеніе. Это съ одной стороны обвинительный актъ — противъ тѣхъ *нѣмцевъ* (союзниковъ Людендорфъ не обвиняетъ почти ни въ чемъ), которые по недомыслію и по слабости характера помѣшали Германіи побѣдить. Съ другой же стороны «Воспоминанія» содержатъ нѣкоторую profession de mépris — презрѣнія ко всей современной демократіи.

Во что вѣритъ и что любитъ генералъ Людендорфъ, сказать, пожалуй, не такъ легко. Оффиціальная формула его міровоззрѣнія, разумѣется, классическая, и никакого интереса она не представляетъ: Gott, Koenig und Vaterland — въ буквальномъ русскомъ пере-

водѣ, сдѣланномъ при Николаѣ 1, — Богъ, царь и отечество. Но если подойти къ ней поближе, то трудно постигнуть связь, соединяющую Людендорфа съ каждымъ звеномъ этой трехчленной формулы.

Къ Богу бывшій диктаторъ, повидимому, достаточно равнодушенъ. Самъ Бисмаркъ на старости лѣтъ что-то твердилъ въ покаянномъ духѣ о своемъ запутанномъ счетѣ съ Господомъ, счетѣ, на которомъ, по его словамъ, тяжелымъ пассивомъ лежатъ восемьсотъ тысячъ убитыхъ на войнѣ людей. Этой цифрой теперь никого не удивишь, и Людендорфа, разумѣется, всего менѣе. Но онъ до покаянной фазы еще не дошелъ и, вѣроятно, никогда не дойдетъ. Совѣсть у него голубиной чистоты и ему отъ Бога никакой амнистіи не нужно. Не въ примѣръ прочимъ благочестивымъ Kriegsherr'амъ, Людендорфъ имя Господне произноситъ не часто и, даже когда дѣло доходитъ до цвѣтовъ краснорѣчія обычной военно-писарской словесности, «нѣмецкимъ Богомъ» аргументируетъ мало и неохотно. Не распространяется онъ и о своемъ богомоліи. Только въ одномъ мѣстѣ «Воспоминаній» разсказываетъ о посѣщеніи церкви, при чемъ немедленно изъ области религіозно-философской переходитъ въ сферу военно-политическую, описывая, какъ ему было пріятно услы-

шать нѣмецкое церковное пѣснопѣніе на чужой землѣ, — дѣло происходило въ Ковнѣ. Вообще очень ясно чувствуется, что Богъ самъ по себѣ и генералъ-квартирмейстеръ Людендорфъ тоже самъ по себѣ. Если Вильгельмъ II говорилъ о Господѣ совершенно такъ, какъ генералъ-майоръ можетъ говорить о генералъ-лейтенантѣ, то Людендорфъ не устанавливаетъ между собой и Провидѣніемъ ни дружескаго сотрудничества, ни непосредственной субординаціи.

Своеобразныя чувства внушаетъ Людендорфу и «Koenig», тотъ самый «кровавый кайзеръ», который въ ноябрѣ 1918 г. при первомъ сигналѣ революціи, «чтобы спасти родину отъ ужасовъ гражданской войны»*), безъ выстрѣла бѣжалъ въ Голландію — и очень хорошо сдѣлалъ. Людендорфъ въ точности соблюдаетъ всѣ правила монархическаго этикета. Онъ нигдѣ прямо не бранитъ, даже какъ будто и не порицаетъ Вильгельма II; больше того, онъ гово-

*) Вотъ формула, неизмѣнность которой вызываетъ невольную улыбку. Если не ошибаюсь, она была изобрѣтена въ Фонтенебло Наполеономъ I — и съ тѣхъ поръ повторялась безъ измѣненія единаго слова во всѣхъ торжественныхъ отреченіяхъ всѣхъ монарховъ. Кто бы предполагалъ въ послѣднихъ такую готовность добровольнаго самопожертвованія и такое отвращеніе къ пролитію крови?

ритъ о немъ въ выраженіяхъ, полныхъ нѣжной почтительности. Но почтительность его совершенно очевидно относится къ сану, а не къ носителю сана. Къ личности же императора Людендорфъ относится безъ всякаго піэтета. Послѣ гибели второго пасынка генералъ-квартирмейстера, Вильгельмъ II наградилъ послѣдняго высшимъ подаркомъ: онъ пожаловалъ ему свое изваяніе. По этому поводу Людендорфъ меланхолически замѣчаетъ: «Очень многое отдѣляло меня отъ Его Величества, наши натуры были слишкомъ различны. Онъ былъ мой императоръ, и я служилъ ему—а съ нимъ отечеству — вѣрой и правдой. Эта статуетка будетъ для меня всегда священнымъ воспоминаніемъ о моемъ Императорѣ и Верховномъ Вождѣ, который любилъ своихъ солдатъ, желалъ добра своему народу и который по сокровенной природѣ своей чувствовалъ отвращеніе къ войнѣ: онъ — человѣкъ, представляющій собой типъ нѣмца послѣ-бисмарковской эпохи. Этотъ монархъ, несущій тяжесть огромной отвѣтственности, въ отличіи отъ своего дѣда не нашелъ людей, подобныхъ Бисмарку и Роону, которые рѣшились бы взять у страны все, чего требовало веденіе войны. Вотъ въ чемъ было въ настоящую войну несчастье Императора и нашей родины».

Врядъ ли нужно пояснять, что за нѣжной

почтительностью этой тирады скрывается — и очень плохо — совершенное презрѣніе Людендорфа къ личности Вильгельма II. Можно даже сказать, что оно вовсе не скрывается, ибо обозначеніе «человѣкъ послѣ-бисмарковской эпохи» является въ «Воспоминаніяхъ» однимъ изъ самыхъ уничтожающихъ эпитетовъ: другимъ образцомъ этого зловреднаго типа людей Людендорфъ считаетъ статсъ-секретаря Кюльмана, котораго онъ не можетъ терпѣть: «Кюльманъ былъ типомъ нѣмецкаго дипломата послѣ-бисмарковскаго времени. Съ его именемъ навсегда останутся связаны приходъ въ Берлинъ большевиковъ (Іоффе, *М. А.*) и молчаливо имъ данное разрѣшеніе вести изъ русскаго посольства свою пропаганду».

Наконецъ, Vaterland. Любовь Людендорфа къ родинѣ, конечно, сомнѣнію не подлежитъ. Но идея отечества, какъ и идея монарха, имѣетъ у него явно отвлеченный характеръ. Совершенно очевидно, что для абстрактной Deutchland-Preussen онъ ни на минуту не задумается послать на смерть сколько угодно милліоновъ конкретныхъ нѣмцевъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Какъ извѣстно, либеральная и соціалистическая Германія обвиняетъ теперь Людендорфа въ томъ, что въ своемъ стремленіи къ полной побѣдѣ онъ по-

мѣшалъ заключить миръ ранѣе полнаго пораженія. Всю правду объ этомъ мы, быть можетъ, узнаемъ лѣтъ, черезъ двадцать — изъ мемуаровъ Бетмана-Гольвега, Вильсона, Чернина, Клемансо, Ллойдъ-Джоджа, — да и то врядъ ли, ибо въ мемуарахъ этихъ, какъ водится, Wahrheit будетъ перемѣшана съ Dichtung. Но и та часть правды, которая ужа стала болѣе или менѣе извѣстной, позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ общемъ враги Людендорфа имѣютъ достаточныя основанія для своихъ обвиненій. На совѣсти этого нѣмецкаго патріота лежитъ не одна сотня тысячъ убитыхъ нѣмцевъ (объ убитыхъ русскихъ, французахъ, англичанахъ говоритъ въ данномъ случаѣ, очевидно, не приходится). И указанное обстоятельство, повторяю, нисколько не мѣшаетъ ему сохранять младенческую ясность духа. Будемъ къ нему справедливы: онъ не жалѣлъ и самого себя. Въ числѣ тѣхъ конкретныхъ нѣмцевъ, которые безъ всякой нужды погибли во имя абстрактной Deutchland-Preussen, значатся оба его сына. Смерти второго изъ нихъ, пропавшаго безъ вѣсти во время наступленія 1918 г. на Соммѣ, Людендорфъ лаконически посвящаетъ слѣдующія строчки своихъ мемуаровъ: «На обширномъ полѣ сраженія была найдена могила съ надписью по-англійски: «здѣсь лежатъ два германскихъ офицера-

авіатора». Мнѣ выпало на долю опознать своего сына. Теперь онъ покоится въ нѣмецкой землѣ. Война не уберегла меня ни отъ одного горя». Зато, какъ онъ тутъ же замѣчаетъ, осмотръ этого поля сраженія далъ ему возможность констатировать дѣйствительность изобрѣтенной имъ новой тактики наступленія. «Францію прорѣзываетъ полоса земли шириной въ нѣсколько километровъ, — настоящее царство разрушенія», съ радостью констатируетъ онъ.

Не только приведенный эпизодъ, но и вся книга Людендорфа достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что это человѣкъ желѣзный въ полномъ смыслѣ слова. И въ Бога, и въ кайзера, и въ отечество онъ, въ сущности, вѣритъ плохо, но зато искренно и глубоко вѣритъ въ самого себя. Вся жизнь Людендорфа — въ одной четырехлѣтней войнѣ. Здѣсь его Тулонъ — Льежъ; здѣсь и итальянская кампанія — блестящій походъ противъ Ренненкампфа и Самсонова; здѣсь и апогей коронованія — верховное командованіе всѣми арміями нѣмецкой коалиціи, Брестскій миръ, прорывъ западнаго фронта; здѣсь и Ватерлоо — полный военный и политическій крахъ.

Дѣятельность нѣмецкаго генерала въ этотъ четырехлѣтній періодъ граничитъ съ чудеснымъ. Гинденбургъ — вывѣска, кайзеръ —

ничтожество, все дѣлаетъ Людендорфъ, которому по мѣрѣ силъ — иногда съ успѣхомъ — стараются мѣшать штатскіе министры. Такова картина, изображенная въ «Воспоминаніяхъ».

Онъ вмѣшивается во все. Наряду съ военнымъ штабомъ при немъ организуется огромный штабъ административный. Снабженіе, пути сообщенія, санитарная часть, національныя отношенія въ занятой нѣмцами территоріи, налоги, промышленность, торговля, суды, законы, полиція, жандармерія, военныя газеты, библіотеки, театръ, — все это регулируется распоряженіями самого Людендорфа, — именно его распоряженіями, а не только его подписью. Въ каждой изъ этихъ областей у него есть свои идеи и онъ безъ малѣйшихъ сомнѣній проводитъ ихъ въ жизнь. Самоувѣренность этого человѣка безгранична. Универсальность его превышаетъ универсальность Декарта, Лейбница и даже русскаго исправника при старомъ строѣ. Но въ царской Россіи административное неистовство смягчалось существованіемъ готоваго Свода Законовъ, національной лѣнью, благодушіемъ, взятками, пьянствомъ, хлѣбосольствомъ, огромностью территоріи, превышающей поле зрѣнія самаго зоркаго хозяйскаго глаза, и многимъ другимъ. Цѣну административной

дѣятельности Людендорфа въ свое время выяснятъ бытовые мемуары.

Одновременно съ этими трудами Людендорфъ ведетъ — и здѣсь уже конечно съ неоспоримой компетентностью — гигантскую военную работу. Послѣ развала русской арміи онъ приступаетъ къ организаціи чудовищнаго наступленія на западѣ, которое должно положить конецъ войнѣ. На основѣ тщательнаго изученія неудачныхъ попытокъ союзниковъ прорвать германскій фронтъ, имъ вырабатывается новая тактика прорывнаго боя. Это была сложнѣйшая задача, разрѣшеніе которой основывалось на данныхъ всѣхъ рѣшительно наукъ, начиная отъ массовой психологіи и теоріи вѣроятностей и кончая метеорологіей и воздушной фотографіей. Основной тактической мыслью его была идея движущейся равномѣрно съ опредѣленной скоростью стѣны огня (le barrage roulant). Организуются и уводятся въ тылъ для обученія по вновь выработаннымъ методамъ особыя ударныя части. Ихъ офицерамъ читается спеціальный курсъ новыхъ идей въ тактикѣ. Производятся безчисленныя репетиціи и маневры. Завѣдомо для всѣхъ и вмѣстѣ въ глубокой тайнѣ готовится нѣчто потрясающее. Армія, точно охваченная мистической жаждой міроваго господства, кипитъ въ котлѣ нестерпимаго давле-

нія... Въ описаніи долгой подготовки этого чудовищнаго удара, который привелъ союзниковъ къ послѣднему краю бездны, Люден-дорфъ мѣстами возвышается до эпической поэзіи. Ранней весной 1918 г. онъ, наконецъ, доноситъ императору: «Германская армія готова къ величайшему дѣлу всей своей исторіи».

Наканунѣ назначеннаго наступленія два нѣмецкихъ солдата перебѣгаютъ къ противнику. Штабъ подозрѣваетъ, что они выдали тайну мѣста аттаки. 20 марта утромъ, Люден-дорфъ еще колеблется, бросать-ли на карту послѣднюю, небывалую, невиданную и неслыханную въ исторіи ставку. Но уже отступать поздно: «масса, раскаленная до-бѣла, должна прорваться». Тѣмъ не менѣе очень многое зависитъ еще отъ направленія вѣтра, который долженъ нести удушающій газъ. Въ 11 часовъ утра главный метеорологъ арміи доноситъ, что вѣтеръ повернулъ въ сторону противника. Людендорфъ подписываетъ приказъ объ аттакѣ.

Такъ началась та послѣдняя игра, которая въ шесть мѣсяцевъ рѣшила судьбы вселенной...

Игра проиграна. Кречинскій германскаго милитаризма произноситъ свое «сорвалось!» — и уходитъ въ отставку.

Отчего-же собственно «сорвалось»? Вотъ

вопросъ, о которомъ историки будутъ спорить не одно столѣтіе. Есть нѣкоторыя основанія думать, что въ послѣдніе дни войны нервы Людендорфа не выдержали нестерпимаго напряженія — и это обстоятельство могло быть въ 1918 году одной изъ тысячи причинъ безпримѣрнаго германскаго крушенія. Но самъ авторъ «Воспоминаній» объ этомъ, естественно, не произноситъ ни единаго слова. Его отвѣтъ на вопросъ «отчего сорвалось?» очень простой и съ точки зрѣнія неисправимаго прусскаго офицера совершенно понятный. Во всемъ виноваты штатскіе. Войну проигралъ тылъ.

Германія Вильгельма II въ нужную минуту «не нашла ни Бисмарка, ни Роона» (Мольтке, разумѣется, не упоминается, ибо Мольтке — самъ Людендорфъ). Это основной тезисъ всей книги «Воспоминаній». Франція побѣдила, ибо у нея нашелся Бисмаркъ — Клемансо. Къ послѣднему Людендорфъ относится съ безмѣрнымъ почтеніемъ. «Въ ноябрѣ 1917 г., — пишетъ онъ, — Клемансо сталъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Это былъ самый энергичный человѣкъ во Франціи. Онъ пережилъ 1870-71 гг. и былъ съ тѣхъ поръ ревностнымъ представителемъ идеи реванша. Клемансо хорошо зналъ, чего онъ хочетъ. Онъ повелъ войну, подавилъ всякую пасифистскую агитацію и укрѣпилъ духъ своей страны. Его дѣйст-

вія въ отношеніи Кайо показали, чего мы могли отъ него ждать... Веденіе войны у нашихъ враговъ неизмѣримо выиграло въ энергіи». На протяженіи всей своей книги Людендорфъ безпрестанно цитируетъ рѣчи Клемансо («я буду воевать передъ Парижемъ, буду воевать въ Парижѣ, буду воевать за Парижемъ») и ставитъ его въ примѣръ нѣмецкимъ политикамъ. Такъ о вице-канцлерѣ Пайерѣ онъ рѣзко замѣчаетъ, что этотъ человѣкъ въ началѣ сентября 1918 г. не нашелъ тѣхъ словъ, которыя Клемансо произнесъ, когда германскія войска были въ 80-ти километрахъ отъ Парижа.

Чего-же не хватало нѣмецкимъ политикамъ въ пору великой войны? Имъ не хватало воинственности. Кто-бы подумалъ: всѣ они были въ душѣ пасифисты. Они слишкомъ много *заботились о счастьи человѣчества* (буквально, *М. А.*) и слишкомъ мало — о національномъ могуществѣ. А пасифисты, по мнѣнію Людендорфа, не лишенному нѣкоторой основательности, годны для чего угодно, только не для веденія войны. Впрочемъ, онъ думаетъ, что они и ни для чего другого не годны. Пасифизмъ-же Бетмана-Гольвега, Михаэлиса, Гертлинга, Макса Баденскаго проявлялся въ томъ, что они не посадили въ тюрьму князя Лихновскаго, выпустили изъ тюрьмы Либкнехта, не зажали

рта либеральнымъ депутатамъ, не закрыли фрондирующихъ газетъ, и даже сами — въ частныхъ бесѣдахъ — лепетали что-то такое о прусскомъ милитаризмѣ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, его, Люндендорфа. Не будь всего этого, онъ выигралъ-бы войну. — Тогда обличительные мемуары противъ либераловъ написалъ-бы вѣроятно, маршалъ Фошъ.

Однако, основнымъ преступленіемъ министровъ Вильгельмъ II бывшій генералъ-квартирмейстеръ считаетъ ихъ опасную игру съ большевиками.

Здѣсь мы подходимъ къ самому интересному для насъ вопросу «Воспоминаній».

Русская февральская революція оказалась полной неожиданностью для Люденцорфа: «Въ январѣ 1917 года было невозможно предвидѣть развалъ Россіи и никто никогда не принималъ его въ разсчетъ». Такъ онъ говоритъ, и у насъ нѣтъ въ данномъ случаѣ основаній сомнѣваться въ его искренности: Людендорфъ нимало не скрываетъ, что русская революція была съ давнихъ поръ его страстнымъ желаніемъ. «Сколько разъ мечталъ я объ его осуществленіи... Вѣчная химера». И вотъ эта химера становится дѣйствительностью такъ неожиданно. «Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 г. — пишетъ онъ, — несмотря на наши побѣды

на Энъ и въ Шампани, насъ спасла только русская революція*).

Неожиданность пріятнаго извѣстія усугублялась тѣмъ, что, по глубокому убѣжденію нѣмецкаго генерала, осуществленіемъ своей страстной мечты онъ былъ обязанъ злѣйшимъ врагамъ Германіи:

«Въ мартѣ 1917 года революція, провоцированная Антантой, свергла царя... Трудно понять причины, которыя побудили союзниковъ содѣйствовать русской революціи. Показалась-ли она имъ народнымъ движеніемъ, которое нельзя было предотвратить и къ которому слѣдовало присоединиться? Или же они хотѣли избавиться отъ императора, ставшаго миролюбивымъ вслѣдствіе боязни внутреннихъ потрясеній? Или были другія причины? Одно несомнѣнно: союзники разсчитывали извлечь изъ революціи выгоды военнаго характера; во всякомъ случаѣ они хотѣли спасти, что еще спасти было возможно, и не останавливались передъ рѣшительными дѣйствіями. Пожертвовали царемъ, который въ угоду Антантѣ вызвалъ объявленіе войны».

Людендорфъ тѣмъ выгодно отличается отъ профессоровъ международнаго права и отъ

---

*) «Въ маѣ, — добавляетъ Людендорфъ, — на первый планъ выдвинулся Керенскій, и опасность укрѣпленія русской арміи возросла».

передовиковъ бульварныхъ газетъ, что теперь, по окончаніи войны, онъ считаетъ совершенно безполезнымъ обличать коварство и гнусность противниковъ. Шла борьба, и тогда, по соображеніямъ дипломатическимъ (сочувствіе нейтральныхъ странъ), экономическимъ (устройство займовъ) и особенно военнымъ (духъ войска), было весьма полезно доказывать свою моральную красоту и черноту души врага. Тогда обѣ стороны этимъ усердно и занимались. Людендорфъ, какъ опытный техникъ, восхищается искусствомъ, съ которымъ это дѣлали союзники, особенно англичане. Для него нѣмецкія звѣрства —прежде всего «умная ложь» (удареніе предполагается конечно на словѣ «умная»). An und für sich вопросъ о звѣрствахъ его мало интересуетъ, Людендорфъ имъ почти и не занимается. Зато онъ, повидимому, весьма сожалѣетъ, что самъ не догадался первый распустить слухъ о союзническихъ звѣрствахъ. Но гнѣваться за это на союзниковъ ему и въ голову не приходитъ: такъ охотнику не приходитъ въ голову сердиться на помявшаго его звѣря. Отсюда понятенъ подходъ Людендорфа и къ русской революціи. Объ его чувствахъ къ ней по существу говорить, слава Богу, не приходится. Хладнокровно, съ эпическимъ спокойствіемъ, этотъ милитаристъ изъ милитаристовъ разсказываетъ, какъ не-

медленно, въ мартѣ 1917 года, была имъ организована пасифистская пропаганда въ русской арміи. Подобное-же хладнокровіе онъ проявляетъ въ оцѣнкѣ соотвѣтствующихъ попытокъ, предпринимавшихся врагами. Такъ о Брестъ-Литовской агитаціи большевиковъ онъ спокойно замѣчаетъ, что «Троцкій былъ-бы дуракъ, если-бы поступалъ иначе».

Хладнокровіе покидаетъ Людендорфа только тогда, когда онъ говоритъ о своихъ противникахъ внутри Германіи, опять-таки, разумѣется, не о какихъ-нибудь спартакистахъ. Онъ не видитъ ничего ни умопомрачающаго, ни удивительнаго, ни коварнаго въ томъ, что спартакисты хотѣли его уничтожить и занять его мѣсто на шеѣ нѣмецкаго народа. Но, по мнѣнію генерала, глупо, позорно и преступно, что агитацію противъ него вели, кромѣ спартакистовъ, люди, желавшіе, какъ и онъ, въ первую очередь побѣды Германіи надъ внѣшнимъ врагомъ. Эти-то люди, по его мнѣнію, и погубили Германію, продливъ комедію дружбы съ большевиками больше, чѣмъ было необходимо. Русскіе большевики спасли нѣмцевъ въ 1917 году, но въ 1918 они уже были совершенно не нужны. Тогда-то и слѣдовало, забывъ о благодарности, подальше выбросить вонъ выжатый и гніющій лимонъ. Если вѣрить Людендорфу, онъ съ самаго на-

чала понялъ опасность, которую представляетъ собой зараза разложенія для Германіи и въ частности для нѣмецкихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи потрясающее впечатлѣніе произвелъ на него, по его словамъ, разсказъ генерала Скоропадскаго о развалѣ русской арміи въ 1917 году. «Гетманъ разсказалъ мнѣ, что онъ никогда не могъ понять, какимъ образомъ вышелъ изъ повиновенія тотъ корпусъ, которымъ онъ командовалъ во время войны. Это было дѣломъ одной минуты. Простой разсказъ его произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе». — Ганнибалъ увидѣлъ отрубленную голову Гасдрубала.

То momento mori, которымъ для Людендорфа, какъ, вѣроятно, для всякаго военнаго человѣка, была гибель нѣкогда грозной русской арміи, дало направленіе всей его политикѣ по отношенію къ большевикамъ Уже къ концу 1917 г. онъ призналъ — повторяю, если ему вѣрить, — что полезная, съ точки зрѣнія интересовъ Германіи, роль большевиковъ кончена: русская армія перестала существовать, какъ военный факторъ: «намъ даже не нужно было вступать въ переговоры, мы могли просто продиктовать свои условія». Теперь, по мнѣнію Людендорфа, слѣдовало живо убрать большевиковъ. Вся Брестская комедія, которую затѣяли граждан-

скія власти, была совершенно ненужна и даже вредна: «у насъ въ Брестѣ не было достойнаго партнера: что должны были подумать о потребности Германіи въ мирѣ Клемансо и Ллойдъ-Джорджъ, когда они увидѣли, что нѣмецкіе министры вступили въ переговоры съ безоружными русскими анархистами». Поэтому Людендорфъ все время требовалъ у канцлера скорѣйшаго конца Брестскихъ переговоровъ. Когда Троцкимъ была придумана геніальная формула — «мира не заключать, войну прекратить», мнѣніе Людендорфа одержало верхъ: 18-го февраля германская армія перешла въ наступленіе. «Троцкій немедленно заявилъ о своей готовности послать новыхъ уполномоченныхъ въ Брестъ». «Самъ онъ больше не пріѣзжалъ», — добавляетъ съ нѣкоторой ироніей Людендорфъ.

Побѣда нѣмецкихъ военныхъ властей надъ гражданскими въ русскомъ вопросѣ была однако недолговременной. Большевики вновь подружились съ Берлиномъ, и германское министерство иностранныхъ дѣлъ, подъ руководствомъ нѣкоего директора Криге*), приняло явную «оріентацію на совѣтскую власть», что, по мнѣнію Людендорфа, и было одной изъ

*) Не имѣя въ своемъ распоряженіи подлинника «Воспоминаній», я привожу выдержки по французскому изданію.

причинъ гибели нѣмецкаго дѣла. Самъ онъ требовалъ немедленной высылки Іоффе изъ Германіи и полнаго разрыва съ большевиками. Надо было идти на Москву. — Въ этомъ случаѣ, — говоритъ Людендорфъ, — къ намъ, навѣрное, присоединился-бы Красновъ, а, можетъ быть, и Алексѣевъ: мы могли очень быстро взять Петербургъ, съ помощью донскихъ казаковъ овладѣть Москвой, свергнуть совѣтскую власть и уничтожить очагъ заразы. Съ новымъ русскимъ правительствомъ былъ-бы заключенъ прочный миръ на иныхъ основахъ и это было-бы важнымъ успѣхомъ для всего дѣла веденія войны. Между тѣмъ политика министерства иностранныхъ дѣлъ создавала Германіи на востокѣ только враговъ и все новыя опасности.

Странное чувство испытываешь, читая теперь эти страницы. Для всякаго, кто въ то время жилъ въ Петербургѣ или Москвѣ и видѣлъ своими глазами тогдашнее военное и политическое безсиліе большевиковъ, достаточно очевидно, что не было ничего легче, чѣмъ осуществить планъ Людендорфа. Конечно, съ русской, а тѣмъ болѣе съ міровой точки зрѣнія, можно и должно очень пессимистически расцѣнивать такую перспективу: весьма вѣроятно, что она повлекла-бы за собой съ одной стороны долговременное подчиненіе Рос-

сіи нѣмецкому вліянію, а съ другой стороны могла бы доставить нѣмцамъ побѣду или по крайней мѣрѣ ничью на западномъ фронтѣ. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весь ходъ не только русской, но и міровой исторіи былъ-бы совершенно инымъ, если-бы въ Германіи восторжествовала въ данномъ вопросѣ политика генеральнаго штаба надъ политикой министерства иностранныхъ дѣлъ. Отъ чего и отъ кого зависятъ судьбы народовъ?.. Кто изъ русскихъ людей знаетъ имя господина директора Криге, который сыгралъ столь исключительную роль въ судьбахъ нашего отечества?

Съ нѣмецкой, прусской точки зрѣнія, планъ Людендорфа былъ, пожалуй, дальновиднѣе чѣмъ политика профессіональныхъ германскихъ политиковъ и стоящаго за ними большинства рейхстага. Тога отстала отъ сабли. Правда, объясняется это чрезмѣрной вѣрой тоги въ саблю. Надо думать, что и Кюльманъ, и Гертлингъ, и Криге разсчитывали свергнуть Совѣтскую власть *послѣ* побѣды Людендорфа на западномъ фронтѣ. Съ ихъ точки зрѣнія, военное пораженіе нѣмцевъ сдѣлало невозможнымъ сверженіе большевиковъ. Съ точки зрѣнія Людендорфа, допущеніе большевистской пропаганды сдѣлало невозможной военную побѣду Германіи. Въ такихъ случаяхъ

принято говорить: «исторія выяснитъ». На самомъ дѣлѣ она, разумѣется, точно ничего не выяснитъ.

Какъ бы то ни было, послѣ прочтенія книги «Воспоминаній», еще яснѣе понимаешь, сколько случайнаго и не поддающагося учету было во всѣхъ этихъ апокалипсическихъ событіяхъ. Людендорфъ проигралъ войну, но онъ могъ ее выиграть. На нашихъ глазахъ была произведена изумительная во многихъ отношеніяхъ попытка повернуть исторію круто назадъ, и эта попытка едва-едва не удалась.

Видитъ Богъ, не сложна и не нова та философія, во имя которой указанная попытка производилась. Людендорфъ открыто презираетъ современную демократическую цивилизацію. Собственный идеалъ его, если у него вообще есть идеалъ, далеко позади. Гдѣ именно? Въ Германіи Бисмарка, въ Пруссіи Фридриха II, въ Тевтобургскомъ лѣсу, подъ знаменами Арминія? Во всякомъ случаѣ — гдѣ-то тамъ, на пути къ каменному вѣку. Тѣмъ поразительнѣе твердая вѣра, не покинувшая повидимому и теперь отставного диктатора, вѣра въ полную осуществимость подобнаго идеала.

«Вся человѣческая жизнь — борьба, — говоритъ Людендорфъ. — Внутри государствъ партіи борются между собою за власть, точно

такъ-же въ мірѣ борются народы — и такъ будетъ всегда. Это законъ природы. Воспитаніе и болѣе возвышенная мораль могутъ умѣрить борьбу за власть, могутъ смягчить ея форму (послѣдняя фраза, разумѣется, вставлена для красоты слога. *М. А.*). Но они никогда не устранятъ борьбы, ибо это было-бы противно природѣ человѣка и въ концѣ концовъ противно природѣ вообще. Природа это борьба. Благородное не можетъ существовать иначе, какъ при помощи силы».

Кто только не высказывалъ подобныхъ мыслей въ болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу варіантахъ? Генералъ Бернгарди и Спиноза (по крайней мѣрѣ отчасти), Ленинъ и Дарвинъ (вѣрнѣе дарвинисты), Лассаль и Ницше. Все это банальныя эмпирическія истины, противъ которыхъ волтерьянцы совершенно напрасно спорятъ. Непонятно даже, для чего они собственно это дѣлаютъ: жизнь не переспоришь. Возможно однако — по крайней мѣрѣ въ теоріи, — вольтерьянство, дѣлающее жизни нѣкоторыя уступки. Оно споритъ не по существу, а о формахъ. Борьба, такъ борьба, но зачѣмъ-же непремѣнно при помощи танковъ и пулеметовъ? Для борьбы партій есть парламенты и газеты, для борьбы государствъ — третейскіе суды, Гаагскій трибуналъ, Общество народовъ. Правда, нѣтъ ниче-

го убѣдительнѣе танка и пулемета. Но именно чрезмѣрная ихъ убѣдительность способна вызвать нѣкоторыя сомнѣнія. Если спор ъ, который велся съ 1914 по 1918 годъ при помощи танковъ и пулеметовъ, стоилъ Европѣ десять милліоновъ людей и нѣсколько тысячъ милліардовъ денежныхъ единицъ, то весьма правдоподобно, что послѣ слѣдующаго спора, который будетъ вестись — скажемъ, въ 1950 году— при помощи какихъ-нибудь сверхъ-танковъ и сверхъ-пулеметовъ, вообще больше некому и не о чемъ будетъ спорить. Тогда послѣдніе пулеметчики, вѣроятно, вспомнятъ о существованіи разума и морали.

Говорятъ, что «Воспоминанія» бывшаго диктатора становятся Библіей, на которой воспитывается молодое нѣмецкое поколѣніе. Я этому плохо вѣрю. Для Библіи эта длинная книга все-таки въ цѣломъ недостаточно хорошо написана. Моисей былъ первокласный литераторъ; Людендорфъ пишетъ значительно хуже. Кромѣ того, ему недостаетъ того, что одно вѣнчаетъ славу политическаго героя: ему недостаетъ успѣха. Не изъ египетскаго рабства вывелъ онъ своихъ соплеменниковъ, а, напротивъ, повергъ ихъ въ египетское рабство. «Въ конечномъ счетѣ» Людендорфъ оказался неудачникомъ. На книгахъ неудачниковъ не воспитываются народы. Поверженный кумиръ

можетъ остаться богомъ, но павшіе боги обычно не принимаютъ большого участія въ рѣшеніи людскихъ судебъ.

И все-таки трудно сказать съ полной увѣренностью, дѣйствительно-ли наступилъ настоящій «конечный счетъ» для генерала Людендорфа. Его торжественно хоронятъ нынѣшніе нѣмецкіе министры, еще не износившіе башмаковъ, въ которыхъ они спасались изъ Берлина отъ войскъ Лютвица и Каппа. Въ тѣ дни тѣнь германскаго милитаризма неожиданно встала изъ гроба. Ее скоро снова уложили въ гробъ. Но наслѣдники поглядываютъ на могилу какъ-будто съ нѣкоторой опаской. Ужъ очень упорно они твердятъ, что покойникъ дѣйствительно умеръ. Это плохой симптомъ — разумѣется, для наслѣдниковъ.

Отсюда никакъ не нужно заключать, будто правъ тотъ французскій издатель мемуаровъ Людендорфа, который видитъ въ знаменитомъ генералѣ — будущаго вождя нѣмецко- славянскаго міра въ борьбѣ съ міромъ Версальскихъ побѣдителей. Ужъ очень это было бы прежде всего глупо, если-бъ «славянскій міръ» (т. е. — говоря безъ обиняковъ — Россія) избралъ себѣ въ вожди побѣдителя при Танненбергѣ. Правда, глупость та́кого финала, въ качествѣ рѣшающаго аргумента, сама по себѣ не можетъ имѣть значенія. Въ «нелѣпой

сказкѣ, разсказанной дуракомъ», глупостью никого не удивишь. Однако... еще одна война войнѣ, еще побѣды и пораженія, еще Танненберги, Лувены и Лузитаніи, свои доблестные подвиги и звѣрства противника, освободительные идеалы и геніальные генералы, кровавыя потери врага, отступленія на заранѣе подготовленныя позиціи, — надоѣло... Врядъ-ли всѣмъ этимъ можно будетъ прельстить людей, пережившихъ тысячелѣтіе 1914—18 гг.

ЖОРЖЪ КЛЕМАНСО.

Dans les champs du Pouvoir, sur des tréteaux qui ne paraissent élevés que parce que l'humanité d'elle-même s'affaisse, des acteurs plus ou moins improvisés jouent la scène du jour, dont le sens leur échappe, en un drame dont le dénouement se dérobe à tous les yeux.

On nous dit que la Divinité Révolution doit changer l'ordre du monde. Je serais charmé qu'elle voulut bien commencer par l'homme seulement...

Le monde est plein d'erreurs obstinément maintenues parce que l'homme redoute de changer des illusions familières pour d'âpres vérités chargées d'inconnu. Et qui sait, après tout, dans ce douloureux conflit du monde vrai avec le monde imaginé, dans quelle mesure un séduisant mirage peut venir en aide à la faiblesse humaine pour l'achèvement de sa journée.

Georges Clemenceau.

Если исторію трудно повернуть вспять, значить-ли это, что ее нельзя задержать на мѣстѣ?

Идея Людендорфа, по всей видимости, себя не оправдала. Можетъ быть, идея Клемансо имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ.

Враги называютъ бывшаго французскаго министра-президента реакціонеромъ и обвиняютъ его въ «инкогерьнтности». Оба эти упрека въ сущности не сонсѣмъ основательны. Клемансо не реакціонеръ, а консерваторъ — можетъ быть, онъ даже единственный въ настоящее время консерваторъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ послѣдняго слова. Онъ не думаетъ — не считаетъ ни нужнымъ, ни возможнымъ — тянуть исторію назадъ, какъ это дѣлаетъ Людендорфъ. Онъ только не видитъ рѣшительно никакой надобности двигать ее впередъ, будучи глубоко убѣжденъ, чтс впереди такъ же гнусно, какъ сзади. Людендорфъ презираетъ демократію, а Клемансо — ее и все остальное. Съ этой точки зрѣнія въ анекдотѣ о Буридановомъ ослѣ скрыта глубокая философско-политическая мысль.

Несмотря на нѣкоторую внѣшнюю непослѣдовательность, въ дѣйствіяхъ Клемансо всегда была неизмѣнная мысль, вѣрнѣе непоколебимое чувство,—его глубокое презрѣніе къ людямъ. Этотъ Шопенгауеръ политики ненавидитъ, конечно, нѣмцевъ, но не слишкомъ любитъ и своихъ соотечественниковъ, всецѣло раздѣляя, какъ будто, мнѣніе знаменитаго философо-

фа: «Jede Nation spottet ueber die anderen und alle haben Recht». По мнѣнію Клемансо, люди всегда будутъ грабить и рѣзать другъ друга и всегда совершенно основательно, ибо лучшаго они и не стоятъ. Собственно, главный политическій трюкъ французскаго министра заключался именно въ томъ, что онъ идеѣ соціальнаго грабежа съ нѣкоторымъ успѣхомъ (по крайней мѣрѣ, временнымъ) противопоставилъ идею грабежа національнаго. «Грабь буржуевъ», «грабь помѣщиковъ», «грабь Германію», «грабь Россію», — будушее покажетъ, какой изъ этихъ лозунговъ оказался наиболѣе сильнымъ.

Года два тому назадъ кто-то въ парламентѣ напомнилъ Клемансо объ идеяхъ Лиги Націй. Премьеръ былъ въ хорошемъ настроеніи духа, — въ томъ самомъ, въ какомъ онъ пустилъ въ оборотъ знаменитое словечко о noble candeur Президента Вильсона.

— «Лига Націй?» — переспросилъ онъ со своимъ несравненнымъ искусствомъ diseur'а. — «Ахъ, да, Лига Націй... Въ самомъ дѣлѣ, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ образована комиссія изъ профессоровъ для выработки проекта Лиги Націй. Весьма важная комиссія... Прекрасные профессора... Они выработаютъ превосходный проектъ... Я его представлю парламенту».

На скамьяхъ палаты раздался смѣхъ. — «Надо было слышать, — писалъ на слѣдующее утро, захлебываясь отъ восторга, Морисъ Барресъ, — надо было слышать, какъ это было сказано. Въ голосѣ, въ интонаціяхъ старика чувствовалось глубокое и совершенное презрѣніе, единственно способное déniaiser les jeunes gens.»*)

Правда, теперь Лига Націй существуетъ, но къ профессорскому проекту Клемансо, какъ извѣстно, приложилъ свою дряхлую руку — и нѣкоторые англійскіе энтузіасты этой идеи, увидѣвъ ея конкретное осуществленіе, называютъ ее не League of Nations, a League of Damnations (Лига проклятій).

Психологія политическаго дѣятеля обычно большого интереса не вызываетъ. Въ политикѣ некогда вникать въ душу и въ ней человѣка для удобства принимаютъ за то, за что онъ самъ себя выдаетъ (иначе Богъ знаетъ, куда бы мы пришли) Между тѣмъ отъ психологическихъ изысканій на тему — «какъ дошла ты до жизни такой?» — часто приходишь къ выводамъ, имѣющимъ чисто политическое значеніе. А если и не приходишь, то трудъ все же представляетъ хотя бы теоретическій интересъ.

---

*) Цитирую на память.

Сколько разъ за послѣдніе годы мы видѣли печальныя сумерки политическихъ боговъ и политическихъ идоловъ. Давно-ли на нашихъ глазахъ скатился съ гуттаперчеваго пьедестала президентъ Вудро Вильсонъ? Но рядомъ съ зловѣщей шуткой Goetterdaemmerung иногда происходитъ и процессъ обратный. Такъ, на примѣрѣ Клемансо судьба показала намъ не менѣе своеобразную шутку.

20-го декабря 1892 г. во французской Палатѣ Депутатовъ происходило необыкновенное засѣданіе. Поль Деруледъ въ самый разгаръ панамскаго скандала вносилъ интерпеляцію по дѣлу главнаго его героя, Корнелія Герца. — «Кто ввелъ во Францію этого нѣмца? — спрашивалъ съ необычайной рѣзкостью ораторъ. — Кто вывелъ его въ люди? За спиной этого иностранца скрывался французъ, могущественный, вліятельный, смѣлый. Or, ce complaisant, ce dévoué, cet infatigable intermédiaire, si actif et si dangereux, vous le connaissez tous, son nom est sur toutes vos lèvres; mais pas un de vous pourtant ne le nommerait, car il est trois choses en lui que vous redoutez: son épée, son pistolet, sa langue. Eh bien! moi, je brave les trois et je le nomme: c'est M. Clemenceau!»

— «Да, это вы, — продолжалъ Деруледъ,

обращаясь къ Клемансо, — Это вы въ угоду внѣшнему врагу разрушали политическую жизнь Франціи. Низвергая одно за другимъ безчисленныя министерства, сокрушая безпрестанно людей, стоящихъ у власти, внося при помощи вашего большого дарованія смуту въ умы и вѣрованія людей, вы, разрушитель, были оплотомъ внѣшняго врага. Я — противникъ парламентскаго строя, но не думаю, чтобы кто другой нанесъ ему когда-либо столь ужасные удары, какъ вы»...

«Ce discours de violence inouïe, joué, crié, sublime, — il faut le dire, — détendit cette Chambre contractée, la t i r a d e s a p e u r e t d'u n e l o n g u e s e r v i t u d e... Clemenceau dans sa prospérité eut une certaine maniere d'interpellation directe, quelque chose d'agressif et qui prenait barre sur tous. La familiarité du Petit Caporal avec ses grognards? Non! plutôt un tutoiement pour laquais». — Такъ когда-то говорилъ участникъ этого парламентскаго засѣданія, нынѣшній обожатель Клемансо, а въ то время его смертельный врагъ, — Морисъ Барресъ. Приведенное замѣчаніе, кстати будь сказано, вполнѣ основательно. Еще недавно одинъ изъ обожателей Клемансо съ неподражаемой наивностью описывалъ его в ъ с у щ н о с т и с а м о е с е р д е ч н о е обращеніе совершенно такъ,

какъ дядя Андрея Ивановича Тентетникова (въ одномъ изъ варіантовъ «Мертвыхъ душъ») расхваливалъ своего начальника, графа Сидора Андреевича: «Вотъ ужъ можно сказать собака, а добрѣйшая, благороднѣйшая душа. Сколько разъ онъ меня, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называлъ дуракомъ, ну, что дуракомъ, просто по-матерному выругаетъ, и что же? черезъ два часа ничего не помнитъ и опять дружески разговариваетъ, спрашиваетъ, скоро ли опять жена отелится?» Не всѣмъ однако оффиціальнымъ обожателямъ свойственно такое благодушіе — и на послѣднихъ президентскихъ выборахъ Клемансо былъ заботливо проваленъ своими собственными политическими *друзьями*...

Въ тотъ день, 20 декабря 1892 г., друзья погибавшаго борца вели себя еще гораздо хуже. Когда послѣ рѣчи Деруледа на трибуну взошелъ смертельно блѣдный Клемансо, онъ встрѣтилъ зловѣщее гробовое молчаніе. На его фигуральный призывъ «à moi, mes amis!» отвѣтилъ, по свидѣтельству Барреса, одинъ только голосъ: «Молодой Пишонъ, честная и наивная фигура, отозвался на призывъ Клемансо*). Его голосъ прозвучалъ одиноко

*) Та блестящая правительственная карьера, которой Стефанъ Пишонъ всецѣло обязанъ Клемансо, находитъ, быть можетъ, объясненіе въ этой сценѣ 20-го декабря 1892 г.

— при молчаніи другихъ вѣрноподданныхъ, и создалось тяжелое впечатлѣніе неудавшейся манифестаціи. Такой скверный эффектъ достигается въ театрѣ, когда одинъ статистъ изображаетъ толпу. Клемансо это почувствовалъ. Гордецъ отвѣтилъ рѣзко:

«Мнѣ никого не нужно».

Но онъ почувствовалъ и свое одиночество, и силу той ненависти, которая его окружала»*).

Врядъ-ли нужно говорить, что Клемансо былъ тогда жертвой клеветы. Нѣсколькими мѣсяцами позже другой націоналистъ, Мильвуа, рѣшилъ окончательно доканать нынѣшняго отца побѣды. Онъ публично обѣщалъ представить документальныя доказательства того, что «Клемансо — послѣдній изъ негодяевъ». Этихъ доказательствъ — въ атмосферѣ общей ненависти, окружавшей личность нынѣшняго кумира, — съ нетерпѣніемъ ждала вся Франція. Враждебныя газеты заранѣе

*) Разумѣется, за трагическимъ засѣданіемъ парламента послѣдовала дуэль, которая совершенно неожиданно оказалась безрезультатной. Клемансо, дравшійся на поединкахъ безъ счета, наканунѣ публично всадившій въ туза одну за другой дюжину пуль, промахнулся. По возвращеніи съ мѣста дуэли Деруледъ, котораго только-только не отпѣвали друзья, былъ встрѣченъ бурными апплодисментами толпы — и палаты депутатовъ.

разгласили «la grande trahison de M. Clemenceau vendu à l'Angleterre». Много республиканскихъ депутатовъ въ долгожданный день засѣданія подходило къ Мильвуа съ сердечными пожеланіями: «Débarassez nous de cet individu». Въ парламентѣ готовили политическое убійство Клемансо, а у воротъ стояли люди, собиравшіеся бросить его въ Сену.

Разумѣется, все оказалось вздоромъ. Обѣщанныя документальныя доказательства, будто-бы выкраденныя изъ англійскаго посольства, были грубѣйшимъ подлогомъ, какъ это выяснилось съ совершеннѣйшей очевидностью во время ихъ чтенія съ трибуны парламента. Въ палатѣ произошелъ неслыханный скандалъ. Уничтоженный Мильвуа съ видомъ полоумнаго замолкъ на трибунѣ. Деруледъ, который былъ искренно убѣжденъ въ подлинности документовъ и въ государственной измѣнѣ Клемансо, тутъ же на засѣданіи подалъ въ отставку, любезно объявивъ друзьямъ и врагамъ: «Vous me dégoutez tous! La politique est le dernier des métiers; les hommes politiques les derniers des hommes; j'en ai assez, je donne ma démission!»

— «Ah! le rire de Clemenceau alors! — съ горечью писалъ тогда Морисъ Барресъ, двусмысленно намекая, что въ разоблаченіяхъ Мильвуа не все было ложью. — Rire d'un

surmené qui ne peut plus se contenir. Ses gestes fuyants de toutes parts. Ils se tape sur les épaules, sur les cuisses. Les tribunes s'épouvantent de le voir danser sur son banc... Au moindre faux pas, toute cette sorcellerie se fût abattue sur lui-même. Il le sentit. Il sacrifia le très beau discours qu'il avait préparé, qu'il eût si merveilleusement prononcé...»

Дѣла давно минувшихъ дней. Но интересныя дѣла. Есть много поучительнаго въ возвращеніи къ далекому прошлому героевъ. Ихъ отношенія къ толпѣ сильно выигрываютъ въ ясности... Я ищу въ этихъ забытыхъ сценахъ, которыя обходятъ молчаніемъ нынѣшніе біографы знаменитаго министра, — я ищу въ нихъ ключа къ сложной душѣ Клемансо.

Несмотря на моральное уничтоженіе Мильвуа, карьера недавняго диктатора Франціи прервалась лѣтъ на 15. Въ клеветѣ есть повидимому чудодѣйственная сила. Кумиръ, боготворимый и сейчасъ большинствомъ французскаго народа (это несомнѣнный фактъ, — стоитъ послушать разговоры), былъ четверть вѣка тому назадъ самымъ ненавистнымъ человѣкомъ во Франціи. Защиты его даже не слушали. Достаточно было того, что завѣдомые клеветники его обвиняли*) (а въ чемъ только

*) Немалую пикантность всей этой кампаніи противъ Клемансо придаетъ то обстоятельство,

его не обвиняли, — даже въ уголовномъ убійствѣ). Онъ лишился своего мѣста въ парламентѣ, ему не давали говорить на митингахъ, его голосъ заглушали криками: «Долой! въ Англію! yes, yes!» Тогда онъ былъ Mister Клемансо, какъ впослѣдствіи Жоресъ былъ Herr Jaurès; и если-бы въ 90-хъ годахъ война вспыхнула между Франціей и Англіей, то, быть можетъ, для нынѣшняго «отца побѣды» нашелся бы свой Рауль Виллэнъ.

«Отъ Капитолія до Тарпейской скалы только одинъ шагъ». Клемансо продѣлалъ эту дорогу и въ томъ, и въ другомъ направленіи. Вся его романтическая жизнь прошла между Капитоліемъ и Тарпейской скалой. Кто знаетъ? — вѣдь все возможно: если при его жизни Людендорфъ или Ленинъ наложатъ на Францію свою тяжелую пяту, онъ, пожалуй, познаетъ Тарпейскую скалу и въ менѣе аллегорическомъ смыслѣ этого слова.

Въ Капитоліи видѣли его мы всѣ. Но на вершинахъ своей славы, въ ноябрѣ 1918 г., онъ, вѣроятно, вспоминалъ день, когда въ томъ же Бурбонскомъ дворцѣ нынѣ идолопоклонствующіе передъ нимъ люди называли его «послѣднимъ изъ негодяевъ», а у

что главнымъ обвинителемъ его въ государственной измѣнѣ былъ Эрнестъ Жюде, нынѣ оказавшійся германскимъ агентомъ.

воротъ толпа, теперь носящая его на рукахъ, собиралась утопить его въ рѣкѣ. Эти переживанія, этотъ истерическій смѣхъ не забываются.

Именно въ ту пору своей жизни онъ задумалъ драматическую поэму «Le voile du bonheur», исполненную мрачной ироніи и почти безграничнаго презрѣнія къ людямъ. Скажу безъ парадокса: эта пьеса лучше уясняетъ философію версальскаго трактата, чѣмъ посвященные послѣднему томы газетныхъ передовыхъ и парламентскихъ рѣчей.

На Конференціи Мира Клемансо безспорно доминировалъ, несмотря на меньшій военно-политическій вѣсъ Франціи по сравненію съ Англіей и съ Соединенными Штатами. Въ этой кучкѣ людей, безконтрольно распоряжавшейся вселенной, рядомъ съ невѣжественнымъ англійскимъ дѣльцомъ, мѣняющимъ взгляды два раза въ мѣсяцъ, рядомъ съ замученнымъ американскимъ профессоромъ, проникнутымъ идеологіей протестантскаго пастора, имѣющаго сбереженія въ банкѣ, французскій подлинный аристократъ духа, конечно, не могъ не доминировать идейно. На верхнія ступени крутой и опасной политической лѣстницы въ настоящихъ условіяхъ жизни судьба обычно выноситъ людей большого практи-

ческаго ума, обладающихъ даромъ слова и парламентской интриги. Эти свойства присущи Клемансо въ такой же мѣрѣ, какъ и другимъ распорядителямъ міра. Но у кого же изъ нынѣшнихъ политическихъ дѣятелей есть свойственное ему сочетаніе огромной культуры, умственнаго аристократизма, писательскаго дара?*) Одинъ Бальфуръ, блестящій философъ-скептикъ, ставшій почему-то — больше по наслѣдственной традиціи — главой англійской консервативной партіи, до извѣстной степени приближается къ Клемансо по умственному складу.

«Исторія выяснитъ», быть можетъ, роль Клемансо въ дѣлѣ организаціи войны. Легенда, создавшаяся вокругъ *отца побѣды*, врядъ-ли будетъ когда-либо разрушена. Съ легендами исторіи вообще нелегко бороться а въ этой легендѣ вдобавокъ была значительная доля правды. Люди, подобные Клемансо,

---

*) Клемансо, безспорно, одинъ изъ самыхъ блестящихъ публицистовъ Европы, сталъ писать пятидесяти лѣтъ отроду (послѣ своего политическаго крушенія), что въ литературѣ имѣетъ весьма мало прецедентовъ. Аттестацію *грамотности* ему выдалъ самъ Анатоль Франсъ: «M. Clemenceau sait écrire», съ удивленіемъ замѣтилъ авторъ «Thaïs», который весьма иронически относится къ обычнымъ литературнымъ упражненіямъ современныхъ политическихъ дѣятелей.

чрезвычайно рѣдко оказываются искусными организаторами, и не въ организаціи арміи, вѣроятно, кроется заслуга передъ страной бывшаго министра-президента. Но не подлежитъ сомнѣнію, что безграничная энергія и самоувѣренность стараго бреттера оказали въ тяжелые дни самое благотворное дѣйствіе на моральное состояніе изнемогавшей Франціи.

Одинъ отставной французскій министръ два года тому назадъ разсказывалъ въ обществѣ о своемъ посѣщеніи Клемансо въ самое тяжелое время войны. Это было весною 1918 года. Нечеловѣческимъ усиліемъ Людендорфъ прорвалъ союзный фронтъ, и снова показались почти у стѣнъ Парижа наступающія германскія войска. Крупповское чудовище, притаившееся въ бетонной пещерѣ, начало съ 120-ти верстной дистанціи обстрѣлъ столицы міра. Къ Клемансо отправилась депутація, въ составъ которой входилъ упомянутый эксъ-министръ. Послѣдній не объяснилъ въ своемъ разсказѣ, какова была цѣль делегаціи: лѣтъ черезъ двадцать мы, вѣроятно, прочтемъ объ этомъ въ его мемуарахъ. Думаю, однако, что делегація являлась не спроста и не только за свѣдѣніями о событіяхъ.

— Кажется, все погибло, — сказалъ депутатамъ черный, какъ туча, Клемансо.

— Какъ все погибло?!

— Такъ. Намъ остается умереть съ честью.

— Monsieur le President, il ne s'agit pas que la France meure, — рѣзко замѣтилъ эксъ-министръ. Клемансо пожалъ плечами. Перемѣны въ его политикѣ, какъ извѣстно, не произошло, — и мы знаемъ, что думаетъ объ этомъ компетентный въ данномъ случаѣ человѣкъ — Людендорфъ.

Надо добавить, что эксъ-министръ ненавидѣлъ Клемансо, тогда находившагося на вершинѣ власти и славы, — ненавидѣлъ его всѣми видами ненависти: ненавистью личной, политической, обывательской, чуть даже не метафизической. Разсказывалъ онъ этотъ эпизодъ явно въ посрамленіе главы правительства. Однако, его художественный разсказъ — онъ самъ замѣчательный мастеръ слова — достигалъ въ сущности какъ разъ обратнаго результата. Чувствовалось, что тогда, въ 1918 г., Франціи былъ нуженъ именно такой вождь, азартный игрокъ безграничной смѣлости, готовый поставить на одну карту все — свое и чужое.

Въ народѣ и въ арміи Клемансо, повторяю, несомнѣнно пользовался и пользуется огромной популярностью. Думаю, и на верхахъ

націи, у многихъ образованныхъ французовъ, нисколько не сочувствующихъ ни философско-политическимъ взглядамъ, ни характеру Клемансо, было тогда (и даже позднѣе) смутное ощущеніе, что, какъ ни какъ, а за нимъ не пропадешь въ это бурное невиданное время, когда *пропасть* не только человѣку, но государству, народу, культурѣ такъ легко и такъ просто. Чувствовалось, что этотъ ослѣпительно блестящій человѣкъ — политикъ, драматургъ, эллинистъ, романистъ, критикъ*) — при всѣхъ своихъ огромныхъ недостаткахъ, больше, тѣснѣе, чѣмъ кто другой, связанъ съ безчисленными проявленіями цивилизаціи и что онъ никому не дастъ — ни нѣмцамъ, ни большевикамъ — разгромить пятнадцать столѣтій французской культуры. Можетъ быть, это была иллюзія. Но иллюзіями движется исторія — и, должно сказать, очень безтолково движется.

Внутренняя политика Клемансо весьма своеобразна и вполнѣ соотвѣтствуетъ всему его складу ума.

«Надо подморозить Россію, чтобы она не жила», писалъ когда-то К. Леонтьевъ въ своей книгѣ «Востокъ, Россія и Славянство».

---

*) Мысли Клемансо объ Ибсенѣ, Рембрандтѣ, Байронѣ, Додэ заслуживали бы особаго этюда; здѣсь я не могу ихъ коснуться.

Это былъ утопическій «идеалъ», неумѣло и неумно проводившійся въ жизнь. Тѣми средствами, которыми пытались заморозить Россію московскіе теоретики и петербургскіе практики самодержавія, это сдѣлать было очень трудно — на сколько-нибудь продолжительное время. Формула французскихъ вельможъ «après nous le déluge!» имѣла еще нѣкоторый разумный житейскій смыслъ; формула русскихъ монархистовъ (и русскихъ большевиковъ) «хоть часъ, да мой!» — совершенно безсмысленна. Глубокій и зловѣщій историческій символъ вложенъ Пушкинымъ въ Пугачевскую притчу о воронѣ и орлѣ. Долго ли еще будетъ жить по этому символу наша несчастная страна?

Жоржъ Клемансо показалъ трюкъ, несравненно болѣе совершенный. Онъ дѣйствительно подморозилъ Францію — безъ казней, безъ каторги, безъ плетей. Вѣдь это въ своемъ родѣ чудо: страна, имѣющая традицію четырехъ революцій, пострадавшая отъ войны больше, чѣмъ какая бы то ни было другая, потерявшая весь цвѣтъ своего мужского населенія, въ настоящее время является самой консервативной и устойчивой страной въ мірѣ. Ни одна сколько-нибудь серьезная и глубокая реформа не имѣетъ, къ несчастью, въ настоящее время никакихъ шансовъ пройти

во Франціи. Можетъ быть, впервые въ исторіи съ такой полнотой осуществился въ свободной демократіи идеалъ консервативной идеи. И, что всего удивительнѣе, народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ какъ будто доволенъ. Лозунги, подъ которыми Клемансо повелъ страну на выборы, ее повидимому совершенно удовлетворили.

Двѣ могучія силы живутъ въ душѣ человѣка: жажда новаго и боязнь потерять старое. Ленинъ сыгралъ на первой силѣ, разумѣется обманувъ народъ: большевистской новизнѣ мы знаемъ цѣну. Клемансо совершенно откровенно и искренно ставитъ на вторую силу. «Не вѣрьте новымъ опытамъ, — точно говоритъ онъ, — ни Divinité Révolution ни Divinité Réforme не сдѣлаютъ жизнь лучше и не стоятъ того, чтобы ради нихъ ударили пальцемъ о палецъ. Правда, въ душѣ человѣка заложены грабительскіе инстинкты; чтожъ, можно грабить побѣжденные народы, — бывшихъ враговъ (а то и бывшихъ союзниковъ). Вы утверждаете, будто нынѣшняя демократія никуда не годится? Я и самъ въ этомъ увѣренъ.*)

) Близкіе къ Клемансо люди увѣряютъ, что въ частныхъ бесѣдахъ онъ не скрываетъ своего совершенно отрицательнаго отношенія къ современной парламентской системѣ. Мѣстами вскользь онъ и въ своихъ книгахъ проявлялъ

Но то, что вы осуществите вмѣсто нея, будетъ, вѣроятно, еще хуже». Этимъ духомъ всецѣло была проникнута его знаменитая бесѣда съ представителями Генеральной Конфедераціи Труда, — маленькій шедевръ, въ своемъ родѣ стоящій наставленій, которыя у Гете Мефистофель преподноситъ ученику.

Въ настоящемъ этюдѣ, нисколько не претендующемъ на полноту, я почти не говорилъ о соціально-политическихъ (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова) идеяхъ Клемансо. Да говорить о нихъ, пожалуй, и не стоитъ. Клемансо такой же радикалъ, какъ Людендорфъ — монархистъ; первый, вѣроятно, столько же вѣритъ въ демократическую идею, какъ второй — въ божественное право. Эти замѣчательные люди символизируютъ два отвѣта стараго міра на поставленный жизнью грозный вопросъ. Между ними и красной пѣной, которая въ Россіи взбила на поверхность большевизмъ, есть, надо надѣяться, или по крайней мѣрѣ должно быть, еще что-то другое. Будущее принадле-

---

отсутствіе чрезмѣрнаго уваженія къ демократическимъ принципамъ. Такъ, одной поборницѣ равноправія половъ, запросившей его въ 1913 г., стоитъ-ли онъ за предоставленіе женщинамъ избирательнаго права, онъ невозмутимо отвѣтилъ, что по его мнѣнію гораздо лучше осуществить равноправіе, отнявъ избирательное право и у большинства мужчинъ.

житъ, вѣроятно, тѣмъ, кто не тащитъ исторію назадъ и не старается удержать ее на мѣстѣ.

Я надѣюсь, что жизнь окажется сильнѣе подмораживающихъ ее людей. Желѣзные законы экономической необходимости всѣхъ заставятъ рано или поздно прибѣгнуть къ Divinité Réforme, дабы избѣгнуть Divinité Révolution. Но все-таки очень замѣчательна эта смѣлая попытка увѣрить людей въ томъ, что имъ рѣшительно ничего не нужно, попытка тѣмъ болѣе оригинальная, что исходила она отъ человѣка, зачѣмъ-то сокрушившаго на своемъ вѣку десятка два министерствъ.

Я впервые увидѣлъ Клемансо много лѣтъ тому назадъ — въ фойэ Французскаго Театра. Рядомъ съ Гудоновской статуей Вольтера стоялъ старый, слегка сгорбленный человѣкъ средняго роста, съ необыкновенно выразительнымъ лицомъ. Передъ нимъ въ позѣ почтительнаго любопытства склонился какой-то господинъ, очевидно ловившій съ жадностью для передачи дальше слова знаменитаго остроумца. Клемансо что-то говорилъ ему, не сводя съ него упорнаго взгляда тяжелыхъ, черныхъ, какъ уголь, глазъ, — взгляда, не шедшаго къ холодно-привѣтливой свѣтской улыбкѣ. На надменномъ лицѣ его лежалъ отпечатокъ

той особой усталости, какая бываетъ у много жившихъ и много думавшихъ людей. — Старость Печорина, — таково было впечатлѣніе всего облика.

—Онъ похожъ на эту статую, — сказалъ я знакомому французу, показавшему мнѣ Клемансо.

— Не лицомъ, но усмѣшкой, — отвѣтилъ тотъ и процитировалъ при случаѣ всѣмъ извѣстные стихи:

Dors tu content, Voltaire, et ton hideux sourire
Voltige-t-il encore sur tes os décharnés?
Ton siècle était, dit-on, trop jeune pour te lire,
Le nôtre doit te plaire, et tes hommes sont nés...

Въ самомъ дѣлѣ, эти два человѣка смыкаются одной традиціей. Оба они никогда ни во что не вѣрили и оба всю жизнь за что-то для чего-то боролись, наполняя міръ звенящимъ шумомъ своего имени. Чисто французскій складъ ума и чисто французская традиція, идущая очень далеко назадъ: отъ Клемансо она прямо приводитъ къ Ларошфуко, — не только по складу мысли, но также по складу жизни. Борьба, интриги, романы, дуэли, тріумфы, паденія, все это неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣст-

но почему, а въ промежуткахъ — мысли острыя, холодныя, кривыя и ржавыя. Для чего живутъ эти люди, да еще такой бурной жизнью? Кто скажетъ!.. «Было всегда un je ne sais quoi во всей личности герцога Ларошфуко», писалъ когда-то кардиналъ де-Ретцъ о своемъ знаменитомъ современникѣ, и, право-же, никто не сказалъ о послѣднемъ ничего лучше этого...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Книги, написанныя по русски:

ТОЛСТОЙ и РОЛЛАНЪ. — С.-Петербургъ, 1914.

АРМАГЕДДОНЪ. — С.-Петербургъ, 1918.

ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА, — (печатается).

СВЯТАЯ ЕЛЕНА, МАЛЕНЬКІЙ ОСТРОВЪ, — (съ иллюстраціями въ краскахъ кн. А. К. Шервашидзе), Берлинъ, 1922 г.

Книги, написанныя по французски:

LÉNINE, — Paris 1919, 6-me édition, (та же книга въ нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійск. переводахъ).

DEUX RÉVOLUTIONS, — Paris 1920, (та же книга въ итальянскомъ и испанскомъ переводахъ).